

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

Том 8
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2021

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.Ю. Швая, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Shvaya, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
«Власть и элиты» включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Региональные элиты России

<i>Быстрова А.С.</i> Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории	7
<i>Тев Д.Б.</i> Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования	28
<i>Дука А.В.</i> Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит	66
<i>Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.</i> Варианты трансформации региональных элит: прогнозы на основании системно-динамической модели рекрутирования элит в 1985–2019 годах	100

Поколения во власти и политике

<i>Завершинский К.Ф.</i> «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит	123
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Смена политических поколений в городах Сибири: динамика образов властных отношений в онлайн и офлайн среде	148

Элиты в этно-национальном контексте

<i>Ачкасов В.А.</i> Перестали ли быть политическими акторами лидеры региональных националистических организаций?	170
<i>Михалев А.В.</i> От «права нации» к «праву племени», или трансформация постсоветской легитимности в республиках Дальнего Востока России	184
Сведения об авторах	198

CONTENTS

Russian Regional Elites

- A. Bystrova.* Regional administrative elites of Russia:
careers and career trajectories 5
- D. Tev.* Speakers of regional legislatures:
career routes and recruitment channels 28
- A. Duka.* Mobility and endogeneity of regional political
and administrative elites 66
- D. Zhukov, D. Seltser.* Variants of transformation of regional elites:
predictions based on a system dynamic model
of recruiting elites in 1985–2019 100

Generations in Power and Politics

- K. Zavershinskiy.* “Generations of elites” vs “elite of generations”:
communicative dimensions of political elite’s socialization 123
- Yu. Pustovoyt.* The change of political generations in Siberian cities:
the dynamics of power relations in online and offline environments 148

Elites in an Ethno-National Context

- V. Achkasov.* Have the leaders of regional nationalist organizations ceased
to be political actors? 170
- A. Mikhalev.* From the “right of nation” to the “right of tribe”,
or transformation of post-Soviet legitimacy
in the republics of the Far East of Russia 184

- Contributors** 198

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ: КАРЬЕРЫ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

А.С. Быстрова

(abc_46@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>

Аннотация. *Статья посвящена исследованию карьер и карьерных траекторий представителей административных элит российских регионов. Эмпирическая база исследования включает биографии чиновников высшего уровня десяти субъектов Российской Федерации, включая губернаторов, их заместителей, членов правительств регионов с 2004 до 2020 г. Анализ эмпирических данных позволил обнаружить, что в этот период происходило существенное обновление корпуса чиновников в регионах. К началу 2020-х годов 64 % чиновников были новыми людьми в элите. Для них занимаемая должность была первой элитной позицией в карьере. За предшествующее десятилетие доля «новичков» увеличилась более, чем в два раза. Укрепилась тенденция профессионализации региональных чиновников. Основная часть (85 %) региональных бюрократов имеют профильное образование (первое, второе или третье). Многие окончили программы профессиональной переподготовки. Их карьеры в основном относятся к профессиональному типу. Утратил свою прежнюю роль номенклатурный опыт работы. В последнее десятилетие в административной элите регионов возросла доля «силовиков», т.е. лиц, имеющих опыт работы в силовых структурах. По-видимому, это связано с широким распространением цифровых технологий как в повседневной жизни населения, так и в управлении регионом. Кроме того, большую роль сыграли*

эпидемия и террористическая угроза. Обнаружено ускорение движения по карьерной лестнице. Внутри административной элиты работают социальные лифты, однако эта социальная группа остается довольно закрытой для представителей низкостатусных групп, не имеющих ресурсов для продвижения наверх.

Ключевые слова: элиты, администраторы, регион, чиновники, мобильность, карьеры, карьерные траектории.

Когда мы узнаем о новом назначении кого-либо на какую-либо заметную должность, то задаем себе вопросы: кто этот человек? Откуда родом, из какой семьи? Какое получил образование? Где работал до назначения и как проявил себя на прежних должностях, в других сферах деятельности?

В обыденной жизни ответы на эти вопросы позволяют понять, кто перед нами и что можно ожидать от деятельности этого человека на порученном ему посту. Исследователю ответы на эти вопросы позволяют узнать о карьере человека, ее траектории, а на большом массиве данных выяснить, как работают социальные лифты, каково представительство во власти выходцев из различных социальных слоев и групп, дает возможность выявить тенденции формирования и функционирования властных групп регионов.

Цель статьи — проследить динамику карьер и карьерных траекторий представителей региональных административных элит десяти регионов РФ в период 2004–2021 гг. Это часть исследования региональных элит, которые ведутся в секторе социологии власти и гражданского общества под руководством А.В. Дуки.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Эмпирической базой исследования типов карьер и карьерных траекторий административных элит субъектов РФ послужил массив биографий периода 2004–2021 гг. По некоторым регионам есть и более ранние данные. Первоначально в поле нашего внимания были четыре региона. В настоящее время база включает биографии чиновников высшего уровня десяти субъектов РФ: Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Новосибирской и Ростовской областей, Ставропольского и Хабаровского краев, Москвы и Республики Дагестан. Принцип выбора регионов — представительство близких

по своим характеристикам групп регионов. Принцип уже не раз описывался в публикациях сектора как совмещение случаев «наибольшего сходства» и «наибольшего различия» [Быстрова и др. 2008].

Таблица 1

Количественные параметры биографической базы (N=4130)

Год сбора информации	Количество биографий	Элитная группа
2005	418	Политики и администраторы
2012	936	Политики и администраторы
2015	1652	Политики и администраторы
2019	660	Политики
2020–2021	464	администраторы

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Исследование карьер имеет сравнительно давнюю историю.

Обыкновенно вертикальную мобильность и выстраивание карьерных траекторий рассматривают в нескольких аспектах, связанных друг с другом:

- 1) уровень индивида и его жизненных планов, карьерных притязаний и их обеспеченности соответствующими ресурсами, в том числе финансовыми, образовательными, материальными, личными и деловыми связями;
- 2) управление карьерами наемных работников, осуществляемое в рамках организаций различного профиля и назначения, включая органы государственного управления;
- 3) исследование социального контекста, который создает, поддерживает, ограничивает возможности индивидов, представителей различных социальных слоев и групп осуществлять свои жизненные стратегии и планы, выстраивать те или иные типы карьер.

На уровне индивида и организаций решающее значение имеют разработки специалистов и исследователей в области психологии и управления персоналом. Это справедливо прежде всего для, условно говоря, периодов стабильности/застоя. Вместе с тем при исследовании на уровне социальных групп, слоев, сословий на первый план, особенно в периоды более или менее основательных трансформаций, выступает анализ карьер и карьерных траекторий в аспекте их обусловленности

характеристиками, параметрами социального контекста, а именно структурой возможностей и ресурсов для реализации этих возможностей.

Исследование карьер политиков и чиновников/бюрократов укладывается в эти правила. При этом подходы к изучению карьер представителей власти, естественно, учитывают особенности сферы их деятельности (политика, государственное управление). Политические и бюрократические карьеры смыкаются на верхних уровнях иерархий независимо от того, анализируем ли мы федеральные или региональные политико-административные элиты.

Исследовательские подходы к изучению карьер, сгруппированные М. Верчези в два кластера [Vercesi 2018], в центре одного — актер, в центре другого — социальный контекст, не являются взаимоисключающими. Напротив, они дополняют друг друга. Структурные возможности макроуровня, включая страновые факторы, особенности политических процессов и политических возможностей, типы режимов, определяют рамки, в которых акторы ищут посты (должности, позиции) и принимают карьерные решения. Исследователи отмечают, что демократические лидеры отличаются от лидеров автократических режимов, существуют также значительные различия между автократиями, различаются каналы рекрутирования и карьеры акторов [Baturu 2016]. Организации и институты (мезоуровень) влияют на индивидуальные стратегии, т.е. выступают посредниками между макро- и микроуровнями. Диапазон выбора ограничен контекстом, его заданность может воспроизводиться, однако резкие изменения могут переменить ситуацию и привести к межэлитной циркуляции.

Типологии карьер имеют различные основания и предложены специалистами ряда научных дисциплин. Основания классификации и цель типологий различны. Многие типологии имеют прикладной характер, предназначены для помощи в определении и выстраивании собственной карьеры или консультирования работодателей по поиску персонала.

Другие варианты типологий, которые разработаны исследователями российских элит и процессов их формирования и функционирования, в наибольшей степени отвечают задачам нашего исследования. Типологии построены в результате анализа обширных биографических материалов, имеют вид метафор «типичных представителей», в них зафиксированы основные характеристики карьерных траекторий и бассейнов рекрутирования. Приведем некоторые примеры:

- «прагматик-индустриалист», «прагматик-постиндустриалист», «прагматик-традиционалист», «партийно-комсомольский карьерист», «этатист-державник», «популист-политик» и «новый делец-политик» [Буренкова 1995];
- «служаки-спринтеры», «служаки-стайеры», «высочки-директора», «высочки-ученые», «высочки-предприниматели» и «высочки-разночинцы» [Понеделков 1995];
- «прагматик», «хозяйственник», «директор», «партийный функционер», «администратор», «преподаватель», «прораб», «комсомолец»; наиболее широко в корпусе региональных руководителей конца 1990-х годов были представлены три типа карьер — «партийный функционер», «администратор», «хозяйственник», на них приходилось свыше 60 % [Слепцов, Куколев, Рыскова 1997].

Паутов и Вернигорова приводят три идеально-типические модели элитной карьеры: две модели устойчивой карьеры, различающиеся тем, что одна имеет в своем составе профессиональный и структурный периоды («элита порядка»), вторая в основном профессиональная (тяготеет к «элите порядка», авторы называют ее переходной) и третья модель — преимущественно структурная карьера («элита изменений») [Паутов, Вернигорова 2000].

Все эти типологии могут быть классифицированы более укрупненно — как преимущественно профессиональные и социальные, т.е. по критерию приверженности акторов определенным видам деятельности.

Факторы, влияющие не только на карьерные различия, но и на возможность попадания в элитные группы, включают возраст и принадлежность к политическому поколению, место рождения и образование, личные и деловые связи. Возраст и принадлежность к тому или иному политическому поколению означают, что и первичная, и профессиональная, и политическая социализации прошли в конкретном социальном контексте, когда действовали характерные для данного времени социальные лифты. Так, войны и послевоенные периоды делают важным социальным лифтом службу в армии. Место рождения и высшее образование, а также место его получения определяют и характер первичной социализации, и особенности профессиональной социализации. Это также важно для установления личных и деловых связей, упрочения социального капитала. Многие связи в дальнейшем служат «вытягивающими» факторами в карьере, особенно в стране, где весьма велики роль

неформальных связей, принадлежность к определенному клану и лояльность ему (клану) и его патрону [Гаман-Голутвина 2004]. Совместная деятельность в какой-либо сфере, организации способствует в дальнейшем продвижению по «пути наверх».

Профессиональный тип карьер — это, как правило, последовательное прохождение ступеней карьерной лестницы в рамках преимущественно одного вида деятельности. Социальный тип — когда в процессе восхождения, не всегда последовательного, по карьерной лестнице происходит неоднократная смена видов деятельности. Иногда такой тип карьеры называют еще структурным, или открытым, в отличие от профессионального, или закрытого.

Исследования элит, бассейнов рекрутирования и карьер в России шло в тесной увязке с изучением процессов трансформации в стране. Были созданы аналитические модели трансформации элит, причем в поле внимания были времена не только с начала 1990-х годов, но и более ранние. Подобно тому как в подходах к исследованию элит в центр внимания ставится актер или социальный контекст, в моделях крен делался на изучение персонального состава либо особое внимание уделялось социально-экономическому фону трансформации элит. Куколев выделяет четыре модели — смена потоков, или волн, правящей элиты; бунт экономических элит, или пробуждение региональных элит; политический капитализм; роль контрэлиты, — указывая на модель «политический капитализм» как наиболее распространенную. При этом он отмечает, что в организации власти в этой модели присутствует тренд к реноменклатуризации, плутократизации, закрытию элит и усилению авторитарных тенденций [Куколев 1997]. Обобщая результаты исследования элитных трансформаций в аспекте карьер и карьерных траекторий до начала 2000-х годов, можно утверждать, что к началу 1980-х годов (период застоя) преобладающий тип карьеры — профессиональный. Период рубежа 1980–1990-х годов, даже несколько ранее, и до середины 1990-х — сдвиг в сторону социального типа.

Наши исследования региональных элит начиная с 1998 г. показали, что преобладающий тип карьер в бизнес-элите — профессиональный. В среде административно-политической элиты большее значение имели социальные карьеры (2000-е годы). Дальнейшие исследования продемонстрировали возрастание в административно-политической элите доли лиц, имеющих профессиональную карьеру (все 2000-е годы), по показателям предшествующей, предпредшествующей работы,

с учетом последней предэлитной должности. Тенденция к закрытию элит проявилась и в том, что из элиты постепенно исчезли бывшие политические активисты, представители низкостатусных групп.

Изучение типов карьер представителей региональной административной элиты и факторов, влияющих на их различия, по биографиям 2000-х годов позволило сделать следующие выводы.

В отличие от экономической элиты, для которой преобладающим типом карьеры по-прежнему является профессиональная, чиновникам свойственны также социальные карьеры. То есть траекториям карьер значительной части бюрократов свойственны определенные зигзаги — перемещения по горизонтали или вертикали (не всегда только вверх) из административно-управленческой сферы деятельности в иную и обратно. Хотя карьеры почти 60 % чиновников можно было отнести к профессиональному типу.

Наблюдалось постарение элиты по тем четырем регионам, по которым было возможно провести сравнение. Довольно значительную часть региональной административной элиты можно отнести к поколению «застоя» (годы рождения 1953–1964). Уменьшилась доля администраторов, занявших свою нынешнюю (на момент замера) должность до 40 лет.

Сохранилась тенденция уменьшения доли первого технического высшего образования. Но вырос удельный вес чиновников, имеющих опыт работы в силовых структурах. Советская политико-административная элита последнего десятилетия существования СССР состояла по большей части из лиц, имевших высшее инженерное, техническое, агропромышленное, военно-техническое образование. Так, Штайнер со ссылкой на Крыштановскую утверждает, что в команде Брежнева «технарей» было почти 72 %, в команде Горбачева — 67 %, в команде Ельцина — 47 %. В составе региональных элит доля была еще выше: 79, 100 и 74 % соответственно [Штайнер 2001]. В 2000-е годы для административной карьеры возросло значение финансово-экономического, управленческо-политического и юридического образования. Это особенно отчетливо проявилось у представителей поколения кризиса (годы рождения 1972–1990). Недостаток специальных знаний восполнялся за счет получения второго образования. Чаще всего второе высшее образование финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое. Популярны оказались программы профессиональной переподготовки в сфере экономики и управления.

Что касается бассейна рекрутирования региональных чиновников, то по показателям предшествующей и предпредшествующей работы уменьшилось значение бизнеса как источника пополнения кадров. В начале 2010-х годов (замер 2012 г.) показатель предшествующей и предпредшествующей работы в качестве хозяйственника или бизнесмена составлял 16 и 23 % соответственно. Основная часть чиновников были администраторами и на предшествующей и предпредшествующей работе (78 и 63 % соответственно).

Наши исследования показали, что по данным о предэлитной, предшествующей и предпредшествующей работе карьеры представителей региональной административной элиты поколений оттепели (годы рождения 1934–1952) и застоя были более профессиональными, чем карьеры персон, относящихся к поколениям перестройки (годы рождения 1965–1971) и кризиса. Карьеры представителей двух последних поколений имели в своих траекториях больше «зигзагов», связанных с переменной не просто должности, но сферы деятельности [Быстрова 2017].

Номенклатурный опыт постепенно терял свое значение как фактор карьеры. В 1990-е годы бывшие номенклатурные работники составляли большинство чиновничества регионов. К началу 2010-х годов удельный вес имеющих такой опыт резко упал. Люди поколения оттепели и застоя выбывали из состава административной элиты. В карьерах чиновников из поколений кризиса совершенно отсутствовал номенклатурный опыт по причине молодости.

Административная элита регионов оставалась провинциальной по своему рождению, образованию, месту деятельности и карьере. Однако среди чиновников из поколений перестройки и кризиса стало больше уроженцев городов. Сохранявшийся довольно высокий уровень эндогенности (укорененности) административной элиты, т.е. характеристики совпадения места рождения, получения образования и вхождения в элиту, косвенно свидетельствовал о небольшой мобильности и ограниченных возможностях продвижения на более высокие уровни власти.

В то же время для 28 % чиновников занимаемая на момент замера должность — первая элитная позиция в карьере. Это «новички» в элите. В начале 2010-х годов более половины региональных чиновников в рассматриваемых регионах занимали свою нынешнюю должность менее двух лет. По-прежнему имело место формирование админи-

стративного корпуса элит регионов в связи со сменой губернаторов. Как видно из приведенных данных, довольно интенсивно менялся состав корпуса административных элит регионов, а технология обновления была «завязана» на первое лицо, главу конкретного региона.

СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ДАННЫМИ БАЗЫ 2020–2021 ГОДОВ

К началу 2020-х годов в составе региональной административной элиты практически не осталось лиц, социализация которых проходила в период «оттепели». Представителей поколений «застоя» и «перестройки» стало 1/3 и 1/4 соответственно. По сравнению с 2012 г. в составе корпуса чиновников уменьшилась доля лиц старшего возраста (33 % против 42 % в 2012 г.) и возросла доля лиц среднего возраста (табл. 2). Доля женщин в составе административной элиты практически не изменилась: 17 % против 18 % на начало 2010-х годов. На общем фоне выделяются лишь два региона — Калининградская и Ленинградская области. Среди чиновников первой женщин около 40 %, среди чиновников второй — почти в два раза меньше, но это все равно больше, чем в остальных регионах.

Таблица 2

Чиновники десяти регионов (2021 г.): возрастные категории (в %)

Год замера	22–40 лет	41–55 лет	56–80 лет	Итого
2009	17	51	32	100
2012	11	47	42	100
2015	15	72	13	100
2021	12	55	33	100

Продолжается уменьшение значения первого высшего технического образования. В целом по десяти рассматриваемым регионам на начало 2020-х годов первое высшее техническое образование имеют 28 % представителей административной элиты, достигая максимума в Санкт-Петербурге (37 %). В 2012 г. показатель составлял 34 % по массиву в целом.

Анализ данных о первом, втором и третьем высшем образовании позволил выявить следующее. Первое высшее финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое образование имеют 33 % от общего числа администраторов, представителей администра-

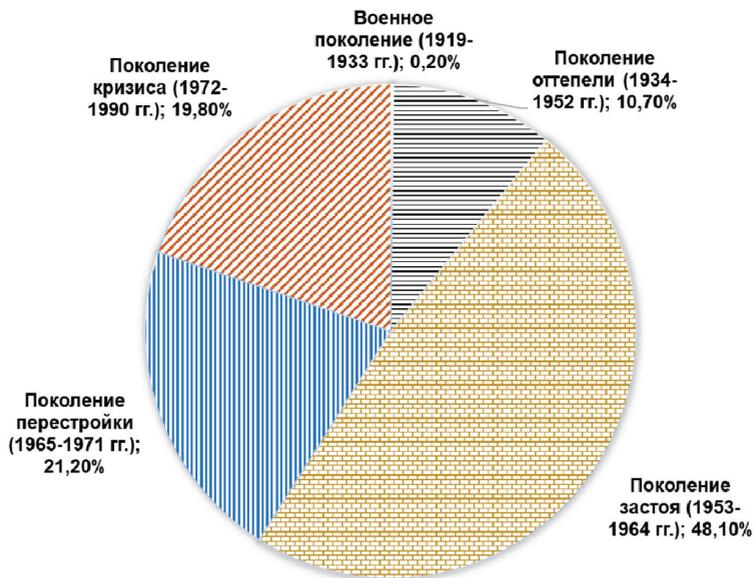

Рис. 1. Политические поколения, 2015 г. (N=830)

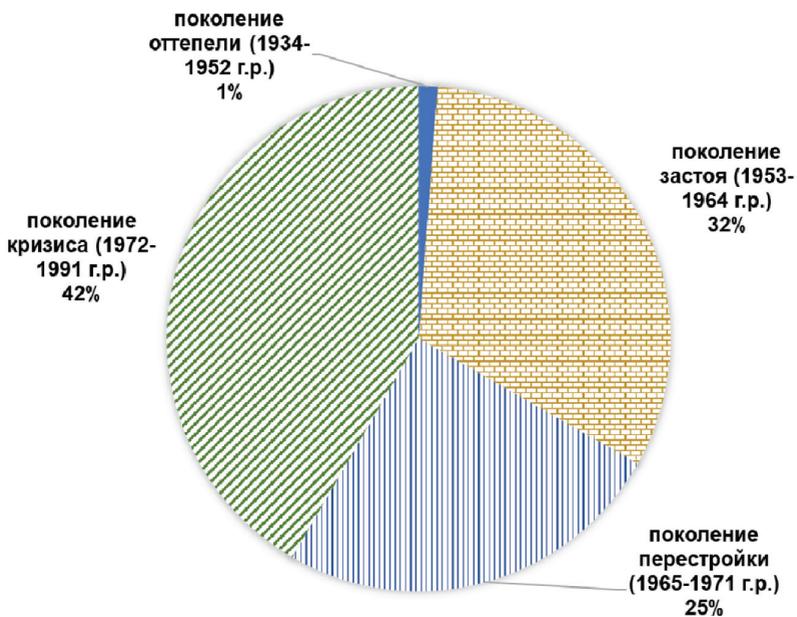

Рис. 2. Политические поколения, 2020 г. (N=406)

тивной элиты десяти субъектов Российской Федерации в 464 человека. Как второе высшее образование профессиональную подготовку по специальностям данных профилей получили еще 186 человек. Наконец, как третье высшее образование аналогичная подготовка присутствует в биографиях еще 55 человек. Всего из 464 человек указанные специальности имеют 394 человека, т.е. 85 %. Более 30 % по массиву в целом прошли программы повышения квалификации, включая аспирантуру. Сведения о наличии ученой степени имеются по 124 персонам из 464 человек административной элиты рассматриваемых регионов (27 %). Не является неожиданным, учитывая номенклатуру высшего образования управленцев, что основная часть профессиональной переподготовки и защит диссертаций приходится на экономические и юридические специальности. 18 человек имеют докторские степени. Лидерами по удельному весу «остепененных» чиновников являются Ростовская область, Санкт-Петербург, Новосибирская область и Москва: 41, 37 и 33 % соответственно. Приведенные показатели характеризуют уровень подготовки региональных чиновников как весьма высокий и по большей части адекватный занимаемой должности.

Более половины представителей административной элиты (57 %) заняли последнюю предэлитную должность в молодом возрасте (22–40 лет). В начале 2010-х годов таких лиц в административной элите было 73 %. Более раннее вступление в предэлитную должность оказалось характерно для Москвы (69 %), Калининградской и Костромской областей (65 %). При этом около 10 % из 364 персон, по которым есть соответствующие сведения, оказались на предэлитной должности в возрасте до 30 лет. Лидерами по этому показателю являются Калининградская и Ленинградская области — 20 и 17 % соответственно. В то же время в Ростовской области ни один человек административного корпуса не вступил в предэлитную должность в возрасте до 30 лет. В среднем возрасте вступили в предэлитную должность (41–60 лет) 43 % членов административной элиты. В наибольшей мере сравнительно более позднее вступление в предэлитную должность свойственно Республике Дагестан (58 %) и Санкт-Петербургу (53 %), в наименьшей степени характерно для Калининградской области (30 %), Москвы (31 %) и Костромской области (35 %). В пенсионном возрасте (71 год) вступил в предэлитную должность только один человек. Продолжительность времени занятия последней предэлитной позиции изменилась за счет увеличения доли тех, кто проработал на этой позиции два года и менее:

в 2015 г. таких стало 48 % против 36 % в 2012 г. В итоге 72 % против 59 % в 2012 г. проработали на последней предэлитной позиции пять лет и менее.

Почти 2/3 представителей административной элиты рассматриваемых регионов — «новички» в элите (64 %). Должность на момент замера — первая элитная ступенька в их карьере. Величина показателя более чем в два раза превышает его величину на начало 2010-х годов. Меньше всего таких «новичков» среди чиновников Москвы (46 %) и Санкт-Петербурга (57 %), больше всего — в Калининградской (78 %), Костромской (74 %) и Новосибирской (72 %) областях. Три четверти чиновников занимают нынешнюю позицию в течение пяти лет и менее. При этом более половины чиновников находятся на данной элитной должности и того меньше: два года и менее (56 %).

Видимо, тенденция ускорения карьер молодых управленцев и обновления кадров затрагивает не только региональный уровень административной элиты. Более быстрое продвижение по карьерной лестнице молодых отмечено на «втором уровне» управленческого класса (заместители министров федерального правительства и руководители ведомств). В исследовании «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг.», проведенном под руководством О. Крыштановской в 2019 г., читаем: «Скорость карьеры связана с возрастом: чем моложе чиновник, тем в среднем быстрее он продвигался по служебной лестнице». Авторы отчета о проведенном исследовании обнаруживают резкое ускорение мобильности представителей поколений 1970-х и 1980-х годов и отмечают «разницу в скоростях продвижения наверх даже между семидесятниками и рожденными в 1980-е годы — 6 лет». Так, им потребовалось соответственно 17 и 12 лет для достижения второй позиции в иерархии, а у некоторых менее десяти лет. Исследователи назвали явление уникальным показателем подвижности российской системы исполнительной власти в нынешней России [Основные тренды... 2019: 32–33].

В нашем исследовании около половины нынешних администраторов по каждому показателю, по которому можно судить о скорости карьеры (продолжительность времени занятия первой элитной позицией, предшествующей элитной позиции и нынешней элитной позиции), были в первой группе. Они занимали обозначенные в показателе должности два года и менее. Еще от 20 до 35 % занимали эти должности от трех до пяти лет. То есть чиновники довольно быстро продвигаются

по карьерной лестнице, часто не задерживаясь на каждой элитной позиции более двух лет (табл. 3).

Таблица 3

**Чиновники десяти регионов (2021 г.):
скорость продвижения по ступеням карьеры (в %)**

	Продолжительность времени занятия				
	2 года и менее	3–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10 лет и более
1-я элитная позиция N=418	51	27	13	5	4
Предшествующая элитная позиция N=166	48	35	8	5	4
Нынешняя элитная позиция N=445	56	20	13	6	5

Укрепилась тенденция профессионализации административной элиты. В начале 2020-х годов существенное большинство административной элиты непосредственно перед первой в биографии элитной должностью были заняты политико-административной активностью (68 %). В 2012 г. показатель составлял 50 % (по восьми регионам), в 2015 г. — 56 % (по десяти регионам). Наиболее распространенной предэлитной работой оказалась деятельность в качестве работника областной и районной администрации низшего и среднего звена. Показатель вырос с 46 % в 2012 г. и 54 % в 2015 г. до 67 % в 2021 г. В наибольшей степени это характерно для Москвы, Ростовской и Калининградской областей (75, 73 и 71 % соответственно). Второй по значимости предэлитной работой в начале 2020-х годов оказалась деятельность на высших позициях в коммерческих структурах (17 %). Меньше всего величина этого показателя наблюдается в Калининградской области (9 %), больше всего — в Республике Дагестан (22 %), Санкт-Петербурге, Ростовской области и Ставропольском крае (21 %).

По показателям предшествующей и предпредшествующей работы (табл. 4, 5, рис. 3–6) доля работы администратором достигла 82 и 69 % соответственно по массиву в целом на начало 2020-х годов. Небольшое число чиновников были хозяйственниками и бизнесменами: 12 и 18 % соответственно. В рамках административных элит конкретных субъектов РФ соотношения могут меняться, но не очень значительно. Так,

в Ростовской области, Республике Дагестан, Санкт-Петербурге и Ленинградской области доля позиции «администратор» в качестве предшествующей работы меньше от 73 до 76 %, а позиции «бизнесмен» больше — от 15 до 20 %. Больше всего администратор в качестве предшествующей работы отмечается в Москве (95 %), соответственно здесь меньше всего встречается бизнесмен — всего 3 % (два человека). Здесь же больше всего чиновников были администраторами и на предшествующей работе (93 %).

То есть в целом по массиву как минимум более 2/3 чиновников имеют в своей карьере три ступени подряд работы администратором. Еще больше уменьшилось значение бизнеса как бассейна рекрутирования чиновников регионов. Удельный вес работы администратором

Таблица 4

Чиновники десяти регионов РФ (2021 г.): предшествующая работа (%)

Год замера	Депутат	Администратор	Бизнесмен	Силовик	Прочее	Итого
2009	6	72	5	3	14	100
2012	1	78	16	2	3	100
2015	2	78	12	6	2	100
2021	2	82	12	3	1	100

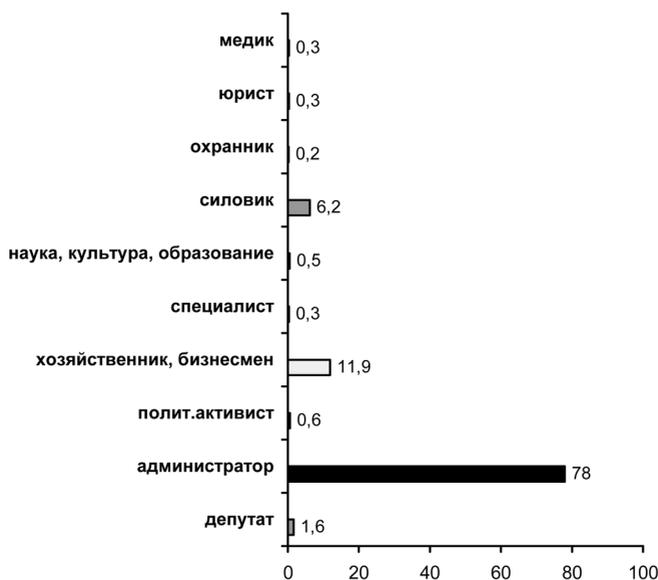

Рис. 3. Предшествующая работа, 2015 (N=869)

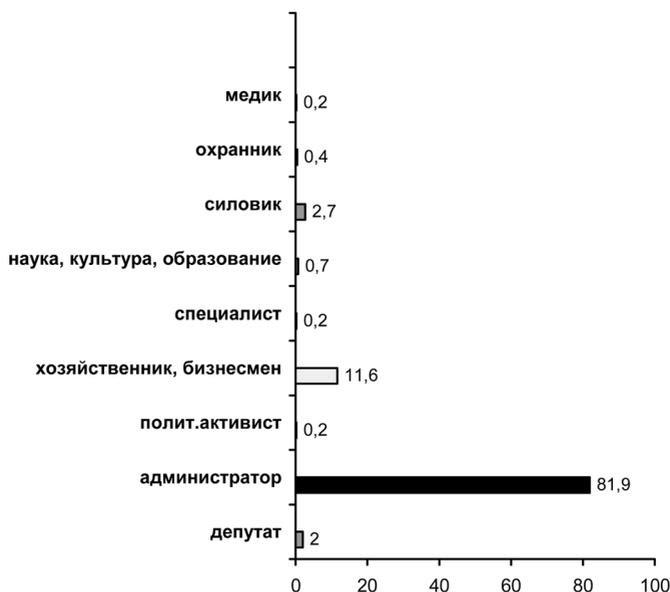

Рис. 4. Предшествующая работа, 2020 (N=447)

как в качестве предшествующей, так и предпредшествующей деятельности неуклонно рос все 2010-е годы. Вкупе с данными об уровне и номенклатуре высшего образования и программ профессиональной переподготовки получается картина роста профессионализации административной элиты в десяти рассматриваемых регионах России.

Таблица 5

**Чиновники десяти регионов РФ (2021 г.):
предпредшествующая работа (%)**

Год замера	Депутат	Администратор	Бизнесмен	Силовик	Прочее	Итого
2009	5	57	25	5	8	100
2012	2	63	24	4	7	100
2015	3	66	18	9	4	100
2021	2	69	18	6	5	100

Уменьшилось значение **номенклатурного опыта** (опыт работы в органах КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ и Советах депутатов СССР, до 1989–1990 гг.). Обладатели навыков и умений деятельности в условиях советской системы управления стало совсем немного — около 5 %. Столь

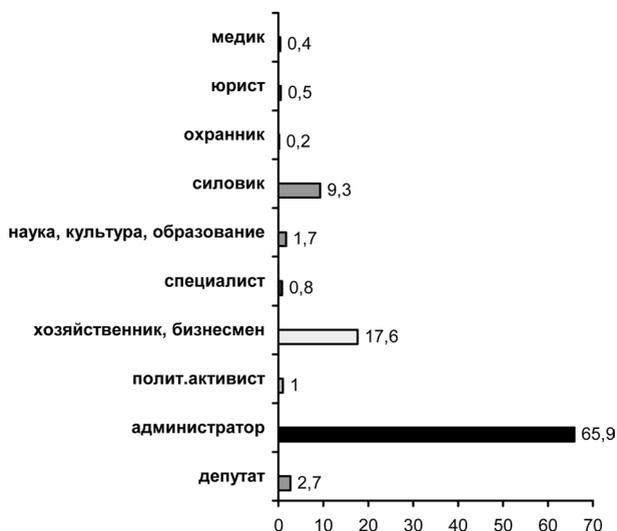

Рис. 5. Предпредшествующая работа, 2015 (N=830)

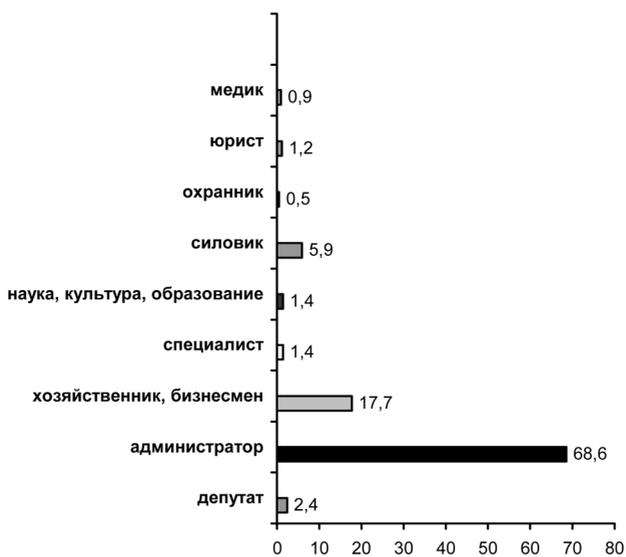

Рис. 6. Предпредшествующая работа, 2020 (N=423)

небольшая доля вполне объяснима естественным процессом вымывания из состава административной элиты представителей старшего поколения. Данные биографий свидетельствуют, что почти все эти персоны обладают опытом работы на уровне района, отрасли и выше. Только

один человек — на уровне предприятия. Наиболее часто встречается упоминание о работе в комсомольских органах (37 %). Менее часто встречаются советские органы (29 %) и советские органы (25 %). В 2012 г. о 13 % элитных персон было известно, что они имеют номенклатурный опыт. Все они работали на уровне района и выше: 46 % в органах КПСС, 39 % в органах ВЛКСМ и 15 % в советских органах. В 2015 г. бывших «номенклатурщиков» было всего 8 %. Больше всего среди них было тех, кто работал в органах ВЛКСМ уровня райкома и выше (56 %). Еще 33 % работали в органах КПСС тоже уровня райкома и выше. Наконец, 11 % трудились в органах советской власти.

Силовой опыт в карьере имеют 22 % администраторов против 10 % в базе 2012 г. и 17 % в 2015 г. Значительная часть административной элиты десяти регионов имеют небольшой по продолжительности силовой опыт: 40 % отслужили 1–2 года, т.е. речь идет, скорее всего, о срочной службе в армии. В то же время 45 % из 102 персон, по которым имеются сведения о силовом опыте, прослужили 10 лет и более. Среди них 25 человек (24 %) прослужили 20 и более лет. Максимальный срок службы 46 лет — у одного московского чиновника. И в 2012, и в 2015 г. тех, кто, имел срок службы в силовых структурах 10 лет и более — 88 %. Судя по нашим данным, количество бывших силовиков в составе административной элиты рассматриваемых десяти регионах РФ возросло.

Дискуссии вокруг характера, возможной роли силовиков в составе элиты продолжаются уже довольно давно. Среди предметов дискуссии, в которой участвовали специалисты в различных областях знаний (психологи, социологи, политологи, конфликтологи и т.д.), в частности, влияние военной службы и боевого опыта в карьере на принятие решений лидером, занявшим высокий политический пост (президент, руководитель правительства и т.д.). В самом общем виде можно сказать, что есть значимая связь между переменной предыдущей военной службы и типом режима [Horowitz, Stam 2010; 2015]. Среди отечественных исследователей, например, большая дискуссия вокруг милитократии как характеристики режима власти Президента В.В. Путина в работах О. Крыштановской [Крыштановская 2002; Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011]. Были подвергнуты сомнению достоверность и надежность расчетов исследователя, а также методы исследования, источники и выводы. Работ написано немало, и не только в нашей стране. Сошлюсь на одну из статей, в которой дискуссия вокруг роли силовиков дополнена анализом их места и значения в региональных элитах

[Дука 2012]. Собственно, несмотря на разногласия в оценках данных и результатов, важность изучения данного вопроса не оспаривалась. В последние годы размышления приобрели более практический характер в контексте возрастающего административно-силового давления по разным основаниям и поводам (эпидемия и т.д.). Цифровизация повседневной жизни населения естественным путем усиливает роль контроля над гражданами и роль акторов, осуществляющих этот контроль. Безопасность требует работы профессионалов, и это часто силовики. Вот и наблюдаем некоторый рост доли чиновников-силовики.

Сохраняется высокий уровень эндогенности региональной административной элиты. Впрочем, довольно высокий уровень эндогенности свойственен и политическим элитам регионов. В исследованиях сектора «зафиксирована тенденция усиления эндогенности элит, что связано частично с достаточно низким уровнем миграции в стране, а частично — с усилением институционализации политических элит. Дифференциация регионов по степени эндогенности элит достаточно большая» [Быстрова и др. 2020]. А. Дука отмечает, что интегральный показатель эндогенности (эндогенное ядро) региональной элиты возрастает во многих регионах. При этом имеет место дифференциация эндогенности по возрастам. Более молодые оказались и более укорененными, что, по мнению исследователя, может говорить о стабилизации региональных властных групп и их закрытии от внешних акторов [Дука 2021].

ВЫВОДЫ

Анализ карьер и карьерных траекторий административных элит десяти российских регионов на эмпирической базе, обнимающей биографии высших региональных чиновников за период с 2004 по 2020 г., позволил сделать следующие выводы.

1. В течение обозначенного периода отмечены довольно значительные изменения в составе корпуса административной элиты регионов. Происходило существенное кадровое обновление. Если на начало 2010-х годов в административной элите было 28 % «новичков», для которых занимаемая на момент замера должность была первой элитной позицией в карьере, то на начало 2020-х их было уже 64 %.

2. Укрепилась тенденция профессионализации административной элиты, судя по показателям предэлитной должности, предшествующей

и предпредшествующей работы. Об этом же свидетельствует снижение значения технического образования как первого высшего. В то время как финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое достигли суммарной доли 85 % с учетом первого, второго и третьего образования.

3. Практически потерял какое-либо значение в карьере номенклатурный опыт, поскольку в составе регионального чиновничества произошло уменьшение доли представителей старших поколений.

4. Возросла в последнее десятилетие доля «силовиков» в составе административной элиты рассматриваемых регионов. Видимо, это можно объяснить развитием и внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь населения, более широким использованием этих технологий в региональном управлении и выходом на первый план вопросов обеспечения безопасности (эпидемия, угроза террористических действий и т.д.).

5. Можно констатировать ускорение карьерного движения на основе анализа показателей: продолжительности времени занятия первой элитной позиции, предшествующей элитной должности и элитной должности, занимаемой на момент замера. Судя по данным некоторых отечественных исследователей, тенденция ускорения карьер фиксируется и на федеральном уровне государственного управления. Таким образом, социальные лифты внутри административной элиты работают, хотя сама элитная группа довольно закрытая для внешнего проникновения, о чем свидетельствует незначительный доступ представителей низкостатусных групп.

Литература

Буренкова Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп // Мир России. 1995. № 3–4. С. 3–23.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. 2017. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С.170–203. doi: 10.1177/0268580916687460.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. 538 с. С. 99–242.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Инфра-ресурсы региональных политических элит // Южно-рос-

сийский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25> <https://journalsr.kubsu.ru/article/view/86/86>.

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>.

Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 4. С. 158–180.

Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 82–91.

Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг. Отчет по исследовательскому проекту (грант РФФИ № 19-011-31467 2019 г.) / рук. О.В. Крыштановская, д.с.н., проф. Государственный университет управления. М., 2019. 47 с. URL: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Полный-отчет.pdf> (дата обращения: 7.11.2021.)

Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М.: Изд-во РАГС, 2000. 125 с.

Понделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. 206 с.

Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.

Штайнер Х. Формирование социальных структур в современной России // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6. С. 30–47.

Baturo A. Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses // Politics and Governance. 2016. Vol. 4, № 2. P. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.

Horowitz M., Stam A. Does Where You Stand Depend On If You Served? How Military Backgrounds Influence The Behavior Of Leaders. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting, September 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders (дата обращения: 18.11.2021).

Horowitz M., Stam A., Ellis C.M. Why Leaders Fight. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 228 p.

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // Revista Española de Ciencia Política. 2018. № 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

REGIONAL ADMINISTRATIVE ELITES OF RUSSIA: CAREERS AND CAREER TRAJECTORIES

A. Bystrova

(abc_46@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Bystrova A. Regional'nyye administrativnyye elity Rossii: kar'yery i kar'yer-nyye trayektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 5–27. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>

Abstract. *The article is devoted to the study of careers and career trajectories of representatives of the administrative elites of Russian regions. The empirical base of the study includes biographies of top-level officials of ten constituent entities of the Russian Federation, including governors, their deputies, and members of regional governments for the period from 2004 to 2020. An analysis of empirical data revealed that during this period there was a significant renewal of the corps of officials in the regions. By the beginning of the 2020s, 64% of officials were new people in the elite. For them, the position held was the first elite position in their careers. Over the past decade, the share of newcomers has more than doubled. The tendency for the professionalization of regional officials has strengthened. The bulk (85%) of regional bureaucrats have specialized education (first, second or third). Many have completed professional retraining programs. Their careers are mostly of the professional type. The nomenclature work experience has lost its former role. In the last decade, the share of “siloviks” in the administrative elite of the regions has slightly increased, that is, persons with experience of work in security structures. Apparently, this is due to the widespread dissemination of digital technologies, both in the daily life of the population and in the management of the region. In addition, the epidemic and the terrorist threat played an important role. Some acceleration of the career ladder was found. There are social lifts within the administrative elite, but this social group remains rather closed for representatives of low-status groups that do not have the resources to move up.*

Keywords: elites, administrators, region, officials, mobility, careers, career trajectories.

References

Baturo A. *Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses*, *Politics and Governance*, 2016, 4 (2), pp. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.

Burenkova E.E. Transformacii obshchestva i vnutrennie harakteristiki elitnykh grupp. Ob izuchenii elitnykh grupp [The transformation of society and the internal characteristics of elite groups. On the study of elite groups]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1995, 3–4, pp. 3–24. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Infra-resursy regionalnykh politicheskikh elit [Infra-resources of regional political elites], *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 2020, 20 (2), pp. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25>. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nye elity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: Eliseeva I.I. (ed.) *Globalizacija v rossijskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–243. (In Russian)

Bystrova A.S. (2017) Vlijanie social'nogo konteksta na postroenie kar'ernykh traektorij: kar'ery predstavitelej razlichnykh politicheskikh pokolenij regional'nykh administrativnykh elit Rossijskoj Federatsii [The influence of the social context on the construction of career paths: careers of representatives of various political generations of the regional administrative elites of the Russian Federation]. In: *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 2017, 4, pp. 170–203. (In Russian)

Duka A.V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1), pp. 66–99. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh jelitah [On the issue of militarocracy: siloviki in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminara «Sociologicheskie problemy vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Regionalnye elity Rossi: personalnyj sostav i tendentsii evolyucii [Regional elites of Russia: personal composition and trends of evolution] (1), *POLIS. Political studies*, 2004, 2, pp. 6–19. (In Russian)

Horowitz M., Stam A., Ellis C.M. *Why Leaders Fight*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 228 p. doi: 10.1017/CB09781139149334.

Horowitz M., Stam A. *Does Where You Stand Depend On If You Served? How Military Backgrounds Influence The Behavior Of Leaders*. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting, September 2010.

URL: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders (accessed: 18.11.2021).

Kryshtanovskaya O. Rezhim Putina: liberalnaya militokratiya? [Putin's regime: Liberal Militocracy?], *Pro et Contra*, 2002, 7 (4), pp. 158–180. (In Russian)

Kukolev I.V. Transformacija politicheskikh elit v Rossii [The transformation of political elites in Russia], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1997, 4, pp. 82–91. (In Russian)

Osnovnye trendy formirovaniya upravlencheskoj ehliny rossii 2019–2030-gg [The main trends in the formation of the managerial elite of Russia 2019–2030] Report on the research project, Dir. O.V. Kryshtanovskaya. (RFBR Grant No. 19-011-31467 2019) Moscow, 2019. 47 p. URL: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Full-report.pdf> accessed 7.11.2021 (accessed: 18.11.2021). (In Russian)

Pautov A.A., Vernigorova T.P. *Ehlita i ehlitogenez* [Elite and elitogenesis]. Moscow: RAGS Publishing House, 2000. 125 p. (In Russian)

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya elita: genezis i problemy yeyo stanovleniya v Rossii* [Political elite: genesis and problems of its formation in Russia]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNC VSh., 1995. 208 p. (In Russian)

Slepcev N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nyh liderov [The new legitimacy of regional leaders], *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 1997, 3, pp. 5–23. (In Russian)

Steiner H. Formirovaniye socialnykh struktur v sovremennoy Rossi [Formation of social structures in modern Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion], 2001, 6, pp. 30–47. (In Russian)

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork?, *Revista Española de Ciencia Política*, 2018, 48, pp. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshtanovskaya O.V. Rossijskiy isteblishment: puti I metody obnovleniya [The Russian establishment: ways and methods of renewal], *POLIS. Political studies*, 2011, 1, pp. 66–79. (In Russian)

СПИКЕРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ: КАРЬЕРНЫЕ ПУТИ И КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ¹

Д.Б. Тев

(denis_tev@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 28–65.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2>

Аннотация. *Рассматриваются каналы рекрутирования спикеров legislatures субъектов РФ и особенности их карьеры как до избрания, так и после ухода с должности. Эмпирической основой исследования послужила биографическая база данных председателей региональных законодательных собраний всех созывов после окончания полномочий последних советов народных депутатов и до февраля 2019 г. Установлено, что спикеры сильно укоренены в органах политико-административной власти советского общества, хотя доля номенклатурных, прежде всего партийных, кадров имеет выраженную тенденцию к уменьшению. Основным каналом рекрутирования спикеров и местом их работы после отставки являются органы представительной власти, прежде всего региональные legislatures. Избрание спикеров из относительно опытных депутатов-профессионалов может свидетельствовать об известной автономизации и институционализации законодательных собраний. Впрочем, эта тенденция довольно*

¹ Статья представляет собой переработанную и расширенную версию статьи, опубликованной ранее в «Социологическом журнале» [Тев 2021].

ограниченна: тесная связь с влиятельными внешними силами (административными, экономическими), контролирующими легислатуру, может выступать «вытягивающим» фактором законодательной карьеры, освобождая спикеров от необходимости предварительного политического «ученичества» в парламенте. Важный канал рекрутирования спикеров — административные органы, прежде всего региональные и местные, что во многом отражает зависимость формирования и функционирования легислатур от губернаторов, стремящихся поставить во главе них персон из своей клиентелы. Существенно реже спикеры работают в административных структурах после отставки, прежде всего на посту губернатора, причем практика их рекрутирования на эту должность была наиболее распространена в 1990-е годы. Значимым источником рекрутирования спикеров служит бизнес, однако непосредственных выходцев из коммерческих организаций (чаще всего из крупных по региональным меркам) относительно немного, что может отражать как важность предварительной политической профессионализации для достижения этого поста, так и контроль над законодательными собраниями со стороны губернаторов, которым частные бизнесмены могут казаться слишком независимыми фигурами для роли спикера. Реже спикеры заняты в бизнесе после ухода с должности, при этом довольно распространены их возвраты в те компании, в которых, они работали до избрания.

Ключевые слова: спикеры, региональные легислатуры, каналы рекрутирования, карьера, номенклатурный опыт, представительные органы, административные органы, бизнес.

ВВЕДЕНИЕ

Важность исследования председателей (спикеров) региональных законодательных собраний (далее ЗС) как сегмента властной элиты во многом связана со значимостью тех органов, которые они возглавляют. Роль легислатур в системе власти субъектов РФ варьировалась в историческом плане. В 1990-е годы имело место относительное разнообразие региональных политических режимов и в связи с этим типов легислатур [Гельман 1998; Кузьмин, Мелвин, Нечаев 2002]. Хотя в этот период во многих регионах парламенты были подчинены исполнительной власти, в некоторых они играли значительную самостоятельную роль, иногда возникали легислатуры, оппозиционные губернаторам. Однако в конце 1990-х — начале 2000-х годов легислатуры ослабли, как правило оказавшись под контролем глав регионов, что характерно

и для настоящего времени¹ [Туровский 2011; Шириков 2010; Golosov 2017]². Этот контроль осуществляется «главным образом посредством патронажной машинной политики, которая... включает в себя выстраивание устойчивых связей между действующим губернатором и его клиентами в региональных законодательных элитах» [Golosov 2017: 557–558]. Впрочем, при всей своей зависимости от региональных администраций ЗС обладают существенными полномочиями (от принятия бюджета и программ социально-экономического развития субъектов РФ до утверждения назначений чиновников) и обычно остаются довольно значимыми институтами, а не декоративными «витринами» с чисто символической ролью. Об этом косвенно говорит то, что они, как правило, включают крупных по региональным меркам бизнесменов и других высокопоставленных персон и в целом членство в них традиционно ассоциируется с элитным статусом [Golosov 2014: 5]. Вообще в литературе показано, что legislatures в авторитарных условиях выполняют важные функции, способствуя повышению жизнеспособности автократий [Gandhi, Przeworski 2007; Jensen, Malesky, Weymouth 2014; Malesky, Schuler 2010; Reuter, Robertson 2015; Wright 2008]. Одна из них заключается в кооптации оппозиции и ослаблении социального протеста [Reuter, Robertson 2015; Туровский, Сухова 2021]. В тесной связи с этим они также функционируют как арены, на которых различные члены и сегменты властной (прежде всего региональной) элиты согласовывают свои интересы, ведут торг и переговоры, соревнуются за влияние и блага [Reuter, Robertson 2015: 238].

Legislatures субъектов РФ, как и все законодательные органы, устроены иерархически, и их председатели (спикеры), как правило, являются наиболее политически влиятельными депутатами. Несмотря на типичную слабость ЗС, обычно они занимают высокие позиции в рейтингах влияния политической элиты субъектов РФ [Петров 2007: 82]. Спикеры могут играть значительную роль в региональной политике, в частности в регулировании взаимоотношений и конфликтов, согласовании интересов членов и сегментов региональной элиты, в рас-

¹ Хотя и в 2010-е годы роль legislatures не оставалась неизменной: их политическое влияние усилилось в 2011–2012 гг. и ослабло в дальнейшем [Кынев 2020: 971].

² Об эволюции взаимоотношений региональной администрации и ЗС в 2000-е годы на примере Санкт-Петербурга см.: [Даугавет 2012].

пределении между ними различных выгод и пр. Во многом это связано с тем, что они обладают рядом важных формальных полномочий. Обычно спикер созывает и ведет пленарные заседания ЗС, представляет его в отношениях с другими органами власти и прочими организациями, подписывает постановления собрания, а также иные документы от его имени, распределяет обязанности между своими заместителями, назначает главу и руководит деятельностью аппарата собрания, является распорядителем по его личному счету и пр. Благодаря своим прерогативам спикер может обладать существенной институциональной властью: процедурной, ресурсной и пр. Так, ведя заседания легислатуры, он может пользоваться некоторой свободой в определении того, какие вопросы и когда должны вноситься и обсуждаться, кто из депутатов должен выступать и пр. Спикер имеет возможность интерпретировать процедурные правила и разрешать соответствующие споры и неопределенности. Все это, в свою очередь, позволяет ему оказывать влияние и на результаты законодательного процесса. Кроме того, контролируя аппарат легислатуры, обеспечивающий ее работу в кадровом, материально-техническом, финансовом и прочих отношениях, спикеры могут влиять на распределение между депутатами и их коалициями важных ресурсов. В силу этого у них появляется возможность вознаграждать и наказывать своих коллег, обеспечивая лояльность с их стороны. Тот факт, что спикеры представляют законодательные собрания в отношениях с другими органами власти, дает им привилегированный доступ к чиновникам, расширяя возможности воздействовать на политику. Кроме того, некоторые факторы могли в разное время способствовать повышению статуса и усилению влияния спикеров. Во-первых, во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов они, наряду с губернаторами, по должности были членами Совета Федерации (далее СФ), что означало их принадлежность не только к региональной, но и к федеральной элите, усиливало иерархичность в их отношениях с другими депутатами и давало им прямые возможности влиять на общенациональную политику. Во-вторых, в 2005–2012 гг., когда выборы губернаторов были отменены, влиятельность и престижность должности спикера могли возрасти, благодаря тому что они оказались высшими региональными руководителями, получившими электоральную легитимность.

Важность институциональных каналов рекрутирования спикеров региональных ЗС и их карьеры до вхождения в должность и после

ухода с нее как предмета исследования связана с рядом обстоятельств. Вообще эти характеристики элитных персон могут служить показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе их рекрутирования. В частности, изучение источников рекрутирования и карьерных траекторий спикеров в постсоветский период дает возможность лучше понять такие особенности региональной системы власти в ее исторической эволюции, как характер взаимоотношений законодательных и исполнительных органов, бизнеса и государства и пр. Во-вторых, социально-профессиональное происхождение и карьера законодателей вообще (и спикеров в частности) могут в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение (хотя автоматической связи здесь нет, но ряд исследования показывают такую зависимость [Carnes 2012; Carnes, Lupu 2015; Chaisty 2013; Witko, Friedman 2008]). Причем не только предшествующая карьера, но и карьера после ухода с должности могут быть связаны с поведением законодателей в период пребывания в ней, поскольку они способны приспосабливать свою политику к интересам потенциального, будущего работодателя [Samuels 2003: 134–156]. Следовательно, знание источников рекрутирования и карьеры спикеров ЗС дает возможность в определенной мере прогнозировать их политику.

Хотя социально-профессиональное происхождение, каналы рекрутирования и предшествующая карьера регионального депутатского корпуса России в целом довольно подробно изучались на материале, как отдельных субъектов РФ, так и групп регионов (см. обзор: [Быстрова и др. 2019]), данные характеристики руководства легислатур и, в частности, их спикеров редко становились объектом специального исследования. Важным исключением является статья Л.В. Богатыревой [Богатырева 2012], которая проанализировала, хотя и не очень подробно, каналы рекрутирования глав легислатур в регионах ЦФО в 1993–2011 гг. Также нужно отметить статью О.Дж. Рейтера и Р. Туровского [Reuter, Turovsky 2014], в которой, в частности, показано, что представители различных профессиональных категорий с разной вероятностью достигают руководящих постов в легислатурах (включая должность спикера): с большей — выходцы из региональной администрации и профессиональные депутаты, с меньшей — бюджетники и бизнесмены. Эти работы серьезно улучшили наше понимание рассматриваемой темы. Однако отсутствие тщательного исследования каналов рекрутирования спикеров, которое бы охватило все субъекты РФ за весь

постсоветский период, препятствует выявлению долговременных тенденций в их карьере в меняющемся общественно-политическом контексте и пониманию того, насколько широко те или иные карьерные паттерны распространены в региональном разрезе. Кроме того, отсутствие комплексного анализа профессионального пути спикеров не только до вхождения в должность, но и после отставки затрудняет выяснение роли этой должности в карьере властных персон (является ли она ее вершиной или трамплином к более высоким постам и пр.).

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования стали председатели (только «полноправные», исключая исполняющих обязанности) региональных ЗС всех созывов после прекращения полномочий последних советов народных депутатов (чаще всего в 1993 или 1995 гг.) и до начала февраля 2019 г. Применительно к некоторым регионам (Чечне, Крыму, Севастополю) в силу специфики их истории временные рамки исследования оказались значительно более узкими. Нужно также отметить, что в целом ряде регионов, например таких как Свердловская область или Республика Тыва, legislatures некоторое время были двухпалатными, и в этом случае в анализ включались спикеры обеих палат.

На каждого спикера была заполнена биографическая анкета, содержащая информацию о дате и месте рождения, типе и месте получения высшего образования, карьерном пути как до вхождения в должность, так и после ухода с нее (данные собирались в январе-феврале 2019 г.). Источниками информации служили сайты органов государственной власти, коммерческих организаций, бюджетных учреждений и иных структур, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (viperson.ru, lobbying.ru).

Таблица 1 показывает параметры исследуемой совокупности, которая исчерпывает генеральную совокупность спикеров.

Таблица 1

Количественные характеристики исследуемой совокупности спикеров

Показатель	Значение
Число персон, занимавших пост спикера, и анкет в базе данных	446
Число вхождений в должность спикера	461
Число выбытий с должности спикера (исключая случаи смерти в должности)	361

Поскольку некоторые из них дважды с перерывом возглавляли легислатуру, число вхождений в должность и предшествующих карьерных траекторий оказалось больше числа персон и анкет в базе данных. Поскольку часть спикеров находилась в должности на момент сбора данных, число уходов с поста спикера и возможных посткарьерных траекторий меньше числа вхождений.

ВЫХОДЦЫ И НОМЕНКЛАТУРЫ СРЕДИ СПИКЕРОВ

Одной из важных характеристик постсоветских элит, привлекающей внимание исследователей, является степень их укорененности в структурах политико-административной власти советского общества, в номенклатуре. Вопрос об уровне номенклатуризации властных групп активно обсуждался в научной литературе в связи с более общей проблематикой их воспроизводства/циркуляции в процессе радикальной общественной трансформации [Böröcz, Róna-Tas 1995; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Szelényi, Szelényi 1995]. Кроме прочего, его важность связана с тем, что, как показывают некоторые исследования, наличие опыта работы в партийных, советских и комсомольских органах (номенклатурного опыта) — один из факторов, дифференцирующих политические ценности и аттитюды членов элиты [Региональные элиты... 2001; Сафронов 2010]. Исследования 1990-х — начала 2000-х годов выявили, что в постсоветской России уровень номенклатуризации политико-административной элиты, особенно региональной, был высоким, впрочем, со временем старение номенклатурных кадров способствовало сокращению их присутствия во властных группах [Крыштановская 1995; Böröcz, Róna-Tas 1995; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Szelényi, Szelényi 1995; Быстрова 2012: 92; Тев 2017; Быстрова и др. 2020].

Нынешнее исследование выявило, что номенклатура — весьма важный источник рекрутирования спикеров. Без малого половина (49 %) спикеров имеет опыт работы в органах КПСС (42 %) и/или ВЛКСМ (23 %). Кроме того, многие председатели легислатур работали в советских исполнительных и представительных органах власти, в основном местных и региональных, до 1990 г. Некоторые будущие председатели легислатур занимали очень высокие должности в региональной номенклатуре. Среди них девять первых и столько же других секретарей обкомов КПСС, а также ряд председателей обл-

исполкомов и их заместителей. Впрочем, гораздо чаще они возглавляли партийные комитеты районного или городского уровня. Следует отметить, что практика избрания спикерами деятелей с номенклатурным прошлым встречается практически во всех регионах, в частности только в семи субъектах РФ (включая Санкт-Петербург и Чечню) среди спикеров никогда не было лиц, работавших в органах КПСС. В общем степень преемственности корпуса спикеров с политико-административной номенклатурой местного и регионального уровня довольно высока.

Карьерные пути представителей номенклатуры к должности спикера постсоветской легислатуры различны. Так, некоторые выходцы из нее после 1990 г., когда власть переходила от партийных органов к советским, заняли руководящие позиции в первых конкурентно избранных советах народных депутатов, в целом ряде случаев став их председателями. После прекращения полномочий советов они, пользуясь преимуществами инкубентов, были избраны в законодательные собрания первого созыва и возглавили эти органы, состав которых нередко имел существенную преемственность с последним советом. Так, из девяти обнаруженных среди спикеров первых секретарей обкомов КПСС шестеро возглавили первый демократически сформированный совет народных депутатов, а позднее и законодательное собрание первого созыва и, что интересно, четверо из них затем стали губернаторами. Однако большинство спикеров с номенклатурным прошлым в постсоветский период сначала некоторое время занимали ключевые посты в администрациях местного и/или регионального уровня и/или, но существенно реже, в коммерческих организациях, которые, как будет показано ниже, выступали важным трамплином к вхождению в легислатуру и посту спикера.

Исследователи отмечали, что способность деятелей номенклатуры поддерживать свой элитный статус в условиях глубоких и быстрых институциональных изменений во многом коренится в тех персональных сетях, которые их связывают с советского времени [Hanley, Yershova, Anderson 1995: 662]. Ввиду этого нужно отметить, что, как показывают некоторые биографии, знакомства и связи, приобретенные в годы номенклатурной работы, действительно могли играть роль важного «вытягивающего фактора» в карьере спикеров, причем спустя даже довольно длительное время после распада СССР. В качестве примера можно привести председателя Липецкого областного совета депу-

татов (с 2005 г.) П.И. Путилина, который в прежние времена заведовал отделом в Добринском райкоме КПСС, первым секретарем которого был будущий губернатор региона.

Следует, впрочем, отметить, что, как показывают биографии, превращение бывших деятелей номенклатуры в спикеров legislatures и в целом воспроизводство ими элитного статуса в постсоветский период не всегда происходило гладко. В ряде случаев мы видим периоды (хотя и часто короткие) глубоких карьерных спадов, резко нисходящей социально-профессиональной мобильности, особенно в 1991 г. (после роспуска КПСС) и в 1993 г. (после ликвидации Советов), что характерно прежде всего для спикеров, связанных с КПРФ. Например, глава Палаты Республики Законодательного собрания Карелии В.В. Шильников, бывший до 1991 г. секретарем ОК КПСС, в 1991–1994 гг. работал доцентом университета, затем был избран в региональную legislatures, став спикером в 2000 г. Председатель Костромской областной думы В.П. Ижицкий до 1991 г. был первым секретарем Костромского ГК КПСС, а затем преподавателем и заведующим кафедрой педагогического института, в 1994 г. стал депутатом областного парламента, а в 2000 г. возглавил его.

Хотя выходцы и номенклатуры исторически преобладали среди спикеров, существует, как показывает таблица 2, неуклонная тенденция к сокращению их доли.

Таблица 2

**Опыт работы спикеров в органах КПСС и ВЛКСМ
по времени вхождения в должность, в %**

Время вхождения в должность	КПСС	ВЛКСМ
1990-е (n=160)	62,5	26
2000-е (n=166)	41	26
2010-е (n=135)	19	18

Кроме уже отмеченного старения номенклатурных кадров (естественной причины их ухода, которая должна сильнее проявиться по отношению к деятелям КПСС, чем более молодым комсомольским работникам), снижению уровня номенклатуризации в некоторой мере могло способствовать и ослабление в 2000-е годы позиций КПРФ в региональных legislatures (среди спикеров, связанных с ней, опыт работы в органах КПСС был особенно распространен).

ОПЫТ РАБОТЫ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ¹ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ

Предшествующий законодательный опыт спикеров

Законодательный опыт — самый распространенный тип профессионального опыта, предшествующего избранию спикером. Как показывает таблица 3, подавляющее большинство председателей имеет его на том или ином уровне власти после первых конкурентных выборов 1990 г. и до вхождения в должность.

Более 30 % заседали в представительных органах половину или большую часть своей карьеры после 1990 г. и до избрания председателем.

¹ Членство в органах представительной власти не единственный тип постсоветского политического опыта, играющий значимую роль в карьере спикеров. В настоящее время важно также членство и особенно руководящая работа в политической партии. Однако в исторической перспективе значимость партийной принадлежности сильно варьировалась. В 1990-е — начале 2000-х годов партии обычно играли слабую роль на выборах в региональные легислатуры. Будущие и действующие спикеры, как правило, избирались в парламент по одномандатным округам в качестве беспартийных самовыдвиженцев. Тем не менее некоторые из них все же были связаны с партиями и занимали руководящие посты в них, прежде всего в КПРФ, но также и в НДР и др. В 2000-е годы реформы избирательного законодательства способствовали изменению роли партий в формировании и функционировании региональных легислатур. В этот период происходит резкое падение доли одномандатников и самовыдвиженцев среди председателей и рост доли избранных в ЗС по партийному списку [Богатырева 2012: 182–187]. Ныне принадлежность к «партии власти», по сути, превратилась в обязательное условие избрания председателем. Во всех субъектах РФ действующие на февраль 2019 г. спикеры были избраны в нынешний созыв ЗС от «Единой России», несколько чаще по спискам, чем по одномандатным округам. Более того, с 2010-х годов распространилась практика совмещения должности спикера с постом секретаря регионального отделения (РО) ЕР [Кынев 2020: 680]. Из 84 действующих спикеров 46 то или иное время (иногда очень краткое) совмещали эти позиции, чаще становясь партийными лидерами после, чем до избрания спикером. Возглавляя РО, спикер берет на себя персональную ответственность за результаты «партии власти» на выборах и в случае неудачи может потерять свою должность. Уход с поста спикера обычно влечет за собой утрату поста секретаря, но экс-председатели нередко продолжают входить в руководство РО и избираться от ЕР в органы представительной власти.

Таблица 3

**Опыт членства спикеров в представительных органах перед
избанием, в % (N=461)**

Уровень легислатуры	Наличие опыта	Последняя известная должность перед избанием
Федеральный (народные депутаты РСФСР-РФ 1990–1993 г., депутаты ГД и депутаты/члены СФ)	10	5
<i>В т.ч.</i>		
Федеральное собрание	6	4
<i>В т.ч.</i>		
ГД	2	1
СФ	5	3
Региональный с 1990 г.	67*	54
<i>В т.ч.</i>		
Постсоветские ЗС	55	46***
Местный с 1990 г.	24*	5
Всего	80**	61

* Доля может быть выше (68 % для регионального и 29 % для местного уровня), учитывая, что некоторые персоны после 1990 г. занимали руководящие посты в исполкомах и неясно, были ли они при этом депутатами.

** В этой и других таблицах цифра в итоговой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона может иметь опыт работы в различных органах.

*** Понятно, что все спикеры были депутатами перед избанием, но в тех случаях, когда, будучи избраны в ЗС, они практически сразу стали спикерами, это депутатство не считалось их предшествующей должностью.

Наиболее широко распространено членство в легислатурах регионального уровня, к которым были отнесены не только ЗС, но и их предшественники — областные (краевые, республиканские, окружные) советы народных депутатов последнего (1990 г.) созыва. Причем некоторые будущие спикеры ЗС были председателями этих советов (25 человек) или занимали в них другие руководящие посты, а после прекращения их полномочий и избрания ЗС первого созыва в ряде случаев сразу возглавили эти органы. Однако гораздо чаще избанию спикером постсоветской региональной легислатуры предшествовала более или менее длительная законодательная карьера в ней. Многие будущие

спикеры сначала занимали иные, менее высокие руководящие должности в парламенте, которые стали трамплином к посту председателя. Данные на этот счет неполны, но как минимум каждый пятый прежде был вице-спикером, примерно столько же возглавляли постоянные комитеты и комиссии, причем чаще всего ключевой комитет по бюджету (далее с большим отставанием следует комитет по законодательству). В целом те или иные руководящие должности в легислатурах (включая посты руководителей фракций и групп) занимали не менее трети будущих спикеров. Следует также отметить, что нередко до вхождения в должность они уже более или менее длительное время работали в легислатуре на постоянной, профессиональной, оплачиваемой основе (что во многих случаях предусмотрено нормативными актами в отношении таких постов, как председатели комитетов и вице-спикеры), посвящая законодательной деятельности все свое рабочее время, а не несколько часов в месяц, остающихся после выполнения иной, основной работы. У значительного меньшинства спикеров региональная легислатура была единственным местом работы прямо перед избранием, причем доля таких персон с 1990-х годов возросла (табл. 4).

Таблица 4

Доля спикеров, единственным местом работы которых перед избранием было ЗС, по времени вхождения в должность, в %

Время вхождения в должность	Доля
1990-е (n=160)	9 (19*)
2000-е (n=166)	36
2010-е (n=135)	34

* Включая последний совет народных депутатов.

Предшествующая работа в легислатуре, особенно на руководящих постах, а также политическая профессионализация могут быть важны для спикеров, потому что позволяют им приобрести политические знания, умения и навыки необходимые для того, чтобы впоследствии возглавить законодательный орган. Они дают возможность завоевать доверие и авторитет, репутацию компетентного, эффективного парламентария среди коллег-депутатов, у которых в этом случае есть возможность более или менее длительное время наблюдать за работой будущих спикеров на законодательном поприще [Heinsohn, Schiefer 2019]. Получившая существенное распространение практика избрания

спикеров, как и других руководителей legislатур, из числа относительно опытных депутатов-профессионалов с более или менее длительным стажем работы в них на менее высоких постах может рассматриваться как один из индикаторов и одновременно факторов определенной автономии законодательных органов от внешних сил и интересов, которая, в свою очередь, выступает показателем их институционализации (в этой связи см.: [Хантингтон 2004: 40]). Однако эту тенденцию не следует преувеличивать: legislатуры типично являются слабыми институтами, сильно зависимыми от администраций и бизнеса. В этом смысле показательно, что описанное «внутреннее» рекрутирование спикеров сосуществует с иной тенденцией. Вообще большинство спикеров, работавших в ЗС до вхождения в должность, заседали там недолго: лишь каждый десятый — в двух и более созывах, не считая того, в котором был впервые избран спикером. Без малого у половины региональная legislатура (ЗС или последний совет) не была непосредственно предшествующим местом работы, а многие из тех, у кого была, совмещали депутатство с иной работой. Примерно в 20 % случаев спикерами становились персоны, по-видимому, вообще не имевшие законодательного опыта после 1990 г. Среди таких спикеров особенно много прямых выходцев из региональной администрации. Тесная связь с влиятельными «внешними» интересами, контролирующими legislатуру (не только административными, но и экономическими), может служить мощным вытягивающим фактором законодательной карьеры, освобождая спикеров от необходимости предварительного политического «ученичества» в парламенте. Один из ярких примеров — нынешний председатель ЗС Вологодской области А.Н. Луценко, который сделал карьеру в системообразующей для экономики региона компании «Северсталь», затем два года работал первым заместителем губернатора и с этого поста был избран депутатом и сразу же спикером legislатуры.

Как показывает приведенная выше таблица 3, членство в региональных legislатурах — не единственный тип предшествующего законодательного опыта, распространенного среди спикеров, которые перед занятием должности также входили в представительные органы другого более низкого или высокого уровня. В них они тоже могли в той или иной степени приобретать необходимые для успешной региональной законодательной карьеры политические навыки, известность и авторитет, связи в элитах и пр. Мы видим, что нередки случаи восходящей законодательной карьеры от местного к региональному уровню пред-

ставительной власти. Вместе с тем встречаются и, напротив, примеры формально нисходящей законодательной карьеры, когда спикеры, перед тем как занять свой пост, работали в федеральных представительных органах, причем в СФ чаще, чем в ГД. Что касается СФ, то спикеры ЗС чаще всего были депутатами его первого созыва, а затем совмещали членство в обоих органах. Хотя ситуация варьирует, представляется, что для рядового члена Федерального собрания пост спикера регионального законодательного органа может быть привлекательным и фактически представлять собой повышение, карьерный рост.

Длительность пребывания в должности

Говоря о законодательном опыте спикеров, нужно, конечно, затронуть вопрос и о длительности их пребывания на своем посту. Существует очень большой разброс в этом плане, однако чаще всего оно было недолгим. Так, более трети (35 %) спикеров, которые уже покинули свою должность, не смогли сохранить свое кресло даже в течение одного полного созыва. Примерно столько же занимали свой пост один полный созыв. В то же время только 9 % уже ушедших спикеров возглавляли легислатуры в течение трех и более созывов. Что касается ныне действующих спикеров, то более половины их заняли свою должность лишь в нынешнем созыве легислатуры, еще примерно 35 % возглавляли также предыдущий созыв собрания. Однако среди спикеров есть и примеры удивительного политического долгожительства. Так, председатели легислатур Хакасии и Омской области возглавляют их с первого до нынешнего созыва. Сменяемость спикеров может быть связана с различными факторами, в числе которых, например, приход нового губернатора, стремящегося поставить во главе легислатуры своего человека, а также сдвиги в расстановке партийно-политических сил в парламенте (например, случаи перехода контроля над ним от КПРФ к ЕР в регионах бывшего «красного пояса»). Чтобы удерживать свой пост при всех изменениях политической конъюнктуры, спикерам, по-видимому, нужно проявить немалое политическое мастерство. Следует также отметить, что типичная политическая слабость легислатур может нести ответственность за частую смену их спикеров в том смысле, что способна повышать для них привлекательность ключевых должностей в органах, где сосредоточена реальная власть, а именно в региональных администрациях, побуждая их искать и использовать возможности соответствующего перехода.

Законодательный опыт после ухода с должности

Работа в представительных органах различного уровня — наиболее распространенный вариант карьеры спикеров после ухода со своего поста, характерный для большинства (табл. 5).

Таблица 5

Членство спикеров в представительных органах после отставки, в % (N=361)

Уровень legislatures	Наличие опыта членства	Первая известная должность после отставки
Федеральное собрание	29	21
<i>В т.ч.</i>		
ГД	10	6
СФ*	20	16**
Региональные ЗС	54	46
Местные думы	2	1
Всего	72	64

* С учетом также тех, кто хотя бы некоторое время после ухода с поста спикера сохранял место в СФ, занятое по этой должности, но вновь в СФ не делегировался, доля экс-спикеров, заседавших в СФ, возрастет до 38 %, в ФС — до 45 %, в любых представительных органах — до 80 %, причем сразу после отставки — до 36, 41 и 75 % соответственно.

** В тех случаях, когда спикер после отставки избирался депутатом (или губернатором) и практически сразу входил в СФ, членство в СФ считалось также первой известной должностью.

Законодательную посткарьеру можно также формально разделить на два типа: нисходящую и восходящую. Нисходящая карьера имеет место тогда, когда спикер переходит на менее высокую руководящую позицию в региональной legislatures (вице-спикер, председатель комитета и пр.) или становится рядовым депутатом, иногда совмещая этот пост с иной работой, а в отдельных случаях даже оказывается на местном уровне представительной власти. В некотором смысле региональное депутатство — самый простой и естественный вариант непосредственного продолжения карьеры после ухода с поста спикера. Так, если он покидает свою должность не с окончанием работы данного созыва legislatures, а в течение созыва (что происходит нередко), он может автоматически сохранять депутатские полномочия, если, конечно, его

уход не связан с переходом в органы, работа в которых несовместима с депутатством (например, в администрацию). Некоторые экс-спикеры просто досиживали свой срок в легислатуре и не баллотировались в ее очередной созыв. Однако чаще им удавалось избираться и в новые созывы легислатуры, пользуясь преимуществами инкубентов. И все же не стоит преувеличивать вероятность этого варианта посткарьеры: некоторым спикерам, которые, находясь в должности, наживали себе немало врагов как среди избирателей, так и в элитах не удавалось пройти в новый созыв. Кроме того, после пребывания на высшей позиции в парламенте иные посты в нем могли быть для экс-спикеров просто непривлекательны, так что они воздерживались от продолжения региональной законодательной карьеры.

Формально восходящая карьера имела место, когда экс-спикер оказывался в ФС — ГД, а чаще в СФ. Что касается переходов в СФ, то они были особенно распространены в начале 2000-х годов, когда большая группа спикеров, входивших по должности в верхнюю палату, осталась в ней (обычно на довольно короткий срок) после изменения порядка ее формирования (опыт работы в этом органе и связи на федеральном уровне были их важными преимуществами в плане такого делегирования). Нужно отметить, что предоставление спикеру места в Федеральном собрании, может быть, кроме прочего, и способом относительно гладкой и бесконфликтной смены председателя и обеспечения его последующей лояльности. Переходы в ФС могут быть привлекательными для спикеров, учитывая щедрость вознаграждений парламентариев, их неприкосновенность, доступ к федеральным чиновникам, престижность парламентских постов и пр.

РАБОТА СПИКЕРОВ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНАХ ДО ВХОЖДЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ И ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Предшествующий административный опыт

Более половины спикеров имеют в своей предшествующей постсоветской карьере административный опыт, причем большинство чиновников, ставших председателями ЗС, совершили прямой переход на этот пост (табл. 6). Примерно 30 % провели в административных структурах не менее половины карьеры после 1991 г. и до того момента, как возглавили легислатуру.

Таблица 6

**Постсоветский опыт работы спикеров в административных органах
до вхождения в должность, в % (N=461)**

Уровень администрации	Наличие опыта работы	Последняя известная должность перед избранием
Федеральная*	10	3
Региональная	34	20
Местная	26	10
Всего	55	33

* К федеральной администрации были, кроме прочего, отнесены территориальные органы федеральных органов исполнительной власти (в частности, органы внутренних дел в субъектах РФ), но надо учитывать, что они могут существенно зависеть от региональной исполнительной власти, глав регионов, что было характерно прежде всего для 1990-х годов.

Наиболее широко представлены выходцы из региональной исполнительной власти и, хотя существенно реже, местных администраций. Практика избрания спикерами как косвенных, так и прямых выходцев из администраций субъектов РФ широко распространена в региональном разрезе и встречается в подавляющем большинстве регионов. При этом в 16 субъектах РФ соответствующий опыт имели большинство спикеров (например, в Ингушетии — 9 из 10). В региональных администрациях будущие спикеры занимали прежде всего посты заместителей губернаторов (председателей правительств), реже — руководителей органов исполнительной власти (министров, председателей комитетов и пр.), советников или помощников губернаторов, при этом значительное число работало на высших должностях в администрации (аппарате) главы региона. Лишь в отдельных случаях спикерами становились бывшие губернаторы, чаще всего вынужденные по тем или иным причинам оставить свой пост, как, например, Э.Э. Россель, уволенный президентом за превышение полномочий, и А.Г. Тулеев, ушедший в отставку вскоре после пожара в ТЦ «Зимняя вишня». Что касается выходцев из местных администраций, то чаще всего будущие спикеры работали главами районов и городов, иногда их заместителями. Значительно меньше спикеров имеют предшествующий опыт работы в федеральной администрации, причем почти исключительно в руководстве территориальных подразделений в соответствующих субъектах РФ федеральных органов исполнительной власти (включая силовые ведом-

ства, главным образом МВД, но также ФСБ, ФСНП и пр.) и администрации президента (прежде всего полномочные представители президента и главные федеральные инспекторы). При этом лишь в единичных случаях спикеры работали в центральном, базирующемся в Москве аппарате федеральных административных структур (двое, А.Г. Тулеев и А.Г. Назарчук, даже были федеральными министрами). Вообще надо отметить, что, в отличие от многих губернаторов, спикеры, за редким исключением, являются по характеру своей предшествующей карьеры эндогенными, укорененными в региональном (элитном) сообществе фигурами.

Что касается исторической динамики распространенности административного опыта, то здесь ситуация неоднозначна. В целом доля спикеров с предшествующим административным опытом в постсоветский период росла (табл. 7).

Таблица 7

**Предшествующий постсоветский опыт работы спикеров
в административных органах по времени вхождения в должность, в %**

Уровень администрации	Показатель	Время вхождения в должность		
		1990-е (n=160)	2000-е (n=166)	2010-е (n=135)
Федеральный	наличие опыта	6	8	15
	последняя известная должность перед избранием	3	4	2
Региональная	наличие опыта	28	36	39
	последняя известная должность перед избранием	22	19	18
Местная	наличие опыта	24	30	26
	последняя известная должность перед избранием	17,5	7	4
Всего	наличие опыта	52	55	57
	последняя известная должность перед избранием	42,5	30	24

Однако прежде всего увеличилась доля выходцев из региональной и федеральной администраций, в то время как доля местных чиновни-

ков была относительно стабильна. При этом доля прямых выходцев из чиновничества существенно снизилась, прежде всего за счет руководителей местных администраций. Здесь надо отметить, что в 1990-е годы допускалось совмещение этих постов с депутатством, что во многом обусловило массовый приток местных чиновников в ЗС. Ряд таких персон сначала сочетали региональную законодательную карьеру с административной работой, а потом уже перешли с бюрократического поста на должность спикера.

Высокопоставленные чиновники обладают ресурсами и возможностями, повышающими их шансы на избрание как в легислатуру, так и на пост спикера. Властная позиция позволяет обеспечивать лояльность избирателей, например предоставляя им различные блага в рамках машинной политики. Широко распространено и влияние чиновников на выборы «через избирательное применение формальных норм и формирование специальных внезаконных практик, связанных, например, с контролем над деятельностью избирательных комиссий» [Барсукова, Левин 2020: 45–46]. Важно отметить, что ключевая административная должность дает возможность приобретать поддержку и со стороны различных элит. Прежде всего это губернатор, чаще всего оказывающий решающее влияние на выборы легислатуры и ее спикера. Стремясь обеспечить контроль над ЗС, он может быть заинтересован в том, чтобы поставить во главе него людей из своей клиентелы, «команды», прежде всего коллег по администрации. Кроме того, значима и поддержка других властных акторов, которую они могут оказывать вследствие своей зависимости от администрации, прежде всего бизнеса и бюджетников, широко представленных в легислатурах. Наконец, в рекрутировании спикеров существенную, даже решающую роль, особенно в условиях централизации власти с 2000-х годов, могла играть и федеральная администрация, поддержка которой, возможно, была особенно важна для ряда глав легислатур — прямых выходцев из нее, в частности из аппарата полпредств Президента РФ (но примечательно, что их доля в этот период практически не возросла).

Говоря о заинтересованности чиновников в законодательной карьере, следует отметить, что, конечно, для высокопоставленных администраторов превращение в рядовых депутатов было бы явным понижением и утратой реальной власти, однако обычно они сразу занимают должности спикеров или других руководителей легислатур. Спикер, несмотря на типичную слабость ЗС, обычно, если судить по рейтингам,

одна из самых влиятельных фигур в региональной политической элите, так что переход на эту должность, к тому же высокооплачиваемую, может быть привлекательным даже для видных чиновников, будучи показателем восходящей карьеры. Впрочем, конечно, не всегда. И для некоторых, как, например, для экс-губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, избрание спикером, очевидно, было закатом политической карьеры, почетной отставкой и пенсией [В Кремле назвали новое место работы... 2020].

Административный опыт после ухода с должности

Как показывает таблица 8, спикеры не только рекрутируются из чиновников разного уровня, но и работают в администрации после ухода с должности, тем не менее административный опыт сразу после отставки существенно менее распространен, чем непосредственно перед избранием главой legislatures.

Таблица 8

Работа спикеров в административных органах после ухода с должности, в % (N=361)

Уровень администрации	Наличие опыта работы	Первая известная должность после отставки
Федеральная	9	3
Региональная	29	15
Местная	4	2
Всего	36	20

В некоторых случаях бывшие спикеры возглавляли местные администрации, иногда работали в полномочных представительствах президента (прежде всего ГФИ и полпредами в регионах) и территориальных органах федеральных органов исполнительной власти (чаще всего их руководителями). В редких случаях они оказывались в центральном, «московском» административном аппарате, в том числе и на элитных должностях (трое — А.Г. Тулеев, Е.С. Сапиро, С.С. Собянин — стали членами правительства РФ). Впрочем, чаще всего бывшие главы legislatures работали в региональных администрациях на разных должностях, включая заместителей губернаторов (председателей правительств), советников (помощников) губернаторов, а также министров и других руководителей органов исполнительной власти субъектов РФ. Однако

самой распространенной их региональной административной должностью был пост губернатора (35 случаев), причем обычно позиция спикера служила прямым трамплином к посту губернатора, чаще избранного населением и реже назначенного. Такая практика была довольно широко распространена в относительно демократических условиях 1990-х годов, тогда как в последующие десятилетия стала гораздо более редкой. Так, среди спикеров, покинувших свой пост в 1990-е годы, 18 % сразу стали губернаторами (в этот период целому ряду спикеров, связанных с КПРФ и НПСР, удалось победить на выборах глав регионов), тогда как среди тех, кто ушел в 2000-е, только 2 %, а в 2010-е — 5 %.

Какие факторы могут влиять на распространенность административного опыта в посткарьере глав legislatures? Во-первых, то, что именно в административных структурах обычно сосредоточена реальная власть, может стимулировать интерес спикеров к переходу в них. Однако эта заинтересованность относится прежде всего к посту губернатора и применительно к более низким должностям ее не следует преувеличивать. Как бы ни слабы были часто законодательные органы, их председатели, возглавляя отдельную, особую ветвь региональной власти, формально считаются вторыми-третьими лицами субъектов РФ, которым не самые высокие посты в администрации могут казаться недостаточно престижными и привлекательными. Впрочем, при отсутствии других вариантов даже пост советника губернатора на общественных началах может быть в качестве формы почетной отставки с готовностью принят спикером, вынужденным по тем или иным причинам (возраст, скандал, проигрыш на выборах и пр.) покинуть свой пост. Губернатор, со своей стороны, может быть заинтересован в трудоустройстве спикера в администрацию, чтобы обеспечить его относительно бесконфликтный уход с должности и последующую лояльность.

Во-вторых, тот факт, что, как было показано выше, многие спикеры имеют предшествующий избранию опыт работы в административной сфере, а значит, и соответствующие знания, навыки и связи, может способствовать их административной карьере после ухода с должности. Существенная часть спикеров работала в администрации, как до вхождения в должность, так и после отставки. Впрочем, нельзя сказать, что среди спикеров, имевших административный опыт на любом из уровней власти после ухода с должности, соответствующий постсоветский опыт до вхождения в нее шире распространен, чем во всей совокупности.

В-третьих, спикеры могут обладать и рядом других преимуществ, облегчающих достижение административных постов, прежде всего поста губернатора. Это и широкая известность в регионе, и опыт успешных избирательных кампаний, и видный пост в «партии власти», и связи с влиятельными персонами (чиновниками, бизнесменами), заседающими в легислатуре. Очень важно наличие у спикеров опыта и навыков урегулирования конфликтов, согласования интересов, создания коалиций внутри элиты, что может быть весьма полезно в работе на посту губернатора, чьей важнейшей задачей является выстраивание и поддержание собственной политической машины [Hale 2003: 248].

Впрочем, преимущества спикеров, релевантные достижению административных постов, не стоит преувеличивать. Представляется, что типичная слабость региональных легислатур как политических институтов, фактическое отсутствие подотчетности им региональных правительств в целом должны серьезно ограничивать способность их глав (как и депутатов в целом) претендовать на влиятельные административные посты, включая и должность главы региона. Кроме того, стоит отметить, что многие спикеры уходят со своего поста уже в пожилом возрасте (более четверти покинули его в 60 лет и старше). Это может существенно ограничивать (в силу проблем со здоровьем или возрастных ограничений на занятие должностей) их возможности продолжить карьеру в административной сфере (среди глав легислатур, покинувших должность в пенсионном возрасте, административный опыт встречался гораздо реже, чем во всей совокупности, причем в основном в качестве советников).

БИЗНЕС КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ СПИКЕРОВ И МЕСТО ИХ РАБОТЫ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Предшествующий опыт работы в коммерческих организациях

Как показывает таблица 9, свыше 40 % спикеров имеют опыт работы на ключевых постах в коммерческих организациях после 1991 г. и до вхождения в должность.

Причем случаи рекрутирования на пост председателя ЗС таких персон встречаются в подавляющем большинстве регионов, и во многих субъектах РФ (например, в Брянской, Иркутской, Ярославской областях, Приморском крае) соответствующий опыт работы имели большинство спикеров. Однако доля прямых выходцев из бизнеса, даже

Таблица 9

**Постсоветский опыт работы спикеров на ключевых должностях*
в коммерческих организациях до вхождения в должность, в %
(N=461)**

Наличие опыта работы	Последняя известная должность перед избранием
42	14

* К ним отнесены президенты, председатели советов директоров, председатели правлений и их заместители, директора по направлениям и индивидуальные предприниматели (не считая руководителей филиалов и представительств).

если учитывать не только ключевые, но и иные позиции (средний менеджмент, советники и пр.), гораздо меньше — около 17 %, хотя случаи такого рекрутирования тоже имели место в большинстве регионов. О значимости опыта работы в коммерческих организациях говорит и то, что более четверти спикеров провели в них не менее половины своей постсоветской карьеры до вхождения в должность.

Если смотреть в исторической перспективе, то в сравнении с 1990-ми годами, наблюдается значительный рост доли спикеров с постсоветским опытом руководства бизнесом (табл. 10). Отчасти это неудивительно: чем больше времени прошло с 1991 г. до вступления спикера в должность, тем больше возможностей у него было поработать в постсоветских коммерческих структурах. Можно сказать, что в настоящее время работа на ключевых постах в бизнесе превратилась в типичную составную часть карьеры, ведущей к посту председателя региональной legislatures.

Таблица 10

**Предшествующий постсоветский опыт работы спикеров
на ключевых постах в коммерческих организациях
по времени вхождения в должность, в %**

Время вхождения в должность	Наличие опыта
1990-е (n=160)	24
2000-е (n=166)	51
2010-е (n=135)	54

Что касается роли бизнеса как непосредственного источника рекрутирования спикеров, то она изменилась не столь существенно: доля

прямых выходцев с ключевых позиций в коммерческих организациях возросла, с 12,5 до 16 % , а с любых позиций — с 14 до 20 %.

Какой бизнес представлен среди спикеров? Касаясь формы собственности, можно отметить, что, хотя занятость в фирмах, которыми владеет государственная и муниципальная власть, включая унитарные предприятия, довольно распространена, все же существенно чаще встречается работа в частном секторе. Причем многие из тех спикеров, кто были заняты в бизнесе до избрания, сами владели им или принадлежали к семьям, владеющим компаниями. Есть и случаи непосредственного рекрутирования частных предпринимателей на этот пост. Один из примеров — нынешний председатель Совета народных депутатов Кемеровской области В.А. Петров, являвшийся соучредителем и председателем совета директоров ООО «Е-Лайт-Телеком». В целом среди спикеров преобладают выходцы из компаний, принадлежащих местным собственникам (включая их самих), однако широко представлены и выходцы из фирм, контролируемых внешними, главным образом московскими, владельцами. В отраслевом плане примечательна распространенность занятости на предприятиях АПК, чьи руководители вообще часто играют важную роль в губернаторских политических машинах [Hale 2003]. Довольно широко представлен и опыт работы в финансовом, строительном секторах и торговле. В плане размера компаний нужно отметить, что среди спикеров с опытом работы в бизнесе значительная часть (в том числе большинство прямых выходцев из коммерческой сферы) работали в крупных по региональным меркам фирмах (которым нередко удавалось провести в ЗС целую группу своих представителей). Это, в частности, характерно для регионов, в экономике которых есть предприятие-гегемон. Так, среди глав ЗС Вологодской области большинство по роду своей работы были связаны с компанией «Северсталь», среди спикеров легислатуры Саха-Якутии двое работали на компании «Алроса», в Красноярском крае и на Таймыре спикерами становились прямые выходы с ГК «Норильский никель». Также обращает на себя внимание тот факт, что в числе спикеров есть целый ряд прямых выходцев с предприятий-монополистов — энергетических и пр. Так, в 1990-е годы Магаданскую областную думу возглавлял В.А. Пехтин — руководитель компании «Колымаэнерго», а ЗС Иркутской области — генеральный директор компании «Иркутск-энерго» В.М. Боровский.

Значительная доля выходцев из бизнеса среди спикеров в общем неудивительна, учитывая их большой удельный вес во всем депутатском

корпусе, откуда спикеры рекрутируются (см.: [Быстрова и др. 2019]). В условиях «кумовского капитализма», когда политические связи особенно важны для накопления капитала, бизнесмены могут быть заинтересованы в депутатском мандате (особенно в руководящем poste в легислатуре), поскольку он облегчает доступ к чиновникам [Szakonyi 2018] и позволяет прямо влиять на законотворчество. Притоку бизнеса в легислатуры способствует и институциональный дизайн этих органов, где большинство депутатов совмещают свои обязанности с основной работой [Кынев 2020: 684–686]. Важно также, что бизнесмены превосходят многие другие группы в плане ресурсов, которые можно мобилизовать на выборах депутатов легислатуры (а также отчасти ее спикера). Среди них деньги, корпоративные СМИ, структурная власть, подчиненные трудовые коллективы, репутация грамотных управленцев и пр. Причем экономический рост 2000-х годов способствовал увеличению политических ресурсов и возможностей бизнеса.

Однако, как показывают исследования, доля более или менее прямых выходцев из бизнеса в руководстве легислатур, включая спикеров, ниже, чем в депутатском корпусе в целом ([Быстрова и др. 2020]; см. также: [Reuter, Turovsky 2014]). Какие факторы могут ограничивать приток выходцев из бизнеса, особенно непосредственных, на пост спикера? Во-первых, должность спикера почти всегда предполагает работу в легислатуре на постоянной, оплачиваемой основе (хотя были исключения) и в этом смысле политическую профессионализацию. Более того, как уже отмечалось, карьерный путь к этой должности часто лежит через промежуточные между ней и рядовыми депутатами позиции, такие как председатели комитетов и вице-спикеры, работа на которых также нередко, согласно нормам законодательных органов, выполняется на профессиональной основе. Уже говорилось, что при прочих равных условиях персоне, которая совмещает депутатство с основной работой в бизнесе, уделяя ему, возможно, всего несколько часов в месяц, а не посвящает законодательной деятельности все свое рабочее время, труднее приобрести политические знания, умения и навыки, а также авторитет среди депутатов, необходимые для достижения руководящих должностей. При этом бизнесменам (особенно наемным менеджерам), в отличие от представителей многих иных социально-профессиональных групп, переход на постоянную, профессиональную работу в парламент может быть невыгоден в силу высоких издержек смены работы: покинув ключевой пост в компании, можно не только утратить контроль над ка-

питалом, но и сильно проиграть в доходе. В этом смысле неудивительно, что в сравнении с обычными депутатами среди руководства легислатуры, включая спикеров, доля тех, кто непосредственно перед занятием должности работал в бизнесе, меньше и, как показало исследование, уступает доле тех председателей, у кого единственным местом работы была сама легислатура.

Во-вторых, как уже отмечалось, чаще всего легислатуры подконтрольны региональной исполнительной власти и губернаторы стремятся поставить на командные высоты в них, особенно на посты спикеров, людей из своей клиентелы, прежде всего выходцев из администрации. Частные бизнесмены могут казаться им слишком независимыми и недостаточно надежными для такой ответственной должности, хотя выходцы из прямо подконтрольных региональной власти государственных фирм могут больше подходить для этой роли. Впрочем, и зависимость частного бизнеса от региональных властей и его политическую лояльность губернатору также не стоит недооценивать.

В-третьих, бизнесмены могут считаться не лучшими кандидатами на пост спикера в силу того, что они имеют специфические коммерческие интересы и непосредственно вовлечены в соответствующие политико-экономические конфликты. Ведь одной из важнейших функций председателя легислатуры как раз является регулирование внутриэлитных конфликтов и согласование интересов (часто в основном деловых), представленных в ней (а также в региональной «партии власти», которую он нередко возглавляет). Для этого ему может быть необходима определенная автономия от указанных интересов. В этом смысле профессиональные политики и чиновники, если они существенно не вовлечены в бизнес (что, конечно, далеко не всегда так), могут считаться предпочтительными претендентами.

Работа в бизнесе после отставки

Как показывает таблица 11, спикеры имеют опыт работы в бизнесе не только до вхождения в должность, но, хотя и значительно реже, после отставки, занимая различные посты: топ-менеджеров, председателей и членов советов директоров, советников и пр.

При этом доля спикеров, ушедших в бизнес сразу после отставки, невелика, существенно меньше доли непосредственных выходцев оттуда. Лишь изредка должность главы легислатуры служила прямым трамплином к видным позициям в бизнесе, которым сами спикеры

Таблица 11

**Работа спикеров в коммерческих организациях
после ухода с должности, в % (N=361)**

Должность	Наличие опыта работы	Первая известная должность после отставки
Ключевая	18	4
Любая	27	7

не владели или в котором не работали до избрания. Например, главы парламентов Нижегородской области и Ненецкого автономного округа Е.Б. Люлин и В.А. Выучейский заняли посты в топ-менеджменте региональных дочек компании «Лукойл», а председатель Мосгордумы В.М. Платонов стал советником президента «Банка Москвы».

В каком бизнесе работали спикеры после отставки? Среди бывших председателей, имевших такой опыт, в том числе сразу после ухода с должности, шире распространена занятость в частных фирмах, чем в государственном и муниципальном секторе (например, в унитарных предприятиях и корпорациях развития). Причем значительная часть экс-председателей, работавших в частном бизнесе, владели им. Не менее трети отставных спикеров, занятых в коммерческой сфере, работали в крупном по региональным или даже федеральным меркам бизнесе. В частности, глава легислатуры Якутии В.Н. Басыгысов стал советником президента системообразующего для региональной экономики ПАО «Алроса», а председатель Законодательного собрания Вологодской области Г.Е. Шевцов получил пост советника генерального директора дочки ПАО «Северсталь» АО «Северсталь менеджмент». Около 2 % экс-спикеров входили в топ-менеджмент или советы директоров компаний из списка журнала «Эксперт», т.е., по сути, в общероссийскую экономическую элиту. Однако прямых переходов в бизнес-элику такого уровня было всего два. В частности, спикер Законодательного собрания Амурской области Н.Н. Швец занял пост генерального директора компании «Холдинг МРСК». Остальные бывшие спикеры обычно занимали перед переходом в крупный бизнес другие видные политико-административные должности (такие как депутат ГД, заместитель федерального министра, губернатор), которые и становились прямым трамплином в экономическую элиту.

Какие факторы могут влиять на распространенность занятости спикеров в бизнесе после отставки? Во-первых, наличие у многих спи-

керов предшествующего опыта руководящей работы в компаниях и соответствующих знаний и связей может облегчать их уход в бизнес после отставки. Среди спикеров, которые после отставки работали топ-менеджерами или председателями советов директоров компаний, соответствующий опыт до вхождения в должность гораздо более распространен, чем во всей совокупности. В значительном числе случаев спикеры после отставки возвращались в собственный бизнес, а также в другие фирмы, в которых были прежде заняты. Так, глава Законодательного собрания Приморского края Е.А. Овечкин, вынужденный подать в отставку из-за уголовного дела, возглавил совет директоров «Дальневосточной промышленно-строительной компании», председателем которого работал на момент своего избрания. А председатель Архангельского областного собрания депутатов В.С. Фортыгин, бывший перед избранием генеральным директором компании «Севералмаз», через некоторое время после отставки занял пост заместителя руководителя этого предприятия.

Во-вторых, как уже отмечалось, значительная часть спикеров покидает свой пост уже в пожилом возрасте, а в бизнесе нет таких жестких формальных возрастных ограничений на занятие должностей, как на государственной службе или в бюджетной сфере. Впрочем, преклонный возраст может быть фактическим препятствием и для полноценной управленческой карьеры в бизнесе, даже если и позволяет занимать синектуры членов советов директоров или советников.

В-третьих, трудоустройству в бизнесе могут способствовать также знакомства и связи, приобретенные спикерами в период пребывания в должности и в ходе их постоянного взаимодействия с бизнесменами, широко представленными в легислатуре. Выгодный пост в бизнесе может быть и своего рода вознаграждением за лояльность его интересам, которую спикер проявил, будучи на своем посту. В свою очередь, связи с чиновниками могут способствовать рекрутированию председателей на видные посты в государственных компаниях.

В-четвертых, если политиков могут привлекать высокие вознаграждения в бизнесе, то самим фирмам может быть выгоден наем бывших спикеров, имеющих связи в политико-административной элите и доступ к политикам и чиновникам (возможно, и на федеральном уровне, учитывая то, что многие председатели по должности были членами СФ), а также хорошо знающих механизм функционирования законодательной власти и законотворческий процесс. Наличие в компаниях таких

персон может увеличивать лоббистские возможности бизнеса. Есть случаи, когда бывшие спикеры отвечали в фирмах именно за взаимодействие с органами государственной власти, как, например, В.В. Филиппов — председатель Государственного собрания Якутии, ставший советником ПАО «ФСК ЕЭС». Впрочем, заинтересованность фирм в привлечении спикеров не стоит переоценивать. Типичная слабость и зависимость региональных legislatures должны снижать лоббистский потенциал и востребованность в фирмах их председателей. Поскольку реальная власть обычно сосредоточена не в законодательных, а в административных органах, бизнес, вероятно, с гораздо большей готовностью возьмет на работу экс-чиновника, чем депутата, даже высокопоставленного. Кроме того, значительное различие логик функционирования политики и бизнеса и соответственно склонностей, способностей и навыков, необходимых для успешной работы в этих сферах, также ограничивает востребованность в фирмах политических деятелей, как и, вероятно, их собственный интерес к бизнес-карьере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование карьеры спикеров региональных legislatures позволило сделать ряд выводов об основных каналах и тенденциях их рекрутирования, о доминирующих типах профессионального опыта как до избрания, так и после отставки, которые в биографиях конкретных властных персон нередко сочетаются.

Во-первых, для спикеров характерна высокая степень укорененности в органах политико-административной власти советского общества. Пути деятелей номенклатуры к посту председателя legislatures различны: некоторые сначала заняли руководящие посты в последних советах народных депутатов, а затем возглавили ЗС первого созыва, другие в постсоветский период сначала работали в административных или коммерческих структурах, которые и стали трамплином к спикерству. Впрочем, со временем доля номенклатурных, прежде всего партийных, кадров в спикерском корпусе значительно снизилась.

Во-вторых, самым распространенным среди спикеров типом профессионального опыта в постсоветский период как до избрания, так и после ухода с должности является законодательный опыт. Важным каналом их рекрутирования выступают сами региональные legislatures, в которых будущие спикеры нередко случаев сначала занимали,

в том числе на профессиональной основе, промежуточные руководящие позиции — вице-спикеров и председателей комитетов. Такое «внутреннее» рекрутирование спикеров может свидетельствовать об известной автономизации законодательных органов и в связи с этим их институционализации. Однако указанная тенденция довольно ограничена: тесная связь с влиятельными внешними (административными, экономическими) интересами, контролирующими легислатуру, может служить мощным «вытягивающим» фактором законодательной карьеры, освобождая спикеров от необходимости предварительного политического «ученичества» в ЗС.

В-третьих, один из важных каналов рекрутирования спикеров — административные органы, прежде всего регионального и местного уровня, что во многом отражает (и, в свою очередь, закрепляет) зависимость формирования и функционирования легислатур от губернаторов, стремящихся поставить во главе них персон из своей клиентелы. Хотя исторически доля председателей с опытом работы в администрации довольно стабильна и даже немного возросла, прямых выходцев оттуда становится меньше. Работают спикеры в администрации и после отставки (хотя и реже), прежде всего на посту губернатора. Практика их прямого рекрутирования на должность главы региона была наиболее распространена в относительно демократические 1990-е годы, когда, в частности, ряду спикеров, связанных с КПРФ, удалось победить на выборах губернатора. Вообще приобретенные на посту спикера опыт и навыки урегулирования конфликтов, согласования интересов, создания коалиций внутри элиты могут быть довольно полезны для главы региона, чьей важнейшей задачей является выстраивание и поддержание собственной политической машины.

В-четвертых, значимым источником рекрутирования спикеров служит бизнес, причем его роль имеет тенденцию к росту. Широкое присутствие персон с опытом работы в бизнесе среди спикеров ожидается, учитывая высокий уровень плутократизации регионального депутатского корпуса в целом, связанный во многом с «кумовским» характером капитализма в России, когда политические связи первостепенны для накопления капитала. Однако непосредственных выходцев из бизнеса (чаще всего крупного по региональным меркам) относительно немного, что может отражать как важность предварительной политической профессионализации (не всегда выгодной бизнесменам) для достижения этого поста, так и зависимость легислатур от губернаторов,

которым частные предприниматели могут казаться слишком самостоятельными фигурами для должности спикера. Значительно реже спикеры заняты в бизнесе после ухода с должности, причем довольно распространены случаи их возвращения в компании, в которых они работали до избрания на свой пост.

Наконец, если в общем говорить о роли поста спикера в карьере, то нужно отметить, что она различна. В частности, пост спикера мог быть как ее вершиной, так и, в некоторых случаях, закатом или же трамплином к более высоким позициям. В этой связи примечательно, что подавляющее большинство отставных спикеров занимали в дальнейшем элитные должности, хотя часто это были только менее значимые посты в самом ЗС. Лишь меньшинство вовсе выпадало из элиты. Так, всего около четверти (нередко персоны пенсионного или предпенсионного возраста) не работали после ухода с должности на элитных политических или административных постах регионального или федерального уровня, даже если не учитывать «досиживаний» в СФ или текущем созыве ЗС.

Литература

Барсукова С.Ю., Левин С.Н. Соотношение административного и финансового ресурсов в ходе избирательных кампаний в современной России: региональная специфика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 41–59.

Богатырева Л.В. Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189.

Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 2. С. 24–66.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122.

Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87–105.

Даугавет А.Б. Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369.

Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 51–65.

Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 3. С. 142–155.

Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.

Петров Н. Корпоративизм vs регионализм // *Pro et Contra*. 2007. № 4–5 (38). С. 75–89.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С.-Петербурга // *Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева*. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18, № 5. С. 52–86.

Тев Д.Б. Спикеры legislatures субъектов РФ: каналы рекрутирования и карьера // *Социологический журнал*. 2021. Т. 27, № 1. С. 52–75.

Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 82–92.

Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // *Полития*. 2021. № 2 (101). С. 121–143.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Шириков А. Анатомия бездействия: Политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с. (Труды факультета политических наук и социологии).

Böröcz J., Róna-Tas Á. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5 (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe). P. 751–781.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // *Legislative Studies Quarterly*. 2012. Vol. 37, № 1. P. 5–34.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America // *American Journal of Political Science*. 2015. Vol. 59, № 1. P. 1–18.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65, № 4. P. 717–736.

Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40, № 11. P. 1279–1301/

Golosov G. Growing Old Without Grace: Electoral Authoritarianism And The Age Composition Of Russia's Regional Legislative Assemblies // *Representation*. 2014. Vol. 50, №4. P.509–526.

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014) // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69, № 4. P. 553–570.

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19, № 3. P. 228–263.

Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia — Old Wine in a New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993 // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5 (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe). P. 639–668.

Heinsohn T., Schiefer M. Advancing to positions of power in parliament — does seniority matter? // *The Journal of Legislative Studies*. 2019. Vol. 25, № 4. P. 511–532.

Jensen N.M., Malesky E., Weymouth S. Unbundling the Relationship between Authoritarian Legislatures and Political Risk // *British Journal of Political Science*. 2014. Vol. 44, № 3. P. 655–684.

Malesky E., Schuler P. Nodding or Needling: Analyzing Delegate Responsiveness in an Authoritarian Parliament // *American Political Science Review*. 2010. Vol. 104, № 3. P. 482–502.

Reuter O.J., Robertson G.B. Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77, № 1. P. 235–248.

Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes // *Party Politics*. 2014. Vol. 20, № 5. P. 663–674.

Samuels D. *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Szakonyi D. Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112, № 2. P. 322–338.

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5 (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Post-communist Transformation of Eastern Europe). P. 615–638.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior // *Congress & the Presidency*. 2008. Vol. 35, № 1. P. 71–86.

Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Impact Economic Growth and Foreign Aid Effectiveness // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52, № 2. P. 322–342.

Источники

В Кремле назвали новое место работы Тулеева «почетной ссылкой» // РБК. 11.04.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2018/5accf5eb9a79471718b6550d> (дата обращения 12.05.2020).

SPEAKERS OF REGIONAL LEGISLATURES: CAREER ROUTES AND RECRUITMENT CHANNELS

D. Tev

(denis_tev@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Tev D. Spikery regional'nykh zakonodatel'nykh sobraniy: kar'yernyye puti i kanaly rekrutirovaniya [Speakers of regional legislatures: career routes and recruitment channels]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 26–65. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2>

Abstract. *The article examines the channels for recruitment the speakers of the legislatures of the subjects of the Russian Federation and the features of their career, both before election and after leaving office. The empirical basis of the study is the biographical database of the chairmen of regional legislative assemblies of all convocations after the end of the term of the last councils of people's deputies and until February 2019. It has been established that the speakers are strongly rooted in the bodies of political-administrative power of Soviet society, although the share of the nomenklatura, first of all, party cadres have a pronounced tendency to decrease. The main channel for recruitment of speakers and their place of work after resignation are the representative authorities, primarily regional legislatures. The election of speakers from among relatively experienced professional deputies may indicate a certain autonomization and institutionalization of legislative assemblies. However, this tendency is rather limited: close ties with influential external forces (administrative, economic) that control the legislature can act as a “pulling” factor in legislative careers, freeing speakers from the need for preliminary political “apprenticeship” in parliament. Administrative bodies, primarily regional and local, are an important channel for recruitment of speakers, which, in many respects, reflects the dependence of the formation and functioning of legislatures on governors, who strive to put people from their clientele at the*

head of them. Speakers are much less likely to work in administrative structures after their resignation, primarily as governor, and the practice of recruiting them for this position was most widespread in the 1990s. Business is a significant source of recruitment of speakers, however, there are relatively few direct descendants from commercial organizations (most often from large by regional standards), which may reflect both the importance of preliminary political professionalization to achieve this post, and control over legislative assemblies by governors, for whom private businessmen may seem too independent to be a speaker. Less often, speakers are engaged in business after leaving office, including their return to the companies in which they worked before the election.

Keywords: speakers, regional legislatures, recruitment channels, career, nomenclature experience, representative bodies, administrative bodies, business.

References

Barsukova S.Ju., Levin S.N. Sootnoshenie administrativnogo i finansovogo resursov v hode izbiratel'nyh kampanij v sovremennoj Rossii: regional'naja specifika [Ratio Between Administrative and Financial Resources during Election Campaigns in Modern Russia: Regional Specifics]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, 4, pp. 41–59. (In Russian)

Bogatyreva L.V. Mehanizmy rekrutirovanija glav regional'nyh zakonodatel'nyh sobranij (na primere regionov CFO) [Mechanisms for recruiting the heads of regional legislative assemblies (on the example of the regions of the Central Federal District)]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2012, 1, pp. 175–189. (In Russian)

Böröcz J., Róna-Tas Á. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*, 1995, 24 (5) (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe), pp. 751–781.

Bystrova A.S. Tipy kar'er predstavitelej regional'noj administrativno-politicheskoy jelity i faktory, vlijajushhie na kar'ernye razlichija [Types of careers of representatives of the regional administrative-political elite and factors affecting career differences]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija* [Power structures and dominance groups.] Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 76–93. (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Institucionalizacija politicheskoy jelity: istochniki rekrutirovanija i kar'era [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and careers]. *Vlast' i jelity* [Power and Elites]. 2019. Vol. 6. № 2. P. 24–66. (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Regional'naja politicheskaja jelita: bassejn rekrutirovanija i kar'era [Regional political elite: pool of recruitment and career]. *Vlast' i jelity* [Power and Elites]. 2020, 7 (1), pp. 76–122. (In Russian)

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America. *American Journal of Political Science*, 2015, 59 (1), pp. 1–18.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Daugavet A.B. Predstavitel'naja vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nyj institut (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. In: *Vlastnye struktury i grupy dominirovanija* [Power structures and dominance groups.] Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 344–369 (In Russian).

Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*, 2007, 40 (11), pp. 1279–1301.

Gel'man V.Ja. [Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy i praktiky] Regional Power in Modern Russia: Institutions, Regimes and Practices. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 1998, 1, pp. 87–105. (In Russian)

Golosov G. Growing Old Without Grace: Electoral Authoritarianism And The Age Composition Of Russia's Regional Legislative Assemblies. *Representation*, 2014, 50 (4), pp. 509–526.

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014). *Europe-Asia Studies*, 2017, 69 (4), pp. 553–570.

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (3), pp. 228–263.

Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia — Old Wine in a New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993. *Theory and Society*, 1995, 24 (5) (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Post-communist Transformation of Eastern Europe), pp. 639–668.

Heinsohn T., Schiefer M. Advancing to positions of power in parliament — does seniority matter? *The Journal of Legislative Studies*, 2019, 25 (4), pp. 511–532.

Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 480 p. (In Russian)

Jensen N.M., Malesky E., Weymouth S. Unbundling the Relationship between Authoritarian Legislatures and Political Risk. *British Journal of Political Science*, 2014, 44 (3), pp. 655–684.

Kryshchanovskaja O.V. Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskuju jelitu [Transformation of the old nomenclature into a new Russian elite]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian)

Kuz'min A.S., Melvin N.Dzh., Nechaev V.D. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetsoj Rossii: opyt tipologizacii [Regional political regimes in post-Soviet Russia: the experience of typology]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2002, 3, pp. 142–155. (In Russian)

Kynev A.V. *Gubernatory v Rossii: mezhdvu vyborami i naznachenijami* [Governors in Russia: Between Elections and Appointments]. Moscow: Fond «Liberal'naja misija», 2020. 1030 p. (In Russian)

Malesky E., Schuler P. Nodding or Needling: Analyzing Delegate Responsiveness in an Authoritarian Parliament. *American Political Science Review*, 2010, 104 (3), pp. 482–502.

Petrov N. Korporativizm vs regionalizm [Corporatism vs regionalism]. *Pro et Contra*, 2007, 4–5 (38), pp. 75–89. (In Russian)

Regional'nye jelity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i jekonomicheskie orientacii [Regional elites of Russia's North-West: political and economic orientations]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aletejja, 2001. 352 p. (In Russian)

Reuter O.J., Robertson G.B. Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes. *The Journal of Politics*, 2015, 77 (1), pp. 235–248.

Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. *Party Politics*, 2014, 20 (5), pp. 663–674.

Safronov V.V. *Konsolidacija avtoritarizma ili demokratizacija: podderzhka putinskogo rezhima jelitov S.-Peterburga* [Consolidation of authoritarianism or democratization: support of the Putin regime by the elite of St. Petersburg]. In: *Uslovija i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva: Sbornik nauchnyh trudov SI RAN* [Conditions and Opportunities for Consolidating Russian Society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS.] Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2010, pp. 30–110. (In Russian)

Samuels D. *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Shirikov A. *Anatomija bezdejstvija: Politicheskie instituty i konflikty v bjudzhetnom processe regionov Rossii* [Anatomy of Inaction: Political Institutions and Conflicts in the Budgeting Process of Russian Regions]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Serija: Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sociologii, 2010. 276 p. (In Russian)

Szakonyi D. Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns. *American Political Science Review*, 2018, 112 (2), pp. 322–338.

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation of Eastern Europe. *Theory and Society*, 1995, 24 (5) (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe), pp. 615–638.

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF VI sozyva: social'no-professional'nye istochniki rekrutirovanija [Deputies of the State Duma of the VI Convocation: Social-Professional Sources of Recruitment]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology], 2017, 18 (5), pp. 52–86. (In Russian)

Tev D.B. Spikery legislatur sub#ektov RF: kanaly rekrutirovanija i kar'era [Speakers of Legislatures of Subjects of the Russian Federation: Recruitment Channels

and Career. *Sociologičeskij zhurnal* [Sociological Journal], 2021, 27 (1), pp. 52–75 (In Russian)

Turovskij R.F. Institucional'nyj dizajn rossijskoj regional'noj vlasti: kazhushhasja prostota? [Institutional Design of Russian Regional Power: Seeming Simplicity?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, 5, pp. 82–92. (In Russian)

Turovskij R.F., Suhova M.S. Kooptacija oppozicii v regional'nyh parlamentah Rossii: igra s narusheniem pravil [Co-optation of Opposition in Russian Regional Parliaments: Game that Breaks Rules]. *Politija* [Politeja]. 2021, 2 (101), pp. 121–143. (In Russian)

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Impact Economic Growth and Foreign Aid Effectiveness. *American Journal of Political Science*, 2008, 52 (2), pp. 322–342.

МОБИЛЬНОСТЬ И ЭНДОГЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ

А.В. Дука

(alexander-duka@yandex.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>

Аннотация. *Статья посвящена проблеме социально-пространственной мобильности региональных российских элит (администраторов и депутатов). Показано, что мобильность является фактором внутренней дифференциации элит. Элиты более мобильны, чем основное население. Различие связано с положением властных персон в иерархии. Об этом свидетельствуют данные как статистики, так и социологических исследований. Вместе с тем мобильность элитных персон не является константой. Она изменяется во времени. Для характеристики «пространственной устойчивости» используется термин «эндогенность», который шире, чем просто фиксация определенной степени пространственной мобильности индивида или социальной группы относительно конкретной биографической вехи — рождения, получения (высшего) образования, занятия той или иной должности и т.п. — в ее привязке к административному / географическому / политическому месту. В статье под эндогенностью (укорененностью) понимается устойчивая связь индивида (политика, администратора) с местным сообществом, его интересами и потребностями. «Устойчивая связь» основывается на встроенности в местное сообщество и возникающие при этом социальные отношения различного уровня и характера. Эмпирической основой исследования стали базы биографических данных членов элитного сообщества*

десяти регионов. В центре анализа находятся политические и административные элиты на 2020 г. (1124 чел.) Также привлекаются материалы баз данных 2010 г. (651 чел.) и 2015 г. (1510 чел.), а также данные Росстата. Обнаружено, что существует большой разброс характеристик мобильности и эндогенности властных групп по регионам. Однако показатели мобильности и эндогенности административной и политической элиты хотя и не совпадают, но близки. В большинстве исследуемых регионов происходит усиление укорененности элиты, снижение мобильности ее членов. Интегральный показатель эндогенности (эндогенное ядро) в большинстве исследуемых субъектов федерации возрастает. Наблюдается дифференциация показателей эндогенности по возрастным группам. Более молодые политики и администраторы оказываются менее мобильными и более эндогенными. Это может говорить о возникновении устойчивых региональных бассейнов рекрутирования, о стабилизации региональных властных групп, их закрытии в отношении внешних акторов. Вопреки ожиданиям, наличие «пришлого» губернатора («варяга») не оказывает существенного влияния на динамику мобильности/эндогенности региональной административной элиты, что может свидетельствовать об относительной автономности региональных бюрократов.

Ключевые слова: элиты, депутаты, администраторы, регион, маргинальность, чужаки, мобильность, укорененность, эндогенность.

ЭЛИТЫ И МОБИЛЬНОСТЬ

Классические теории элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) делали упор на общих характеристиках персон, входящих во властную группу. Это дало основание исследователям как объединить ученых вместе — «макиавеллисты» Дж. Бёрнхэма [Burnham 1943; Putnam 1976: 3–4], так и обосновать общие черты, находимые ими у элит — «три С» Дж. Мейселя [Meisel 1962: 4]. В определенной степени такому настрою следовал и Ч.Р. Миллс [Миллс 1959]. Однако уже в современных Миллсу исследованиях появились важные плюралистические мотивы. Было показано, что элиты не столь однородны, как это представлялось ранее, при довольно «простом» дихотомичном анализе «элиты — массы» [Riesman 1977¹; Kornhauser 1961; Dahl 2005]. Исследования немецких

¹ Необходимо уточнить, что Дэвид Рисмен избегал термина «элиты». Он писал о «сдвиге в политическом решении от доминирования правящего класса к власти, расщепленной среди многих слабо конкурирующих групп

элит Р. Дарендорфа [Dahrendorf 1969] и британских Э. Гидденса [Giddens 1974] дали новый материал для понимания внутренних структурных характеристик элит как гетерогенных социальных образований. Важным этапом стала типология элит Г.Л. Филда и Дж. Хигли. Авторы показали, что историческое развитие элит в разных социально-политических и экономических условиях порождает различные взаимоотношения внутри элит, которые могут носить достаточно конфликтный характер [Field, Higley 1980]. Помимо собственно элитологических исследований, необходимо сказать об идее мультипликации элит К. Манхейма [Манхейм 1994: 314–316], а также о его наблюдении об «изменении соотношения коренных и мобильных элементов» внутри элиты [Манхейм 1994: 318–320]. Тот социоэкономический процесс, которых исследовал Манхейм, имеет еще одну важную сторону, связанную с функциональной дифференциацией внутри экономически господствующего класса, что привело к появлению различных теорий менеджериализма [Burnham 1941; Putnam 1977; Perkin 1996]. Упомянутые здесь концепции имеют разные основания и различные теоретические обоснования. Между тем существенно, что они описывают с разных сторон один достаточно сложный процесс диверсификации сфер общественной жизни (можно выразиться иначе — социальных порядков), социального переструктурирования, в результате которого процессы социальной мобильности, отношения и границы элит и не-элит изменяются, социокультурные образцы социального существования трансформируются. Одновременно с этими «центробежными» тенденциями становятся очевидными и «центростремительные» движения как на региональном, так и на национальном и глобальном уровнях. Оба эти потока современности непосредственно касаются элит различного уровня.

Упомянутые выше фиксации внутренних различий элитных групп в основном связаны с дифференциацией интересов и ролей. Структурно это, скорее всего, наиболее сильные факторы, влияющие на культурные различия. Вместе с тем существуют и собственно культурные

давления» [Riesman 1977: 163]. Но традиционно он рассматривается как зачинатель идеи, приведшей к концепции плюрализма (или множественности) элит. Разбор и сравнение Корнхаузером книг Миллса и Рисмена создал устойчивую в литературе аналитически критическую персонифицированную дихотомию.

различия, которые можно выявить при структурно-биографическом анализе властных элит.

Особое внимание заслуживают процессы мобильности элитных персон и возникновение феномена маргинальности и «чужака» в элитном сообществе. Надо сделать важную оговорку. Усиление мобильности в мире отражается прежде всего на элитах, имеющих необходимые ресурсы. Причем процессы глобального и национального уровня имеют много общего. Зигмунт Бауман справедливо отмечал: «[С]корость передвижения, возможности эффективно действовать независимо от расстояния, а также свобода “перемены мест”, предоставленная либо отсутствием локализованных обязательств, либо легкостью их преодоления, являются сегодня главными факторами стратификации как на глобальном, так и на местном уровне» [Бауман 2002: 49]. Однако национальные отличия существуют, и мотивация персон может различаться в зависимости от контекста. Жак Аттали в связи с этим выделял богатых номадов и периферийную элиту [Аттали 1993]. Такого же рода дифференциация есть и внутри государств. В частности, в России, помимо компрадоров и «офшорной аристократии», ориентированной на глобальный уровень оперирования [Королев 2012], можно наблюдать разницу в мобильности представителей разного уровня элитных персон. И если для одних девальвация места [Бауман 2002: 48] стала частью их функционирования, то для других место имеет значение и ощущение территории [Бауман 2002: 51] не потеряно.

С последним связана важная характеристика локальных сообществ: «В ряду многих солидарностей существует особая солидарность по месту общего жительства, дающая основание для особой группировки, не совпадающей с остальными и являющаяся одной из важных социальных координат, определяющих поведение и переживание совместно живущих индивидов». [Сорокин 2008: 526]. То, о чем писал П.А. Сорокин, часто описывается как наличие особой культуры сообщества и идентификации с ней и территорией. Именно в этом духе пишут Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов: «Территориальная идентичность — переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (“субъективной социально-географической реальности”), формирующие “практическое чувство” и/или сознание территориальной принадлежности индивида» [Шматко, Качанов 1998: 94]. Конечно, можно представить построение региональной идентичности как рациональную стратегию региональных элит по созданию специфического

товара, продвигаемого на политическом рынке [Гельман 2003]. Тем более что «символический менеджмент», о котором пишет автор, является фактом региональной политики. Кроме того, объективно существующая разной природы особенность региона используется властными группами как ресурс в выстраивании своей деятельности. Из ничего очень затруднительно представить нечто. Близкую позицию можно обнаружить в конструктивистском подходе (см., например: [Ачкасов и др. 2020]).

Не оспаривая правомерности упоминаемых подходов, обращаю внимание на то, что территориальная солидарность (о чем пишет Сорокин) и идентичность в контексте данных рассуждений важны в связи неоднородностью властных групп по признакам мобильности и эндогенности (укорененности). Оба признака связаны, можно сказать, что они зеркальны. Причем, они описывают как пространственные перемещения, так и социальные. Джон Урри, обобщая работы своих предшественников, указывает на различные аспекты мобильности: мобильность как свойство или способность вещей и людей двигаться; неорганизованная перемещающаяся толпа (mob); социальное движение вверх или вниз по иерархическим позициям, социальное перемещение; полустационарное географическое перемещение, миграция [Урри 2012: 74–76]. В данной статье я буду касаться двух последних аспектов мобильности, которые в значительной степени связаны.

Отличие элитных персон от граждан с более низкой социальной позицией — в большей мобильности [Бауман 2002: 49]. То же относится к потенциальной элите (потенциальному бассейну рекрутирования). Отечественные исследователи отмечают: «...мигрируют в более развитые регионы те граждане, которые имеют хороший доход, высокую квалификацию в профессиональной деятельности. Таким образом, менее развитые регионы покидают наиболее талантливые и профессиональные кадры, что также сказывается на экономике этого региона» [Строев, Кан 2016: 40]. Схожие процессы происходят и на международном уровне (см., например: [Higley, Nieuwenhuysen 2009: 16–17]). Одновременно отмечается важная тенденция в трансграничной миграции: «Мобильным гражданам закрыт доступ не только к политическому лидерству, но и к участию в формировании политической повестки» [Тормошева 2018: 341]. Проблема заключается не только в потенциальной угрозе национальной безопасности, но и в культурных барьерах, а также в наличии доминантных социальных групп [Тормошева 2018:

340]. Вместе с тем существует элитная миграция и между развитыми регионами. Исследования демонстрируют, что сама миграция является мультимотивационным процессом, где существенными факторами становятся брак и семейное положение. Кроме того, «опыт многих американских мигрантов в Финляндии показывает, что даже те, кто, кажется, принадлежат к глобальной элите мигрантов, могут испытывать проблемы интеграции в принимающем обществе» [Leinonen 2012: 264]. Культура и здесь оказывается важным фактором.

Вместе с тем можно отметить, что в относительно гомогенной социальной среде мигранты из потенциального бассейна рекрутирования имеют определенные шансы. Здесь важно отметить такое их свойство как «пространства предвосхищения» («spaces of anticipation») — определенность достижения цели перемещения, обеспечиваемой системой мобильности [Урри 2012: 83]. В данном случае система включает лифты в рамках иерархий и возможность самообеспечения индивидами пространственного перемещения и (полу)стационарного проживания в пунктах назначения. Конечно, «предвосхищать» могут все. Но возможности и степень предвосхищения неравномерно распределены в популяции. И это проблема не психофизиологическая, а социальная, стратификационная. С точки зрения индивидуальной и групповой социально-пространственной мобильности в социально-политическом пространстве можно говорить о «режиме мобильности», характеризующем то, как происходит в данных конкретных условиях мобильность. При высоких финансовых затратах на проезд и аренду/покупку жилья географическое перемещение становится затруднительным («ловушки бедности»). В стране/регионе будет наблюдаться низкая доля миграционной активности. Это касается как персон, стремящихся подняться по иерархической лестнице, так и обычных граждан, занятых поиском работы, лучшего места для проживания. Возникающие постмобильные депривации [Clark, van Ham, Coulter 2014] членами элитного сообщества или преодолеваются, или их не касаются. В случае вертикальной мобильности в дополнение к изложенным обстоятельствам существенное значение имеет структура политических возможностей.

ЭЛИТНЫЕ ЧУЖАКИ И МАРГИНАЛЫ

Миграция приводит к маргинальности индивидов и групп, участвующих в ней [Парк 2011a; 2011b]. В более общем плане любое соци-

альное перемещение приводит в той или иной степени к маргинальности. Суть явления — в рассогласованности культурных ориентаций при изменении социальных и пространственных координат. Индивид (группа) попадает в иную культурную среду, и наличествующий опыт и культурные паттерны могут вызывать напряжение и конфликты [Рашковский 1989]. Возможен также конфликт с существующими нормами в силу несогласия с ними [Фарж 1989].

Элиты (региональные в большей степени) часто рассматриваются функционально, как группы выполняющие определенные управленческие функции в (суб)обществе. Культурный аспект функционирования этих групп сводится зачастую к политической или организационной культуре. Между тем любая элита, даже глобальная, локализована. Так, Стивен Белл пишет о национальной укорененности («nationally embedded») международного бизнеса [Bell 1997]. С этим связаны как раз те «переживаемые и/или осознаваемые смыслы», которые характеризуют «здесь и сейчас» существующую социальную группу. В этом отношении длительность проживания и функционирования в конкретном регионе персон, занимающих высокостатусные позиции, способствует не только интериоризации вышеуказанных смыслов, но и их формулированию и корректированию. Важен и противоположный эффект. Укорененность локального политика, выходящего на национальный уровень, влияет на «характеристики, которые могут как проступить, так и не проступить ясно в его карьере национального героя, но которые, несомненно, пришлось бы принять в расчет при необходимости адекватно проанализировать его характер в этих последующих ролях» [Вирт 2005: 72].

Роберт Парк вслед за Георгом Зиммелем, описывая качества мигранта-еврея как чужака и маргинала, упоминает важную характеристику — отсутствие исторического чувства [Парк 2011b: 234], которое в контексте рассуждений автора тесно связано с культурной определенностью пространства. (В современных городах это проявляется, например, в защите историко-культурного архитектурного и ландшафтного наследия.) Возможно и «культурное разночтение», когда социально-географическое пространство может определяться «более прогрессивно», чем оно есть, с точки зрения того, как должно быть в представлениях некоторых элитных групп. Такое рассогласование может приводить к конфликтам, взаимному отчуждению элит и населения [Akhtar 2016; Hasan 2002].

Маргинальность членов элитного сообщества может проявляться как минимум вследствие трех обстоятельств. Во-первых, географического перемещения. Во-вторых, вхождения новичка в новую для него социокультурную группу. В-третьих, в силу функции представительства.

Как уже говорилось, пространственная «чуждость» зачастую является стороной культурной инакости. Альфред Шютц в связи с этим отмечает: «Культурный образец группы, с которой чужой хочет сблизиться, не обладает для него авторитетом испытанной системы рецептов, и это происходит так хотя бы потому, что он не участвует в живой исторической традиции, в которой эта система формировалась» [Шютц 2003: 197].

Новичок маргинален, поскольку он несет не только свои прежние (само)идентичности, но и особую культуру поведения, действия. Часто это гипертрофированно воспринимается внешними наблюдателями. Например, идея милитократии: если служил в силовых ведомствах, то ты «силовик» навсегда. Но сколько времени достаточно для интериоризации новой для новичка культуры, связанной с новой социальной ролью? Это зависит в значительной мере от выполняемой им функции (о дискуссии см.: [Гаман-Голутвина 2006: 350–352; Дука 2012]).

Яркий пример вхождение чужака в элиту и его маргинализация представляет собой случай Меган Маркл. Брак с принцем Гарри и титул (и статус) герцогини вроде бы логично ведет к выполнению определенных правил и ритуалов, принятых в королевской семье и в английском аристократическом обществе. Однако американская актриса зачастую их игнорировала. Так, ее первое появление на церемонии выноса знамени перед строем (Trooping the Colour) ознаменовалось нарушением дресс-кода [Hawken 2018]. Вполне естественно, что преданные хранители традиций и этикета следили за ней, пытались контролировать ее жизнь [Aoraha 2021], устраивали заговоры [McSahill 2019]. Закончилось все исключением Гарри и Меган из Королевского дома. Они стали частными лицами. Приход чужака в группу обычно сопровождается стремлением новичка стать партнером группы [Шютц 2003: 198]. В описываемом случае очевидно прослеживались усилия актрисы-герцогини навязать свои представления о должном и возможном доминирующей группе, что, как правило, оказывается невозможным. Аналогичный случай с депутатом Госдумы VIII созыва Евгением Марченко продемонстрировал ограниченность «своеволия» члена элитного сообщества [Депутат Марченко 2021; Единая Россия 2021].

Другой аспект маргинальности новичков — они «входят в поле, не имея капитала» [Бурдьё 1994: 252]. Поэтому часто они являются объектами управления, манипулирования со стороны «старших товарищей» и бюрократического аппарата.

Положение российских региональных депутатов (большинство из которых совмещает мандат с основной профессиональной деятельностью) между политикой и не-политикой, между двумя социальными порядками (полями) задает не только их маргинальность, но и возможность эффективно действовать. В каждом социальном пространстве депутат не совсем свой. Как депутат, он представитель населения (или определенных социальных групп). Как социально-экономический профессионал, он политик. Здесь возможна роль объективного посредника [Зиммель 2008]. Собственно, это его функция — представительство интересов. И что важно, он может говорить как от лица «народа», так и от лица «власти» [Бурдьё 1994: 243–246; 2016: 525]. Такая маргинализация членов региональных legislatures создает типаж частичного политика, что способствует размыванию собственно политического пространства.

Не в меньшей степени это относится к бюрократам. Карл Манхейм схватил эту медиативную роль администраторов: «Выступая в качестве посредника между сталкивающимися группами общества или в качестве союзника определенных слоев, бюрократия стремится конституироваться во всяком случае как функциональное общество и обеспечить свою монополию с помощью всех социальных средств, чтобы создать замкнутую организацию, вплоть до наследования должностей» [Манхейм 1994: 291]. Помимо этого, администраторы демонстрируют свою всеобщность, универсальность, представительство интересов «всех». В обоих случаях происходит «присвоение авторитета» групп, от имени которых выступают властные персоны [Бурдьё 1994: 240].

МОБИЛЬНОСТЬ И ЭНДОГЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Весь набор проблем, очерченных выше, требует большого комплексного исследования. В данной статье я остановлюсь на некоторых. Тем более что наличные данные и исследовательский инструментарий выступают серьезным ограничением. Эмпирической основой анализа стала база данных региональных элит, собранных в секторе социологии

власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН. В основном будут использоваться данные трех волн исследований — 2010 г. (6 регионов, 651 персон), 2015 г. (10 регионов, 1510 персон) и 2019–2020 г. (10 регионов, 1124 персон). В выборку входили депутаты региональных legislatures и члены Федерального собрания от регионов (политики, депутаты), а также члены региональных правительств и руководители основных структурных подразделений исполнительной власти регионов (администраторы, бюрократы). В таблице 1 приведены данные по структуре базы данных последней волны.

Таблица 1

Региональная политико-административная элита. 2019–2020 гг.

Регион	Данные	Элитная группа		Всего
		администраторы	политики	
Санкт-Петербург	Количество, человек	67	65	132
	% в регионе	50,8	49,2	100,0
Ленинградская область	Количество, человек	50	60	110
	% в регионе	45,5	54,5	100,0
Ростовская область	Количество, человек	34	76	110
	% в регионе	30,9	69,1	100,0
Калининградская область	Количество, человек	43	51	94
	% в регионе	45,7	54,3	100,0
Костромская область	Количество, человек	35	41	76
	% в регионе	46,1	53,9	100,0
Хабаровский край	Количество, человек	48	47	95
	% в регионе	50,5	49,5	100,0
Москва	Количество, человек	64	73	137
	% в регионе	46,7	53,3	100,0
Новосибирская область	Количество, человек	36	86	122
	% в регионе	29,5	70,5	100,0
Ставропольский край	Количество, человек	38	60	98
	% в регионе	38,8	61,2	100,0
Республика Дагестан	Количество, человек	49	101	150
	% в регионе	32,7	67,3	100,0
Всего	Количество, человек	464	660	1124
	% общего итога	41,3	58,7	100,0

В исследовании применялся структурно-биографический анализ (см.: [Быстрова и др. 2008: 158–159]). Здесь существенно, что биография

члена элитного сообщества неотделима от структур и институтов, в которых эта биография содержательно насыщалась. Ч.Р. Миллс по этому поводу писал: «Жизнь индивида нельзя адекватно понять без учета особенностей тех институтов, внутри которых протекает его биография, поскольку именно она фиксирует точки принятия роли, изменения и выхода из нее, а также непосредственный процесс перехода от одной роли к другой» [Миллс 1998: 184].

Выше отмечалось, что мобильность и укорененность естественным образом связаны. Вместе с тем эти характеристики членов региональных элитных сообществ показывают разные стороны их состояния и функционирования. Одновременно они отражают состояние социальной и политической сферы общества. Мобильность элитных персон фиксируется нами как биографические факты социопро странственного перемещения индивидов.

Эндогенность (укорененность) рассматривается как устойчивая связь индивида (политика, администратора) с местным сообществом, его интересами и потребностями. Фундаментом «устойчивой связи» является встроенность в региональное сообщество и возникающие при этом социальные отношения различного уровня и характера. В анализе биографий выделяются следующие виды эндогенности (и соответственно категории анализа):

- эндогенность по рождению — совпадение места рождения и места занимаемой должности в настоящее время;
- эндогенность по образованию — совпадение места получения первого высшего образования и места занимаемой должности в настоящее время;
- эндогенность по работе — совпадение места предыдущей должности и места занимаемой должности в настоящее время.

Эндогенное ядро — совпадение места рождения, места получения первого высшего образования, предыдущей должности и занимаемой должности в настоящее время.

Основная задача исследования — выявить тенденции социопро странственной мобильности и эндогенности элитных персон. Это позволит делать определенные предположения относительно функционирования региональных элит и сообществ.

Следует сделать несколько предварительных замечаний. Про странственная мобильность весьма неоднородна. Е.А. Островская с коллегами [Островская и др. 2021] на основе идеи Е.С. Вакуленко

и Н.В. Мкртчян о разных факторах миграции в различных возрастных группах, используя гравитационную модель, выделила три кластера регионов, которые притягивают мигрантов различного типа в зависимости от мотивов миграции — студенты, трудоспособное население, индивиды пенсионного возраста. В данном случае интерес представляет кластер притяжения мигрантов в возрасте высокой экономической активности (из нашего списка туда попали Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и кластер образовательного притяжения (в нашей выборке — Москва, Санкт-Петербург, Ростовская, Новосибирская области и Хабаровский край). Последнее существенно с точки зрения пополнения потенциального бассейна рекрутирования региональной элиты. В общем виде дифференциация по миграции регионов выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Коэффициент межрегиональной (внутренней) миграции
на 10000 населения**

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Санкт-Петербург	93,49	100,18	123,97	92,01	98,26	83,29	88,36
Ленинградская обл.	112,26	74,58	79,36	95,82	91,77	98,22	130,13
Ростовская обл.	-9,41	-0,81	-12,55	-4,39	-16,73	-5,12	-7,07
Калининградская обл.	14,45	41,46	36,51	29,28	25,33	37,40	46,80
Костромская обл.	-38,42	-33,91	-27,88	-16,19	-25,36	-17,37	-29,04
Хабаровский край	-0,47	-35,47	-19,68	-43,76	-51,19	-33,39	-31,21
Москва	38,16	76,33	78,34	47,63	81,40	17,93	79,33
Новосибирская обл.	32,72	44,28	41,05	21,28	13,45	9,44	4,25
Ставропольский край	-11,14	-12,92	-16,70	-9,83	-20,18	-13,55	-21,71
Республика Дагестан	-75,27	-82,64	-74,12	-49,31	-47,25	-36,73	-40,97

Источник: Коэффициент межрегиональной (внутренней) миграции на 10000 населения // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/274822/> (дата обращения: 10.11.2021).

Как уже отмечалось, пространственная мобильность членов элитного сообщества выше, чем у простых граждан. Но разные регионы демонстрируют существенное различие в соотношении мобильности и имобильности (рис. 1).

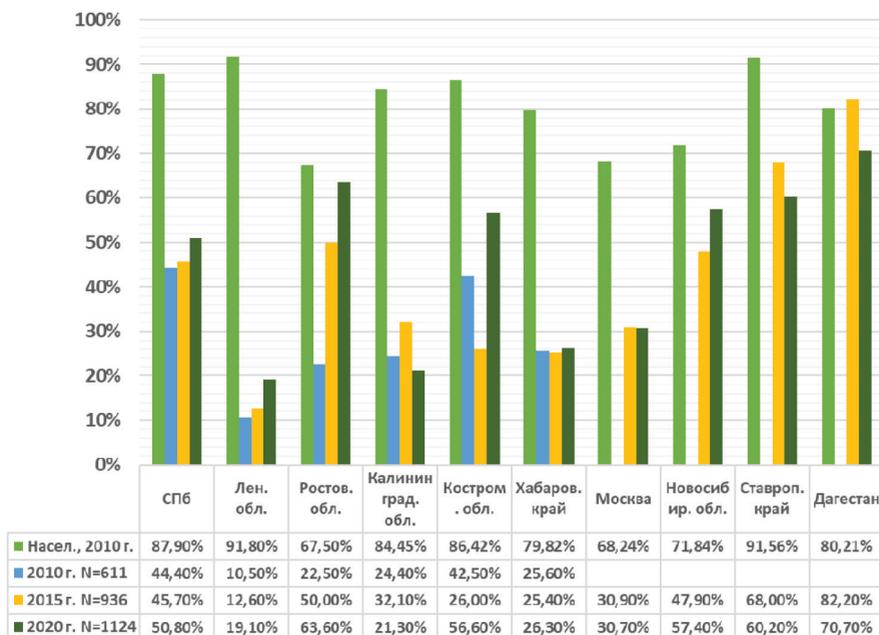

Рис. 1. Совпадение места рождения членов элитного сообщества и места занимаемой ими должности и места рождения населения региона и места его проживания в 2010 г.

Данные по населению: Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.03.pdf (дата обращения: 04.01.2020).

В большинстве регионов элита демонстрирует большую активность по сравнению с остальным населением. Как видно, в четырех регионах мобильный элемент доминирует во властных структурах. При этом в половине субъектов федерации наблюдается тенденция к увеличению доли лиц, являющихся их уроженцами.

Можно предположить, что среди администраторов доля родившихся в других регионах будет превышать аналогичную группу среди депутатов. Тем более что практика назначения с последующим избранием губернаторов-«варягов» стала в стране почти повсеместной. А в рассматриваемых регионах только в трех «свои» губернаторы — Ленинградская область, Санкт-Петербург и Костромская область. В двух последних случаях губернаторы до своего назначения трудились в иных

Рис. 2. Доля членов элитного сообщества, родившихся в других регионах (2020 г.; N=1124)

регионах. Но административная элита оказывается несильно связанной с этими переменами. Хотя, нужно отметить, что ключевые фигуры вполне могут сопровождать своего патрона и на новом месте. Регионы очень различаются (рис. 2).

Доминирование мигрантов среди элитных персон в Москве вполне объяснимо. Этот город является всероссийским «пылесосом», засасывающим и потребляющим разнообразные ресурсы, включая людские. Хабаровский край при отрицательном сальдо межрегиональной миграции — важный центр Дальнего Востока. А до декабря 2018 г. город Хабаровск был столицей федерального округа. В отличие от российского востока, запад более привлекателен для мигрантов. Калининградская область прибывает трудовыми ресурсами и потенциальной элитой. Поэтому высокие показатели мобильности среди властных персон закономерны. Хотя есть одно важное обстоятельство. В Калининградской области 84,45 % жителей там родились. Диспропорция между населением и начальством большая. Это может подтверждать тезис о большей

мобильности и энергичности «личности элитного типа». Низкий мобильный потенциал Республики Дагестан объясняется сохранением традиционных структур и социальных отношений среди значительной части жителей региона. Укорененность здесь выступает значительным ресурсом для людей, претендующих на властные позиции.

Сравнение с данными в таблице 2 показывает, что связь статистически незначима. Во всяком случае показатели межрегиональной миграции напрямую не влияют на миграцию элитных персон в данных регионах. То же относится и к валовому региональному продукту на душу населения.

Данные по эндогенности по месту получения первого высшего образования (табл. 3) демонстрируют большую связь с местом руководящей работы и расположением вуза, где учился член элитного сообщества. Этот показатель важен, поскольку именно здесь создается образовательный ресурс индивида и закладывается одновременно его «взрослое» отношение к месту своей активности.

Таблица 3

**Совпадение места получения первого высшего образования
и места занимаемой должности региональных элит, %
(2010, N=611; 2015, N=936; 2020, N=1124)**

Год	Санкт-Петербург	Ленинград. область	Ростовская область	Калининград. область	Костромская область	Хабаровский край	Москва	Новосибир. область	Ставропольск. край	Республика Дагестан
2010	71,9	,0	55,8	22,5	27,9	48,8	-	-	-	-
2015	77,2	60,2	76,0	91,0	74,0	84,1	91,9	90,8	94,0	33,7
2020	84,1	4,5	76,4	33,0	56,6	50,5	58,4	64,8	55,1	70,0

В таблице выделены центры образовательного притяжения. Однако если в случае Санкт-Петербурга и Ростовской области рост выпускников «своих» вузов среди региональной элиты находится в рамках ожидаемого, то с тремя другими центрами ситуация отличается. Скорее всего, снижение показателя эндогенности по образованию можно объяснить большей открытостью элитного рынка. Особенно это касается Москвы.

Как видим, картина весьма пестрая. Особо выделяется Ленинградская область. Фактическим центром в этой части Северо-Запада России является Санкт-Петербург. В области до 1990-х годов не было своих высших учебных заведений. Местом высшего образования для областных жителей был прежде всего Ленинград. Затем стали открываться многочисленные филиалы столичных, петербургских и иных институтов и университетов. Через некоторое время начался процесс упорядочивания российского вузовского образования. Число филиалов резко сократилось. Кстати, такие же временные «скачки» в образовательной эндогенности можно наблюдать и в других регионах, где, скорее всего, положение с вузами и филиалами было схожее.

Вторым выделяющимся случаем выступает Калининградская область. Значительная доля в элите пришлого элемента, приехавшего в регион уже после вуза, создает потенциал культурного конфликта. Конечно, сама территория достаточно поздно вошла в состав государства. По большому счету все здесь приезжие. Но для чувства места и исторического чувства (о котором писал Р. Парк) важна длительная сопричастность, которая формируется в детстве и юности и задает социальное, культурное и политическое осмысление данного места. Примечательным примером может служить присвоение объекту культурного наследия (здания школы) в городе Правдинске имени нацистской поэтессы Агнес Мигель [Власти Калининграда 2016; Популяризация Мигель 2016]. Также можно к этому разряду отнести повторяющуюся «кёнигсбергизацию» Калининградской области.

Если рассмотреть дифференциацию между политиками и бюрократами, то можно заметить примечательный факт. Во всех регионах, за исключением Костромской области, депутаты в большей степени образовательно укоренены (табл. 4). Но обнаруженная статистическая связь слабая ($Tau-b=0,136$; $p<0,000$).

Вместе с тем можно предположить, что административный набор отличается от отбора через избирательную кампанию. Депутат непосредственно связан с местным населением. Он представляет региональный и локальный интерес, а бюрократ должен эффективно действовать, подчиняясь начальству и правилам.

Различий в пропорциях мужчин и женщин среди получивших первое высшее образование в регионе занятия элитной позиции и обучавшихся в другом субъекте федерации нет. Но есть различие в месте рождения. Различие между большим городом и другими населенными

Таблица 4

**Совпадение места получения первого высшего образования
и занимаемой должности региональной элиты. 2020 г., %**

	Администраторы. N=660	Депутаты. N=464	Всего. N=1124
Санкт-Петербург	80,6	87,7	84,1
Ленинградская область	4,0	5,0	4,5
Ростовская область	67,6	80,3	76,4
Калининградская область	25,6	39,2	33,0
Костромская область	65,7	48,8	56,6
Хабаровский край	39,6	61,7	50,5
Москва	51,6	64,4	58,4
Новосибирская область	52,8	69,8	64,8
Ставропольский край	44,7	61,7	55,1
Республика Дагестан	53,1	78,2	70,0

пунктами в социально-психологическом и социологическом плане весьма красочно описал Георг Зиммель [Зиммель 2002]. Большой город иначе социализирует индивида. Городские жители более мобильны. Тому есть много подтверждений — научных и бытовых. Но в данном случае ситуация иная (корреляция есть, но слабая). Среди уроженцев столичных городов (Москва и Санкт-Петербург) обнаруживается 72,8 % лиц, получивших образование и нашедших свое элитное призвание именно в этих регионах. В прочих городах эндогенной элиты таких персон 58,2 %, а среди уроженцев сел — 55,7 %. Объясняется это довольно тривиально: дифференциация по высшим учебным заведениям повторяет дифференциацию по признаку эндогенности по месту получения первого высшего образования.

Вполне резонно предположить, что большинство высших региональных чиновников и депутатов перед своей нынешней элитной позицией работали в том же регионе (табл. 5). Следует отметить, что вероятность этого увеличивается, если член элиты обучался в этом же регионе.

Кроме Дагестана, во всех регионах видно увеличение эндогенности по работе членов регионального элитного сообщества. Причем в некоторых регионах этот показатель существенно вырос, что может свидетельствовать о достаточно устойчивом развитии политико-админи-

стративной сферы субъектов федерации и о высокой степени институционализации региональной элиты. Вместе с тем важно детально посмотреть на этот процесс по регионам. Рисунок 3 демонстрирует секторальную дифференциацию по этому показателю.

Таблица 5

Совпадение места предшествующей работы и места элитной позиции, % (2010, N=483; 2015, N=936; 2020, N=1124)

	Санкт-Петербург	Ленинград. обл.	Ростовская обл.	Калининград. обл.	Костромская обл.	Хабаровский край	Москва	Новосибир. обл.	Ставропольск. край	Республика Дагестан
2010 г.	57,9	8,6	67,5	10,0	-	-	-	-	-	-
2015 г.	81,5	1,9	51,9	37,2	33,8	55,6	57,7	72,3	64,0	78,2
2020 г.	87,9	76,4	95,5	86,2	93,4	83,2	97,1	94,3	96,9	61,3

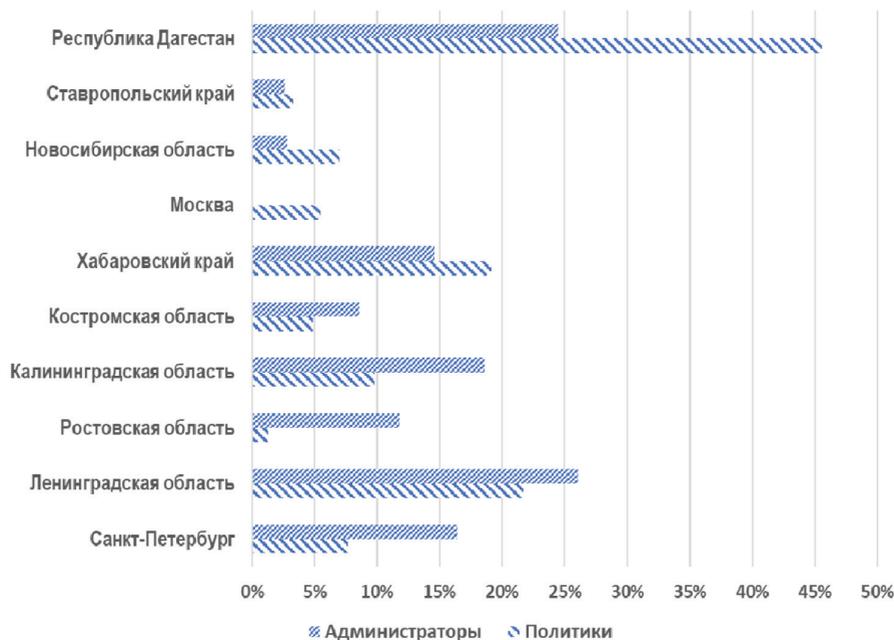

Рис. 3. Доля членов региональной элиты, ранее не работавших в регионе занятия нынешней позиции (2020 г.; N=1124)

Мобильность элиты в разных регионах и администраторов и депутатов различается. Наиболее подвижной оказалась бюрократическая элита Дагестана. Сложные процессы в республике, связанные с борьбой федерального Центра с коррупцией и nepотизмом, назначением главой республики представителя Москвы, повлекли за собой существенные кадровые перемены, приход чиновников, работавших в других регионах. «Вторжение» центральных властей в дела региона и в формирование региональных властных структур наблюдается также в Хабаровском крае.

В большинстве регионов администраторы выслуживаются до элитной должности у себя дома. О Ленинградской области я уже выше писал. Фактически единый социополитикоэкономический комплекс Санкт-Петербург — Ленинградская область задает особенности мобильности и укорененности областной элиты. Очень устойчивая по рассматриваемому показателю политическая элита Москвы (но там всего 35 депутатов на многомиллионный город), Новосибирской, Костромской областей и Ставропольского края.

Мобильная и эндогенная группы элиты различаются по предэлитной карьере. В первой группе относительно больше, чем во второй, хозяйственников и бизнесменов (44 против 40 %) и силовиков (12 против 4 %). Во второй больше лиц, занимавшихся политико-административной деятельностью (48 против 31 %).

Интегральный показатель — *ядро эндогенной элиты* — наиболее жестко разделяет «совсем своих» для региона членов элитного сообщества и пришлых, «варягов». В массиве 2019–2020 гг. из 1124 персон к ядру принадлежит 365 человек, 32,5 %. Это значительная доля. В 2015 г. таких лиц было 21,6 %. Можно предположить, что если бы не «коррекционные» воздействия Центра, то доля эндогенной элиты в настоящее время была бы больше.

Скорее всего, среди маломобильных групп региональной элиты развито стремление не подвергаться риску нисходящей социальной мобильности, связанной с переездом в чужой регион, где часто семейные социальные связи отсутствуют, а элитные позиции редки (об этом см., например: [Toscano 2008: 13]). Укорененность увеличивает шансы остаться в элитном кругу и стабилизирует положение свое и семьи. Но это только если нет желания двигаться дальше и выше.

При сравнении со всем населением регионов (рис. 4) видно различие не только региональных элит, но и самих регионов по миграционной активности.

Рис. 4. Эндогенность населения и региональных элит

Источники: По элитам — База биографических данных (2019–2020 гг.). По населению — Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.03.pdf (дата обращения: 04.01.2020); Население частных домохозяйств по продолжительности проживания, полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.pdf (дата обращения: 04.01.2020).

Дистанция между мобильностью населения и региональных элит не везде одинаковая. В части регионов дифференциация очень большая. А в Ростовской, Костромской, Новосибирской областях и Ставропольском крае по сравнению с постоянно проживающим населением это не так. Имеющиеся данные не позволяют уверенно интерпретировать полученные результаты. Из общих соображений понятно, что в Даге-

стане сохраняющиеся традиционные структуры (особенно в сельской местности) способствуют малой мобильности населения. Элита же — это прежде всего, как нам говорит теория, энергичная и мобильная часть населения. Но в Ленинградской, Костромской и Калининградской областях, Санкт-Петербурге и Ставропольском крае проживающих в месте рождения в процентном отношении больше. Все это пока вопросы к последующему исследованию.

Разница между администраторами и депутатами есть. Она колеблется между 1,3 % в Ленинградской области и 10,4 % в Санкт-Петербурге. Вместе с тем бросается в глаза сходство образцов эндогенности (рис. 5).

При численном различии между секторами элиты, по существу, одинаково отличаются от населения этих же регионов. Это может говорить о региональном культурном паттерне (даже имея в виду влияние центральной федеральной власти на формирование региональных структур).

Рис. 5. Эндогенное ядро административных и политических региональных элит. 2019–2020 гг.

Возрастание эндогенности проявляется в дифференциации возрастных групп. Принадлежность к эндогенному ядру в большей степени характерна для молодых возрастных групп. И это расходится со стандартным профилем миграции. Как пишут отечественные исследователи, «самой низкой интенсивностью миграции в России характеризуются пожилые люди и дети школьных возрастов» [Карачурина, Мкртчян 2016: 51]. Но в региональной элите наблюдается иное. Так, в возрастной группе 56–85 лет обнаружено 29,7 % таких персон, в группе 41–55 лет их уже 35,9 %, а в молодой группе 22–40 лет — уже 43,5 %. Причем такая тенденция характерна почти для всех регионов. Исключение составляют Республика Дагестан (здесь наибольшую укорененность демонстрируют старшие возрастные группы), Калининградская и Новосибирская области с большей пропорцией эндогенных персон в средней возрастной группе. Уменьшение эндогенности с возрастом связано, возможно, с большей вероятностью пространственной миграции с возрастом. Молодые еще просто не успели поменять место приложения своих сил, обзавестись необходимой известностью и связями. Но в контексте предыдущих данных все же более вероятно, что региональные элиты постепенно замыкаются в своем социогеографическом пространстве.

Место рождения члена элиты оказывается существенным для его мобильности и эндогенности (рис. 6). В диаграмме не отражена заграница как место рождения, а также Москва и Санкт-Петербург.

По месту рождения депутаты — более сельские. Учитывая, что в большинстве регионов существуют сельские поселения и соответственно избирательные округа, это естественно. Но при этом группа относительного большинства у укорененных депутатов сосредоточена по рождению в областных и республиканских центрах (29,8 %), а у соответствующей группы администраторов — в селе (26,6 %). Разница, конечно, небольшая. Если же иметь в виду, что только 22,3 % укорененных администраторов родилось в центрах регионов, то структурная разница станет больше видна.

Вместе с тем среди мобильных элитных персон оказывается достаточно большое количество сельских уроженцев, что свидетельствует о немаленькой пробивной способности сельских мигрантов, а также об относительной проницаемости социальных границ.

Среди депутатов, принадлежащих к эндогенному ядру, распределение параллельных занятий не отличается от пропорций между мобильными и укорененными политиками.

Место рождения региональной элиты

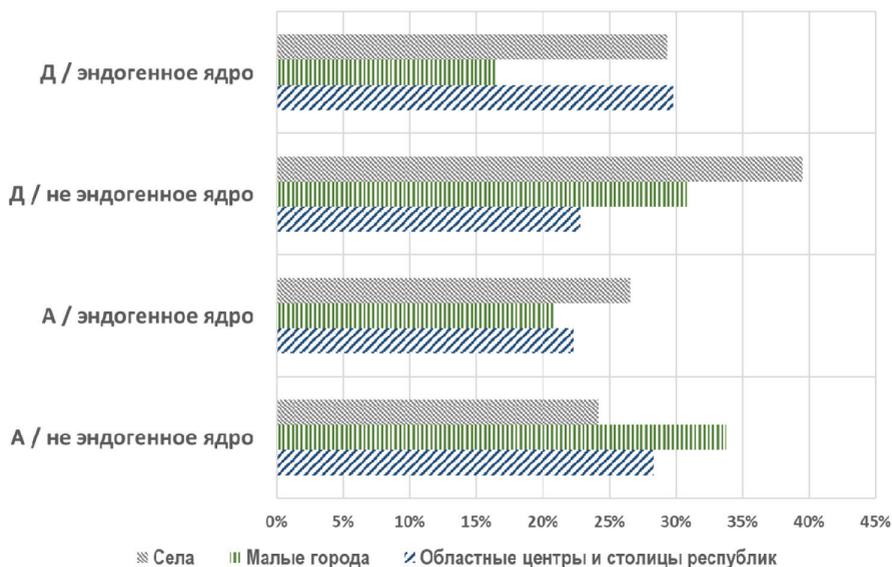

Рис. 6. Место рождения депутатов и администраторов в зависимости от принадлежности или непринадлежности к эндогенному ядру (2019–2020 гг.; N=960; Д=602, А=358)

В социальном взаимодействии легитимность социального актора, особенно чужака, может быть определена наличием у него легальных институционализированных символов чести и престижа, то, что Пьер Бурдьё обозначил как социальный капитал [Бурдьё 1993: 74–76; 2001: 231; 2014: 305–310]. И как пишет Бурдьё, социальный капитал «производит институт клиентелы». Тот, кто обозначает, признает и делает публичным престиж, выступает высшей инстанцией. Символический капитал маркирует агента власти, ее посланника и комиссара. В этом отношении чужаки, неэндогенная элита могут быть санкционированы в качестве правомерных представителей власти. В таблице 6 представлены различные виды наград и отличий, присвоенных членам регионального элитного сообщества.

Российские государственные награды (ордена и медали) относятся к тем знакам, которые выдаются федеральной властью и связаны, как правило, с оценкой служения ей и государству. Государственные почетные звания также обозначают признание государством значимости службы. Но они часто связаны с фиксацией заслуг и квалификацией

Таблица 6

Символический капитал и эндогенность, 2019–2020 гг., %

Элиты	1	2	3	4	5	6	7
Неэндогенное ядро (N=149)	44,4	7,0	15,5	3,5	0,7	0,0	28,9
Эндогенное ядро (N=69)	34,8	11,6	15,9	4,3	1,4	1,4	30,4
Всего (N=211)	41,2	8,5	15,6	3,8	0,9	0,5	29,4

1. Российские государственные награды (ордена, медали).
2. Почетные звания, данные российским государством.
3. Региональные почетные звания и знаки отличия.
4. Российские негосударственные награды и звания.
5. Награды Русской православной церкви.
6. Почетные ученые звания и членство в негосударственных академиях.
7. Прочее.

индивида в конкретной сфере профессиональной деятельности. Например, звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» или «Заслуженный зоотехник Российской Федерации». В иерархии государственных наград первые более значимы.

Соотношение награжденных в двух рассматриваемых категориях региональной элиты соответствует их соотношению в регионах. Но они отличаются по степени наград. Мобильные персоны элиты могли функционировать в разных социальных и политических пространствах. Более того, они в этом смысле стремятся к некоторой универсальности. Они замыкаются не на регион, а на государство. Поэтому государство замечает и отмечает их в большей степени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существует большой разброс характеристик мобильности и эндогенности властных групп по регионам. Нет единой модели. Вместе с тем показатели мобильности и эндогенности у администраторов и депутатов/политиков хотя и не совпадают, но близки.

Можно определенно утверждать, что для большинства регионов характерно усиление укорененности элиты, снижение мобильности ее членов, что выражается в увеличении (в некоторых случаях — стабилизации) показателей совпадения места рождения элитных персон, места предыдущей их работы и места их «элитного служения». Противо-

речивые данные получены по месту первого высшего образования. Вместе с тем интегральный показатель эндогенности (эндогенное ядро) в большинстве субъектов федерации возрастает, «чужаков» становится меньше.

Наблюдается дифференциация показателей эндогенности по возрастным группам. Более молодые политики и администраторы оказываются менее мобильными, более эндогенными. Это может говорить о возникновении устойчивых региональных бассейнов рекрутирования, снижении маргинальности в элитном сообществе, стабилизации региональных властных групп, их закрытии в отношении внешних акторов.

Существуют различия в показателях эндогенности элиты в зависимости от места рождения (типа поселения).

Вопреки ожиданиям, наличие «пришлого» губернатора («варяга») не оказывает существенного влияния на динамику эндогенности региональной административной элиты, что может свидетельствовать об относительной автономности региональных бюрократов.

Одновременно наблюдается значительное отличие паттернов пространственной мобильности населения и элит в большинстве регионов. Можно предположить, что более высокая мобильность членов властных групп, чем остального населения, способствует их инновационности, большей гибкости и толерантности. Однако при снижении мобильности этой социальной группы эти качества, возможно, будут снижаться.

К общим положительным следствиям повышения эндогенности властных групп можно отнести снижение их культурной гетерогенности, сохранение и укрепление локальной культуры, что потенциально снижает культурное напряжение между элитой и населением.

Литература

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 136 с.

Ачкасов В.А., Абалян А.И., Полякова Н.В. «Строительство регионов»: специфика российской региональной политики идентичности // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 451. С. 89–95.

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. LXIII, 324 с.

Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм // Бурдые П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 231–256.

Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / под ред. Патрика Шампаня [и др.] пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Дело, 2016. 720 с.

Бурдые П. Практический смысл / общ. ред. пер. с фр. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2001. 562 с.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–97.

Бурдые П. Формы капитала // Классика новой экономической социологии: пер. с англ. и фр. / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. С. 293–315.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. работ / отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Вирт Л. Социология и локальная история // Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. переводов / пер. с англ. В.Г. Николаева; отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 65–78.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С.91–105.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 34. С. 23–34.

Зиммель Г. Эскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы: альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.

Карачурина Л., Мкртчян Н. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 47–65.

Королев А.А. «Новые кочевники» и российская предпринимательно-управленческая элита // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: сб. науч. статей Вып. 2 / общ. ред. А.А. Королева. М.: Изд. Национального института бизнеса, 2012. С. 10–22.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.

Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. Е. И. Розенталь и др.; предисл. В.Е. Мотылева. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959. 543 с.

Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998. 264 с.

Островская Е.А., Мамонтов Д.С., Спиридонов К.А., Левый И.В. Анализ межрегиональных миграционных потоков в России в проекции отдельных

видов миграции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2 (50). С. 36–55.

Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011а. С. 236–240.

Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011б. С. 223–235.

Раишковский Е. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М.: Прогресс, 1989. С. 146–149.

Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1003 с.

Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальный аспекты // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 6. С. 35–41.

Тормошева В. Глобальная (им)мобильность в зеркале постмодернистских трансформаций: политический аспект // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 329–345.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 566 с.

Фарж А. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М.: Прогресс, 1989. С. 143–146.

Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.

Шютц А. Чужой: очерк социальной психологии // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. С. 191–206.

Akhtar A.S. Dreams of a Secular Republic: Elite Alienation in Post-Zia Pakistan // Journal of Contemporary Asia. 2016. Vol. 46, № 4. P. 641–658.

Bell S. Globalisation, Neoliberalism and the Transformation of the Australian State // Australian Journal of Political Science. 1997. Vol. 32, № 3. P. 345–367.

Burnham J. The Machiavellians: Defenders of Freedom. London: Putnam & Co., 1943. v, 202 p.

Burnham J. The managerial revolution; what is happening in the world. New York: The John Day company, 1941. 285 p.

Clark W. A. V., van Ham M., Coulter R.J. Spatial mobility and social outcomes // Journal of Housing and the Built Environment. 2014. № 4. P. 699–727.

Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. 2nd ed. New Haven; London: Yale University Press, 2005. xv, 355 p.

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi, 457 p.

Field G.L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 p.

Giddens A. Elites in the British Class Structure // Elites and Power in British Society / Ed. by P. Stanworth and A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Hasan A. The Roots of Elite Alienation // Economic and Political Weekly. 2002. Vol. 37, № 44/45. P. 4550–4553.

Higley J., Nieuwenhuysen J. Introduction // Nations of Immigrants: Australia and the USA Compared / ed. by J. Higley, J. Nieuwenhuysen with S. Neerup. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2009. P. 1–21.

Kornhauser W. “Power Elite” or “Veto Groups” // Class, Status and Power / ed. by R. Bendix and S.M. Lipset. 2nd ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1961. P. 210–218.

Leinonen J. “Money Is Not Everything and That’s the Bottom Line”: Family Ties in Transatlantic Elite Migrations // Social Science History. 2012. Vol. 36, № 2. P. 243–268.

Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. xi, 432 p.

Perkin H.J. The Third Revolution: professional elites in the modern world. London; New York: Routledge, 1996. xviii, 253 p.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. x, 246 p.

Putnam R.D. Elite Transformation in Advanced Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // Comparative Political Studies. 1977. Vol. 10, № 3. P. 383–412.

Riesman D. with N. Glazer and R. Denney. The Lonely Crowd. Abridged edition with a 1969 preface. New Haven; London: Yale University Press, 1977. lxii, 315 p.

Toscano I. Geographical and social mobility in Italy: Working paper — August 2008. (University of Trento). 23 p. URL: http://www.equalsoc.org/uploaded_files/publications/Toscano.pdf (дата обращения: 02.04.2009).

Источники

Власти Калининграда вновь видят в нацистской поэтессе «культурное наследие» // ИА REGNUM. 14.11.2016. URL: https://regnum.ru/news/polit/2205109.html?utm_source=infox.sg (дата обращения: 16.11.2016).

Депутат Марченко об исключении из «Единой России»: с этого момента наши дороги расходятся // ИА «Фонтанка.ру». 2.11.2021. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/11/02/70231805/> (дата обращения: 03.11.2021).

«Единая Россия» исключила из партии депутата Марченко // РИА «Новости». 2.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211102/marchenko-1757421646.html> (дата обращения: 03.11.2021).

Коэффициент межрегиональной (внутренней) миграции на 10 000 населения // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/274822/> (дата обращения: 10.11.2021).

Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.03.pdf (дата обращения: 04.01.2020).

Население частных домохозяйств по продолжительности проживания, полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.pdf (04.01.2020).

Популяризация Мигель в Калининграде влияет на положительную оценку фашизма // ИА REGNUM. 16.11.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2206086.html> (дата обращения: 16.11.2016).

Aoraha C. Meghan Markle complained Royal Family controlled every part of her life but one in her bombshell emails. The Sun. November 16, 2021. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/uknews/16744313/meghan-markle-royal-family-bombshell-emails/> (дата обращения: 16.11.2021).

Hawken L. Meghan Markle breaks Royal rules at Trooping the Colour with off-shoulder dress from Carolina Herrera. The Sun. June 9, 2018. URL: <https://www.thesun.co.uk/fabulous/6488040/meghan-markle-dress-trooping-the-colour-carolina-herrera-design/> (дата обращения: 10.06.2018).

McCahill E. Meghan Markle 'faces plot from Buckingham Palace's men in grey' says royal writer. Mirror. March 3, 2019. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/meghan-markle-faces-plot-buckingham-14080423> (дата обращения: 05.03.2019).

MOBILITY AND ENDOGENEITY OF REGIONAL POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITES

A. Duka

(alexander-duka@yandex.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Duka A. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 66–99. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>

Abstract. *The article discusses the problems of social and spatial mobility of regional Russian elites (administrators and deputies). It is shown that mobility is a factor in the internal differentiation of elites. Elites are more mobile than the general population. This difference is due to the position of powerful persons in the hierarchy. At the same time, the mobility of elite persons is not constant. It changes over time.*

To characterize “spatial stability” the term “endogeneity” is used, which is somewhat broader than simply fixing a certain degree of spatial mobility of an individual or social group relative to a specific biographical milestone — birth, (higher) education, occupation of a particular position, etc. in its relation to the administrative / geographical / political place. In the article, endogeneity (embeddedness) is understood as a sustainable connection of an individual (politician, administrator) with the local community, its interests and needs. “Sustainable connection” is based on embeddedness in the local community and the resulting social relations of various levels and character.

The empirical basis of the research is the biographical database of members of the elite community of ten regions. In the center of the analysis are the political and administrative elites for 2020 (1124 persons). Materials from the databases of 2010 (651 persons) and 2015 (1510 persons), as well as data from Russian Federal State Statistics Service, are also used.

It was found that there is a wide range of characteristics of mobility and endogeneity of power groups across regions. However, the indicators of mobility and endogeneity of the administrative and political elite, although they do not coincide, are close.

In most of the regions under study, there is an increase in the rootedness of the elite, a decrease in the mobility of its members. The integral index of endogeneity (endogenous core) is increasing in most of the studied subjects of the Federation.

Differentiation of endogeneity indices by age groups is observed. Younger politicians and administrators turn out to be less mobile, more endogenous. This may indicate the emergence of stable regional recruitment basins, the stabilization of regional power groups, and their closure in relation to external actors.

Contrary to expectations, the presence of an “alien” governor (appointed from Moscow) does not significantly affect the dynamics of mobility / endogeneity of the regional administrative elite, which may indicate the relative autonomy of regional bureaucrats.

Keywords: elites, deputies, administrators, region, marginality, outsiders, mobility, rootedness, endogeneity.

References

Achkasov V.A., Abalian A.I., Poliakova N.V. “Region-building”: the specifics of the Russian regional identity policy, *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2020, 451, pp. 89–95. (In English).

Akhtar A.S. Dreams of a Secular Republic: Elite Alienation in Post-Zia Pakistan, *Journal of Contemporary Asia*, 2016, 46 (4), pp. 641–658.

Attali J. *Na poroge novogo tysyacheletiya* [On the Threshold of the New Millennium]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1993. 136 p. (In Russian).

Bauman Z. *Individualizirovannoye obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos, 2002. lxiii+324 p. (In Russian).

Bell S. Globalisation, Neoliberalism and the Transformation of the Australian State, *Australian Journal of Political Science*, 1997, 32 (3), pp. 345–367.

Bourdieu P. Delegirovaniye i politicheskiy fetishizm [Delegation and political fetishism]. In: Bourdieu P. *Nachala. Choses dites* [Things say]. Moscow: Socio-Logos, 1994, pp. 231–256. (In Russian)

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. In: *Klassika novoy ekonomicheskoy sotsiologii: khrestomatiya* [Classics of New Economic Sociology: Reader], ed. by V.V. Radayev and G.B. Yudin. Moscow: HSE, 2014, pp. 293–315. (In Russian)

Bourdieu P. *O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1989–1992)* [On the State: a course of lectures at the College de France (1989–1992)]. Moscow: Delo, 2016. 720 p. (In Russian)

Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [The Logic of Practice]. St. Petersburg: Aleteya; Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii, 2001. 562 p. (In Russian)

Bourdieu P. Sotsial'noye prostranstvo i genezis «klassov» [Social space and the genesis of “classes”]. In: Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos, 1993, pp. 53–97. (In Russian)

Burnham J. *The Machiavellians: Defenders of Freedom*. London: Putnam & Co., 1943. v+202 p.

Burnham J. *The managerial revolution; what is happening in the world*. New York: The John Day company, 1941. 285 p.

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nye jelity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizacii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: Eliseeva I.I. (ed.) *Globalizacija v rossijskom obshhestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–243. (In Russian).

Clark W. A. V., van Ham M., Coulter R.J. Spatial mobility and social outcomes, *Journal of Housing and the Built Environment*, 2014, no. 4, pp. 699–727.

Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. 2nd ed. New Haven; London: Yale University Press, 2005. xv+355 p.

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi+457 p.

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nyh vlastnyh jelitah [On the issue of military rule: siloviki in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminarina «Sociologicheskie problemy vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power struc-

tures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. (In Russian).

Farge A. Marginaly [Marginals]. In: Afanas'yev Yu. And Ferro M. (eds.) *50/50. Opyt slovarya novogo myshleniya* [50/50. Experience of the dictionary of new thinking]. Moscow: Progress, 1989, pp. 143–146. (In Russian).

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi+135 p.

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie jelity Rossii. Vehi istoricheskoy jevoljucii* [The political elites of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 446 p. (In Russian).

Gel'man V.Ya. Politicheskiye elity i strategii regional'noy identichnosti [Political elites and regional identity strategies], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, 2, pp. 91–105. (In Russian).

Giddens A. Elites in the British Class Structure. In: *Elites and Power in British Society*. Ed. by P. Stanworth and A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Hasan A. The Roots of Elite Alienation, *Economic and Political Weekly*, 2002, 37 (44/45), pp. 4550–4553.

Higley J., Nieuwenhuysen J. Introduction. In: *Nations of Immigrants: Australia and the USA Compared*. Ed. by John Higley and John Nieuwenhuysen with Stine Neerup. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2009, pp. 1–21.

Karachurina L., Mkrtchyan N. Mezhregional'naya migratsiya v Rossii: vozrastnyye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics], *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic review], 2016, 3 (4), pp. 47–65. (In Russian).

Kornhauser W. “Power Elite” or “Veto Groups”. In: *Class, Status and Power*. Ed. by R. Bendix and S.M. Lipset. 2nd ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1961, pp. 210–218.

Korolev A.A. «Novyye kochevniki» i rossiyskaya predprinimatel'sko-upravlencheskaya elita [“New nomads” and the Russian entrepreneurial and managerial elite]. In: Korolev A.A., Alekseyev S.V. (eds.) *Elita Rossii v proshlom i nastoyashchem: sotsial'no-psikhologicheskiye i istoricheskiye aspekty. Vyp. 2. Sbornik nauchnykh statey* [Elite of Russia in the past and present: socio-psychological and historical aspects. Issue 2. Collection of scientific articles]. Moscow: Izd. Natsional'nogo instituta biznesa [National Institute of Business Publishing], 2012, pp. 10–22. (In Russian).

Leinonen J. “Money Is Not Everything and That's the Bottom Line”: Family Ties in Transatlantic Elite Migrations, *Social Science History*, 2012, 36 (2), pp. 243–268.

Mannheim K. Chelovek i obschestvo v epohu preobrazovaniya [Man and Society in an Age of Reconstruction]. In: Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Yurist, 1994. S.277–411. (In Russian).

Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite"*. With the first English translation of the final version of "The Ruling Class". Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. xi, 432 p.

Mills Charles Wright. *Sotsiologicheskoye voobrazheniye* [Sociological imagination]. Социологическое воображение. Moscow: Ed. House «Strategy», 1998, 264 p. (In Russian).

Mills W. *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1959. 543 p. (In Russian).

Ostrovskaya E.A., Mamontov D.S., Spiridonov K.A., Levvy I.V. Analiz mezhrеgional'nykh migratsionnykh potokov v Rossii v proyeksii otdel'nykh vidov migratsii [Analysis of interregional migration flows in Russia in the context of certain types of migration], *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2021, 2, pp. 36–55. (In Russian).

Park R.E. Chelovecheskaya migratsiya i marginal'nyy chelovek [Human Migration and the Marginal Man]. In: Park R.E. *Izbrannyye ocherki* [Selected essays]. Moscow: INION, 2011b, pp. 223–235. (In Russian).

Park R.E. Kul'turnyy konflikt i marginal'nyy chelovek [Cultural Conflict and the Marginal Man]. In: Park R.E. *Izbrannyye ocherki* [Selected essays]. Moscow: INION, 2011a, pp. 236–240. (In Russian).

Perkin H.J. *The Third Revolution: professional elites in the modern world*. London; New York: Routledge, 1996. xviii+253 p.

Putnam R.D. Elite Transformation in Advanced Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy, *Comparative Political Studies*, 1977, 10 (3), pp.383–412.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. x+246 p.

Rashkovskiy Ye. Marginaly [Marginals]. In: Afanas'yev Yu. And Ferro M. (eds.) *50/50. Opyt slovarya novogo myshleniya* [50/50. Experience of the dictionary of new thinking]. Moscow: Progress, 1989, pp. 146–149. (In Russian)

Riesman D. with N. Glazer and R. Denney. *The Lonely Crowd*. Abridged edition with a 1969 preface. New Haven; London: Yale University Press, 1977. lxii+315 p.

Schütz A. Chuzhoy: Ocherk sotsial'noy psikhologii [The Stranger: Essay on social psychology]. In: Schütz A. *Smyislovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The meaning structure of the everyday world: Essays on phenomenological sociology]. Moscow: Institut Fonda «Obschestvennoye mnenie» [Institute of the Public Opinion Foundation], 2003, pp. 260–310. (In Russian)

Shmatko N.A., Kachanov Yu.L. Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of sociological research], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 1998, 4, pp. 94–98.

Simmel G. Bol'shiye goroda i dukhovnaya zhizn' [The Metropolis and Mental Life], *Logos*, 2002, 34, pp. 23–34. (In Russian)

Simmel G. Ekskurs o chuzhake [The Stranger]. In: *Sotsiologicheskaya teoriya: Istoriya, sovremennost, perspektivy: Almanah zhurnala "Sotsiologicheskoe obozrenie"* [Sociological theory: history, modernity, prospects: almanac of the journal "Sociological Review"]. St. Petersburg.: Vladimir Dal', 2008. pp. 7–13. (In Russian)

Sorokin P.A. *System of sociology*. Moscow: Astrel', 2008. 1003 p.

Stroev P.V., Kan M.I. Prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya: ekonomicheskiy i sotsial'nyy aspekty [The Spatial Mobility of Population: Economic and Social Aspects], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Right], 2016, 6, pp. 35–41. (In Russian)

Tormosheva Vera S. Global'naya (im)mobil'nost' v zerkale postmodernistskikh transformatsiy: politicheskiy aspekt [Global (Im)mobility in the Mirror of Post-modern Transformations: The Political Aspect], *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 2018, 17 (3), pp. 329–345. (In Russian)

Toscano I. *Geographical and social mobility in Italy*: Working paper — August 2008. (University of Trento). P.13. URL: http://www.equalsoc.org/uploaded_files/publications/Toscano.pdf (available at: 02.04.2009).

Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praksis, 2012. 566 p. (In Russian)

Wirth L. Sotsiologiya i lokal'naya istoriya [Sociology and local history]. In: Wirth L. *Izbrannyye raboty po sotsiologii* [Selected works on sociology]. Moscow: INION, 2005, pp. 65–78. (In Russian)

ВАРИАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: ПРОГНОЗЫ НА ОСНОВАНИИ СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ В 1985–2019 ГОДАХ

Д.С. Жуков, Д.Г. Сельцер¹

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

Цитирование: Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Варианты трансформации региональных элит: прогнозы на основании системно-динамической модели рекрутирования элит в 1985–2019 годах // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 100–122.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.4>

Аннотация. *Представлены прогностические сценарии, описывающие трансформацию российских региональных административно-политических элит до 2035 г. и полученные в ходе компьютерных экспериментов с системно-динамической моделью рекрутирования элит. Модель реализуется посредством специального программного обеспечения Powersim Studio 10 и создана на основании данных о динамике элит в нескольких регионах Европейской части России в 1985–2019 гг. Авторы представили, помимо инерционного, три альтернативных сценария: «Регентство», «Вертикализация» и «Умеренная технократия». Старт первых двух сценариев связан с гипотетическим смещением влияния в пользу умеренных либералов или силовиков. Исходным условием третьего сценария является введение общенациональной системы отбора и контроля управленческих кадров для регионов. Эксперименты показывают, что инерционный сценарий имеет меньше негативных побочных эффектов, нежели альтернативные. Вместе с тем сценарий «Умеренная технократия» с наибольшей вероятностью допускает решение ключевых проблем развития региональных элит, т.е. то есть обеспечение их лояльности, качества и легитимности.*

¹ Автор для связи. E-mail: seltser@yandex.ru.

Ключевые слова: системно-динамическое моделирование, политология, административно-политические элиты, регионы России, прогнозирование.

ОБЪЕКТ И МОДЕЛЬ

Исследование основано на системно-динамической модели, которая имитирует в виртуальной среде принципы и механизмы рекрутирования региональных административно-политических элит в 1985–2019 гг. Принципы построения и функционирования системно-динамических моделей в целом и в частности данной модели представлены нами в ряде статей (см., например: [Жуков, Сельцер 2020; 2021]). «Объект моделирования состоит из двух групп элиты. Во-первых, это “административно-политическая элита высшего звена” — лица, которые имеют возможность принимать решения по существу региональной политики (включая формирование и расходование бюджетов) или влиять на подобные решения. Во-вторых, это “административная элита среднего и низшего звена” — основная масса региональных чиновников и деятелей местного самоуправления» [Жуков, Сельцер 2021].

Модель является, по существу, продуктом систематизации исследовательской литературы [Быстрова и др. 2019; 2017; Гаман-Голутвина 2012; 2006; Дука 2014; Лапина 2004; Магомедов 2000; Мохов 1998; Федорченко 2017; Чирикова, Ледяев 2017; Чирикова и др. 2014; Ledyayev et al. 2014; Ledyayev, Chirikova 2019; 2017; 2020; Turovsky, Gaivoronsky 2017] и формализации экспертных оценок [Сельцер 2006; 2017]. Она построена на эмпирической базе, включающей в себя статистику и аналитику, описывающие динамику элит в нескольких регионах Центральной России и Поволжья (Рязанская, Самарская, Тамбовская, Ульяновская области, республики Мордовия, Удмуртия и Чувашия). Поэтому географические границы, в пределах которых модель может быть корректна, охватывают Европейскую часть, за исключением столичных регионов, а также республик Северного Кавказа и некоторых других национальных республик. По каждому полугодию с 1985 по 2019 г. мы собрали сведения о том, с какой силой действовали различные механизмы рекрутирования элиты под влиянием разнообразных акторов, пытавшихся настроить эти механизмы на реализацию собственных интересов.

Модель функционирует в виртуальной среде, т.е. имитирует процессы пополнения элиты, посредством специализированного программного обеспечения Powersim Studio 10. Все исходные данные, файлы

самой модели в формате Powersim и результаты экспериментов доступны в Интернете на сайте Центра фрактального моделирования: <http://ineternum.ru/sdm1/>, <http://ineternum.ru/sdm-pr/>. В ряде наших предшествующих публикаций представлен математический аппарат модели [Жуков и др. 2020], а также разъяснены социальные и политические смыслы диаграммы запасов и потоков [Жуков, Сельцер 2021; 2020], которая является центральным элементом любой системно-динамической модели (рис. 1).

ЗАДАЧА

В наших прошлых статьях мы представили несколько исторических контрфактических сценариев, которые генерирует модель. Здесь мы рассмотрим несколько прогностических сценариев на 2022–2035 гг. Цель этих изысканий состоит в том, чтобы попытаться ответить на вопрос, как изменится региональная элита в результате тех или иных гипотетических событий и обстоятельств, которые возникнут, возможно, в ближайшем будущем.

Необходимо оговориться: прогностические сценарии в моделировании — это вовсе не то же самое, что и библейские пророчества. Сценарии — это рабочий инструмент для изучения свойств, состояния и трансформационного потенциала реального исследовательского объекта.

Что конкретно может прогнозировать модель? Какие данные мы имеем на выходе? Модель показывает, насколько влиятельными были/будут те или иные механизмы пополнения элиты в разное время, из каких социальных сред и в каком количестве вливались / будут вливаться новобранцы в состав элиты в течение разных периодов. Таким образом, модель позволяет судить, интересы каких социально-политических акторов обслуживала / будет обслуживать система рекрутирования элиты, насколько эффективными являлись / будут являться мероприятия тех или иных акторов (в том числе и прежде всего федерального центра) по корректировке механизмов рекрутирования. В конечном счете динамика работы механизмов и изменение состава элиты позволяют судить о том, в какой мере региональная элита является качественной (что подразумевает высокие управленческие компетенции и низкую коррумпированность), лояльной (по отношению к федеральному центру) и легитимной (в глазах местных сообществ). Полагаем,

что попытки обеспечить все эти свойства региональных элит детерминировали элитостроительную политику федерального центра. Кроме того, понимание свойств региональных элит в будущем позволяет обоснованно прогнозировать состояние отношений в парах «федеральный центр — субъект федерации» и «региональные власти — региональный социум». От состояния таких отношений во многом зависит стабильность политического режима в целом.

Помимо инерционного, были получены шесть альтернативных прогностических сценариев: «Регентство», «Вертикализация», «Умеренная технократия», «Форсированная технократия», «Радикальная технократия», «Украинизация». Общий обзор этих сценариев дан в нашей предшествующей статье [Жуков, Сельцер 2021]. Здесь мы подробно представим и обсудим политические смыслы трех наиболее содержательных сценариев, которые очерчивают веер перспектив современных российских региональных элит.

ПОДХОД И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Какова процедура построения модели? Знания и представления опрашиваемых экспертов, а также авторов привлеченной литературы переносились по схеме в специализированную программу для моделирования. Таким образом, интуитивная имплицитная модель, функционирующая внутри сознания эксперта, становилось явной (эксплицитной) математической конструкцией, живущей своей жизнью в виртуальной среде.

Системно-динамическое моделирование (СДМ) — весьма авторитетная и очень популярная технология, которая используется и естественных и в социальных науках для решения прикладных и фундаментальных задач.

Ключевая фигура СДМ — Джей Форрестер [Форрестер 1978], который в 1960-е годы создал эту технологию, приобретшую множество последователей [Гараедаги 2010; Медоуз 2011; Armenia et al. 2014; Axelrod 2004; Choucri et al. 2007; Sorci 2015]. Любая система в СДМ представляется по определенному шаблону в виде системы резервуаров/запасов, соединенных потоками, которые регулируются вентилями. А в этой системе циркулирует какая-то субстанция — деньги, власть, люди и пр.

На рисунке 1 представлена диаграмма запасов и потоков — формальное машиночитаемое описание элементов и связей внутри системы.

Диаграмма содержит следующие элементы:

- «Запасы», которые обозначены прямоугольниками. Это две условные группы элиты («высшее звено» и «среднее и низшее звенья»), которые являются объектами нашего исследования. По существу, запасы представляют собой две совокупности позиций в элите.
- «Потоки» (двойные стрелки). В нашем случае это каналы, по которым осуществляется социальное перемещение людей. Потоки связывают запасы, обозначая тем самым возможность карьерного роста — переходы из низших звеньев в высшее звено. Кроме того, по потокам в элиту вливаются новобранцы из разных социальных резервуаров/сред, обозначенных «облаками».
- «Механизмы» (зарегулированные кружки) регулируют мощность «потоков». Это своего рода вентили, которые действуют под влиянием акторов.
- Акторы (синие кружки), которые влияют на работу механизмов: открывают или закрывают их в зависимости от своих интересов.
- Информационные коннекторы (одинарные стрелки), посредством которых связаны сами акторы. Коннекторы показывают, как акторы влияют друг на друга и на механизмы.

Условные обозначения показаны на рисунке 2. Этот рисунок также дает представление о том, как в Powersim Studio 10 ставятся компьютерные эксперименты и выводятся результирующие данные.

Экспериментатор может, условно говоря, закрыть или приоткрыть вентиль на том или ином потоке и посмотреть, как в результате наполняются или опустошаются резервуары, т.е. насколько сильны потоки из разных социальных сред в элиту в разные годы.

На каждый резервуар и поток можно поставить виртуальный датчик и считывать уровень заполнения резервуаров и силу потоков в разное время. Эти данные в виде графиков и таблиц видны на рисунке 2 по бокам и внизу от диаграммы запасов и потоков.

Компьютерные эксперименты позволяют изменять отдельные условия и события, оставляя все иные аспекты модели прежними. Это дает возможность рассматривать последствия тех или иных изменений (как реальных, так и гипотетических) изолированно «при прочих равных условиях».

Подобная задача представляется весьма нетривиальной, поскольку акторы, механизмы, запасы и потоки находятся в плотной сети взаимосвязей, а изменение даже одного условия эксперимента может иници-

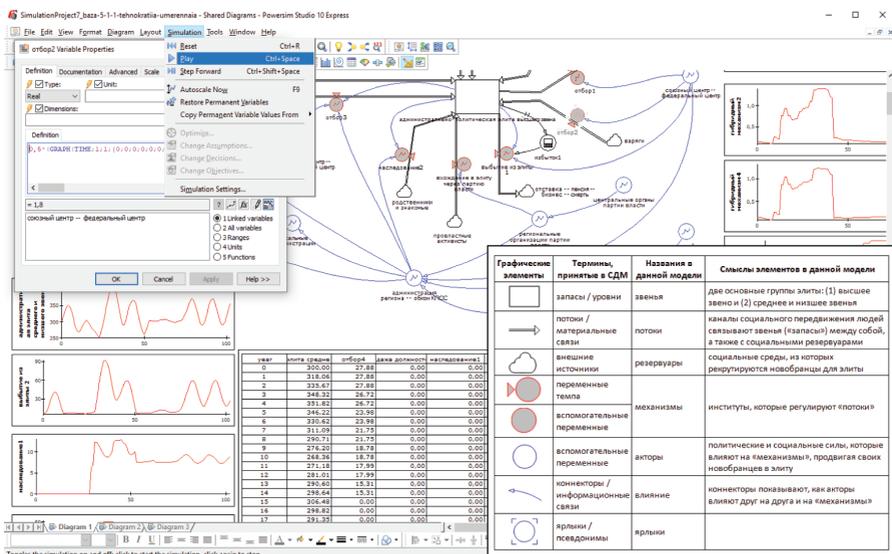

Рис. 2. Рабочее окно Powersim Studio 10

ировать процессы, которые интуитивно — на экспертном уровне — крайне сложно учесть.

Модель дает возможность менять в ходе экспериментов главным образом действенность механизмов и силу влияния акторов. Событийная канва прогнозов является результатом интерпретаций. Однако не всегда это вольные фантазии, поскольку события (если это не падение метеорита) являются естественным продуктом обстоятельств и тенденций.

Какие именно данные мы получаем на выходе после обработки результатов экспериментов? Например, на рисунке 3 показан с некоторыми оговорками состав элиты — доли групп, выделенных по источникам и способам рекрутирования новобранцев. Мы видим, как меняются эти доли во времени.

ИНЕРЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Инерционный сценарий возник из предположения, что ни один из акторов (включая федеральный центр) не попытается (а если и попытается, то не сможет) нарушить статус-кво — расклад сил вокруг системы рекрутирования элиты.

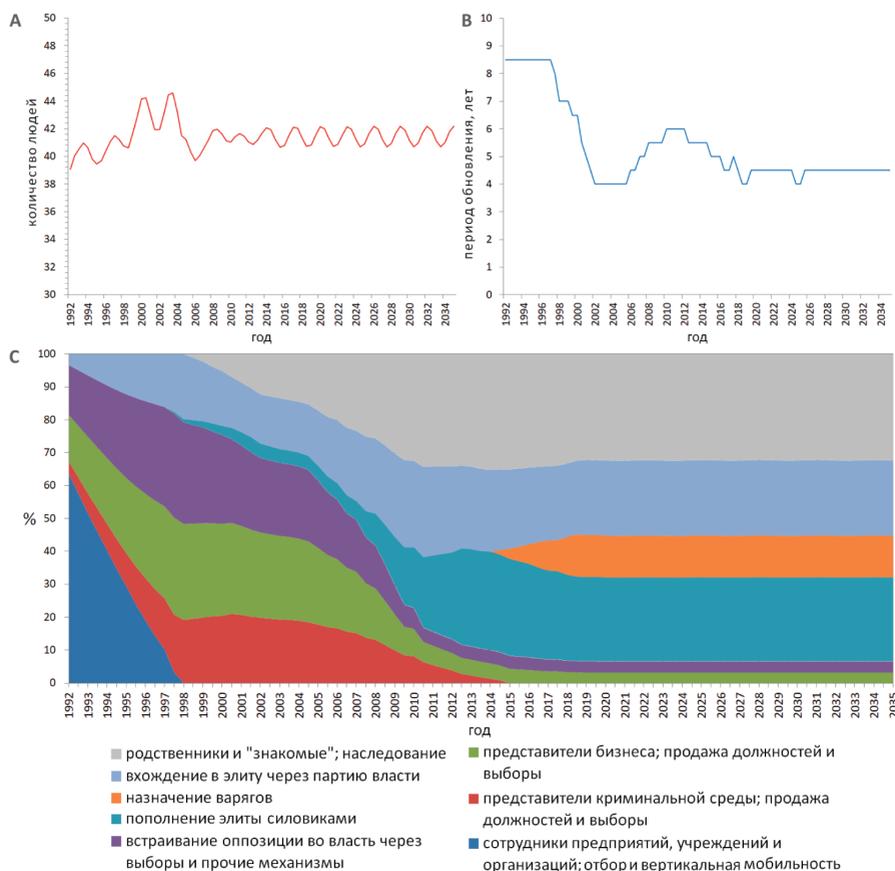

Рис. 3. Инерционный сценарий, высшее звено

В 2000–2010-х годах система трансформировалась под влиянием двух мощных факторов. Во-первых, это инерция, возникшая в начале 1990-х годов в результате первых решений новой российской власти в прорисовке регионального административно-политического дизайна (из главного — наличие в элите представителей оппозиции, попавшей туда через выборы в середине 1990-х годов, регионализация российской политики, ее клановость и криминализация). Во-вторых, это попытки федерального центра с начала 2000-х годов оздоровить региональные элиты, поскольку негативные тенденции, стартовавшие в начале 1990-х годов, в конце концов сформировали угрозу для целостности государства, управляемости страны, стабильности политического

режима и его легитимности. Пытаясь решить тройственную задачу по обеспечению качества, лояльности и легитимности региональных элит, федеральный центр усилил вертикаль власти, однако в полной мере добился прогресса лишь по одному пункту — обеспечение лояльности.

В инерционном сценарии федеральный центр может рассчитывать на поддержку нескольких групп элиты, в совокупности составляющих большинство — силовиков, варягов и выдвиненцев партии власти.

Вместе с тем в инерционном сценарии переключался и негативный побочный эффект, обнаружившийся уже сейчас, — резкое усиление в элите той группы, которую мы условно назвали «родственниками и знакомыми». «Это, в сущности, люди, которые получили элитные позиции, постольку состояли в разного рода личных отношениях с представителями уже существующей элиты. Механизм рекрутирования таких людей мы обозначили как “наследование”. Это, конечно, также условное название. Однако оно, как представляется, указывает на сущность описываемого явления. Рекрутирование элиты на основании личных связей порождено естественным стремлением элиты как социальной группы к замыканию, наследованию и воспроизводству в поколениях своего статуса. Это классическая тенденция превращения элиты в сословие» [Жуков, Сельцер 2021]. Именно «родственники и знакомые» воспользовались усилиями государства по выдворению из элиты криминала и оппозиции.

Наличие довольно многочисленной и стабильной группы «родственников и знакомых» вплоть до 2035 г. (без тенденции к снижению численности) в инерционном сценарии препятствует легитимации местной элиты, а также является источником коррупции и невысокого уровня управленческого мастерства местных деятелей. Тем не менее этот сценарий не угрожает быстротечным крахом региональных режимов и дестабилизацией взаимодействия между федеральным центром и регионами.

«РЕГЕНТСТВО»

Сценарий «Регентство» предусматривает оставление В.В. Путиным поста президента в 2024 г. Среди фракций федеральной элиты наибольшее влияние получили представители высшего чиновничества и крупного бизнеса. Эти группы сосредоточились вокруг умеренно либерального компромиссного президента, отстранив силовиков.

Преемники-регенты, стремясь стабилизировать режим, опирались в регионах на партию власти и бизнес. Партия власти казалась регентам наиболее контролируемой силой, а бизнес представлял собой наиболее желанного партнера. Поэтому влияние этих групп на механизмы формирования элит увеличилось. Кроме того, произошло частичное восстановление роли выборов как канала рекрутирования элит. Реанимация выборных механизмов стала, по существу, предложением компромисса с локальными социополитическими акторами.

Основная ставка «регентства» — партия власти, то есть произойдет формирование своеобразной неопартократии. Возникшая в наше время полупартийная система обеспечивает, казалось бы, необходимые предпосылки для легкой реализации такого сценария.

В результате подобной политики — весьма умеренной и осторожной — в высшем звене элиты закономерно сократились до минимума доли силовиков и варягов. Однако, вопреки задачам новой кадровой политики, основными ее бенефициарами стали не бизнес и даже не партия власти (рис. 4).

Представительство бизнеса в элите оказалось ничтожно мало: 4,2 % к 2027 г. и далее. Доля выдвиженцев партии власти, хотя и возросла до приблизительно 30 % к 2035 г., увеличилась весьма незначительно (в начале «Регентства» партийцы занимали около четверти позиций в элите). И хотя эти люди сформировали весьма обширную группу в региональной элите, они оказались фактически единственной влиятельной силой на местах, на которую мог бы опереться федеральный центр. Спустя довольно небольшой промежуток времени центр, таким образом, утратил лояльное большинство в элите, т.е. то большинство, которого удалось добиться в ходе выстраивания вертикали власти.

Благодаря политике регентов наибольший вес приобрели «родственники и знакомые» (52,2 % позиций к 2027 г. и далее), фактически превратившиеся в «сословных управленцев»: «Таким образом, все хитрые кадровые маневры преемников с целью добиться некоего демократического консенсуса, вопреки их воле и намерениям, привели лишь к одному значимому результату — к форсированию старой тенденции и замыканию управленческой элиты» [Жуков, Сельцер 2021].

Безусловно, такая наследственная, предельно коррумпированная и, в сущности, недееспособная элита не могла не вызвать ненависть локальных сообществ. В российских условиях подобное отношение экстраполировалось и на те части региональной элиты, которые были

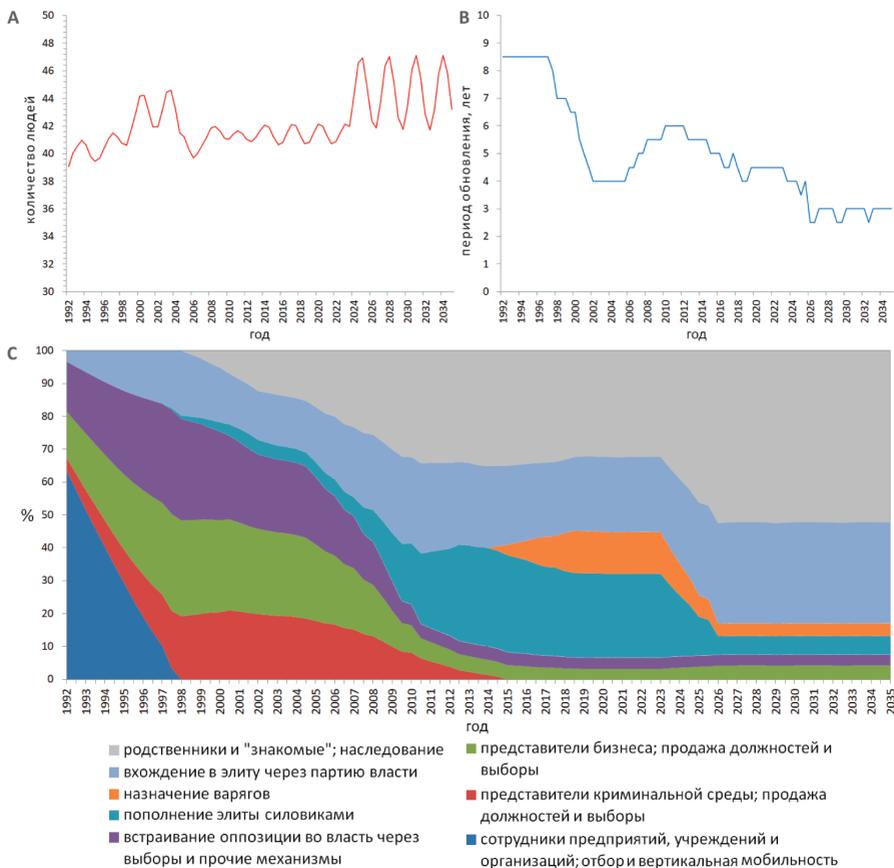

Рис. 4. Сценарий «Регентство», высшее звено

ставленниками федерального центра. Власть в регионах утратила легитимность на фоне стихийных меритократических представлений российского общества.

В целом результаты политики «Регентства» в регионах представляются катастрофическими уже в краткосрочной перспективе.

ВЕРТИКАЛИЗАЦИЯ

Сценарий «Вертикализация» также стартует в 2024 г. в результате гипотетического ухода В.В. Путина с поста президента. В отличие от предшествующего сценария, власть переходит к представителям силового блока. Ключевая проблема любых преемников, как умеренных либера-

лов, так и силовиков, заключалась в том, чтобы стабилизировать режим, в том числе отношения по линии «центр — регионы». Однако для решения этой проблемы различные фракции федеральной элиты предпочитали использовать, конечно, разные средства, т.е. те, которые более соответствовали их интересам и управленческому опыту.

Поэтому преемники-силовики, стремясь упрочить свою опору в регионах, сделали ставку на решительное пополнение местных элит варягами (прямыми эмиссарами центра) и выходцами из силовых ведомств. Необходимо отметить, что та и другая группа действительно по определению лояльны федеральному центру и обладают существенно большими управленческими компетенциями, нежели иные группы (за исключением карьерных служащих — веберовской бюрократии). Таким образом, «преемники попытались воспроизвести наиболее эффективные рецепты путинской политики в отношении регионов и региональных элит. Речь идет об усилении вертикали власти... Партия власти была фактически преобразована в политическое крыло силовых структур. Значение выборов как способа рекрутирования элит было сведено к нулю» [Жуков, Сельцер 2021].

Вычислительные эксперименты показывают, что политика вертикализации (рис. 5) оказалась предельно успешной с точки зрения достижения непосредственных целей. Уже через несколько лет после ее старта (приблизительно к 2027–2028 гг.) около 98 % позиций в элите заняли силовики и варяги. Им удалось практически полностью вычистить из элиты даже «родственников и знакомых». Так сильно потеснить эту группу не смогли (в других сценариях) ни партия власти, ни бизнес, ни даже криминал.

Политика преемников-силовиков обеспечила решения двух проблем элитостроительства — обеспечение качества и лояльности элиты. Однако, полагаем, такая политика имела критический негативный побочный эффект: «чужое» для местных сообществ ядро региональной элиты не могло добиться легитимности. Традиционные способы приобретения легитимности через имитацию выборных процедур и инкорпорирование представителей разнообразных социальных сил были чужды преемникам в данном сценарии. В результате нарастала отчужденность элиты от локального общества, разрыв связей от управляемых к управляющим, расширение контрэлиты и рост ее агрессивности, проблемы с выработкой баланса между разнообразными силами (как внутри регионов, так и по линии «центр — регионы»).

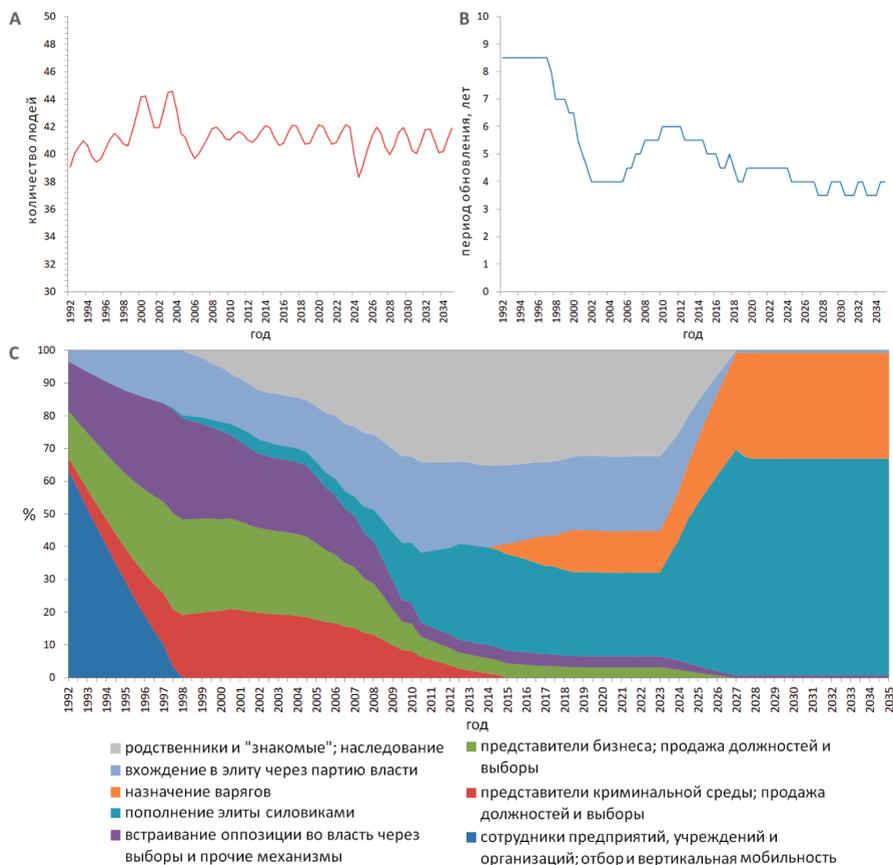

Рис. 5. Сценарий «Вертикализация», высшее звено

Таким образом, вычислительные эксперименты показывают, что современная система рекрутирования элиты позволяет в кратчайшие сроки провести вертикализацию управления. Однако такая политика «закручивания гаек», в том случае если она выходит за разумные границы, имеет весьма сильные контрпродуктивные побочные эффекты.

УМЕРЕННАЯ ТЕХНОКРАТИЯ

Следующий сценарий — «Умеренная технократия» — предусматривает формирование общенациональной системы кадрового контроля со стороны федерального центра. Подобная система соединяет черты

номенклатурных принципов фильтрации кадров и регулирования карьерных треков с современными системами сбора и обработки массовых персональных данных.

До недавнего времени в постсоветской России не было институтов, которые имели бы технические возможности для решения подобного рода задач. Номенклатурная система советского периода поддерживалась благодаря сращению партии и государства и наличию разветвленной иерархической сети партийных комитетов и организаций. Обладая развитой иерархией, начиная от первичек и заканчивая высшими союзными партийными органами, структура осуществляла отбор представителей внеэлитной среды, следила за их продвижением, регулировала его, оценивала кадры номенклатуры и отбирала кандидатов на более высокие уровни на основании единообразной системы критериев. После департизации 1991 г. такие задачи стали и неактуальны, и организационно неосуществимы.

Однако современные технические возможности информационного общества (включая масштабные средства мониторинга и сбора больших данных, а также внедрение искусственного интеллекта для их обработки и анализа) объективно достаточны для того, чтобы формировать государственную политику относительно отдельного человека. Возникли инструменты для выстраивания в полном смысле слова персонально-ориентированной политики. Для этого более нет нужды в громоздких организационных структурах типа КПСС. «Уже сейчас созданы и испытываются в разных странах отдельные компоненты систем рейтингования чиновников (и даже простых граждан) на основании разнообразных исчисляемых индикаторов» [Жуков, Сельцер 2021].

Таким образом, во всех вариантах технократического сценария государство (федеральный центр) запустил механизмы отбора и карьерного роста, насыщая низшие и средние звенья элиты талантливыми выходцами из внеэлитной среды, а верхнее звено — профессиональными карьерными служащими со средних управленческих уровней.

В результате карьерные служащие, заняли около 26 % к 2035 г. (рис. 6). Вместе с силовиками и варягами они составили профессиональную и лояльную опору федерального центра в региональной политике. «Родственники и знакомые», хотя и были частично вытеснены, сохранили до 20–23 % в 2026–2035 гг. в среднем и низшем звеньях.

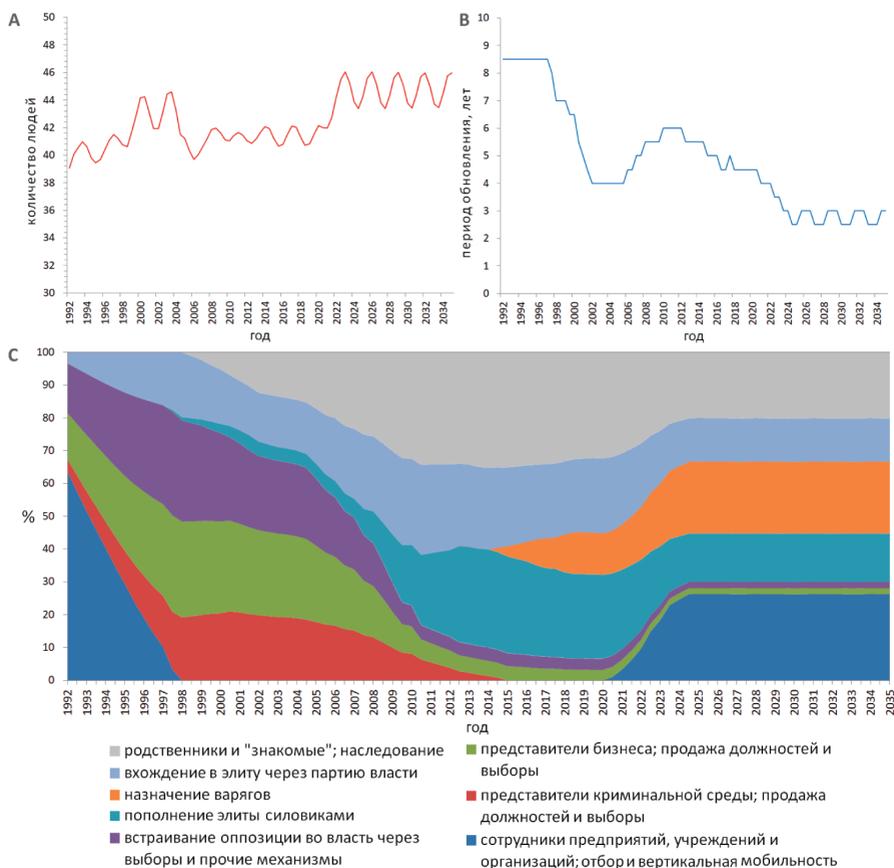

Рис. 6. Сценарий «Умеренная технократия», высшее звено

Однако во всех звеньях элиты можно наблюдать существенное сокращение минимального периода обновления: до 2,5–3,5 лет (рис. 6, 7). Это критические величины. Новобранцы-технократы вытеснили старые группы, прежде всего «родственников и знакомых». Борьба за позиции в элите резко обострилась, угрожая внутриэлитными расколами.

Такая острая ситуация обусловлена тем, что создание механизмов отбора и карьерного продвижения в этом сценарии осуществлялось параллельно с сохранением механизмов «наследования». Сценарий «Радикальная технократия» предусматривает запрет на «наследование» позиций в административно-политической элите. Это вполне предсказуемо привело к исчезновению «потомственных управленцев» и ослаблению внутриэлитного противостояния (рис. 8).

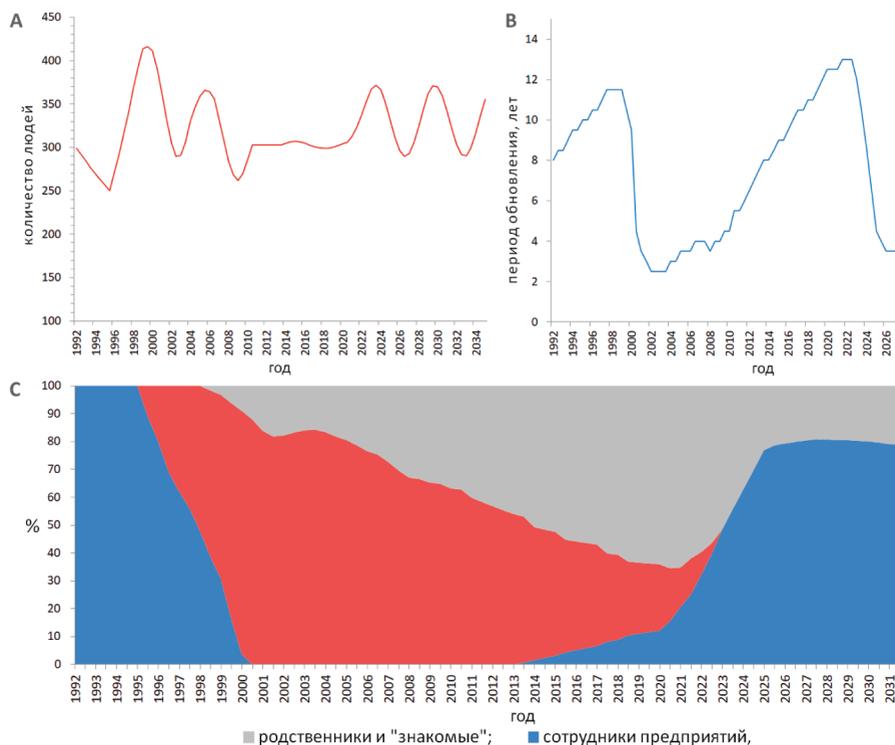

Рис. 7. Сценарий «Умеренная технократия», низшее и среднее звенья

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вычислительные эксперименты показывают, что инерционный сценарий (при всех его недостатках) максимально использует потенциал существующей системы рекрутирования региональной элиты. Таким образом, данная политика выжимает максимальную пользу из существующих механизмов рекрутирования в плане обеспечения лояльности и относительного качества и легитимности элит.

Варианты, которые могут быть предложены некими гипотетическими приемниками В.В. Путина — умеренными либералами или государственниками силовиками, скорее всего, не могут быть успешными, поскольку реализуются посредством включения/выключения, усиления/ослабления ныне действующих механизмов рекрутирования в существующей конфигурации основных акторов. Ни демократизация и новый компромисс, которые могут быть предложены приемниками-либе-

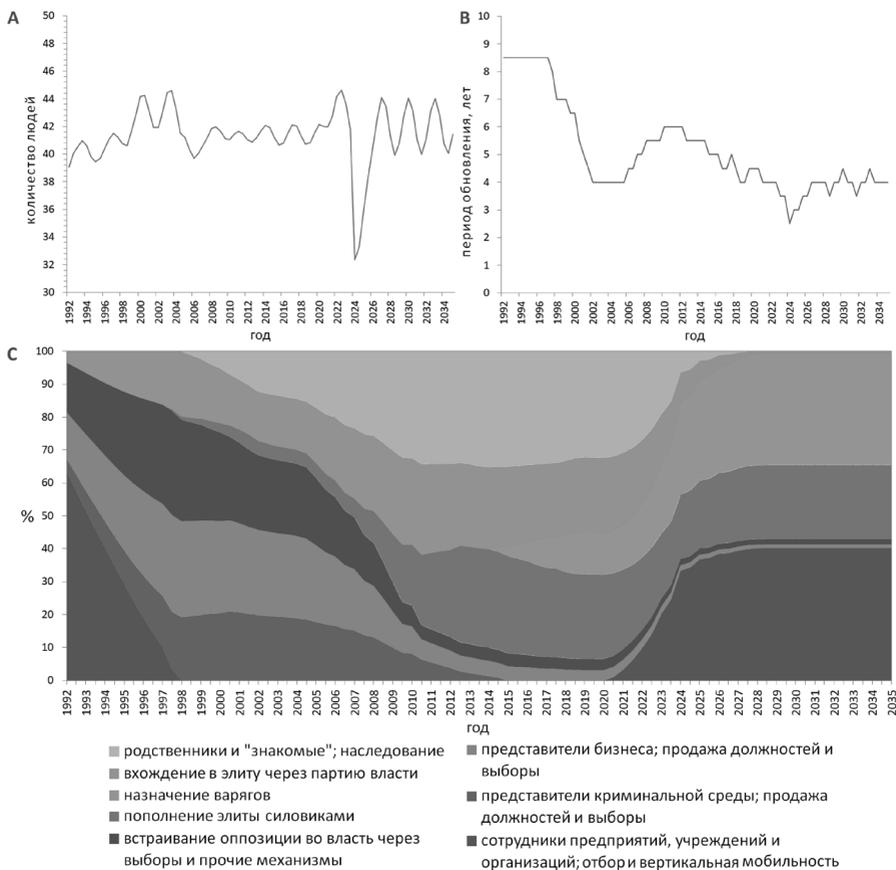

Рис. 8. Сценарий «Радикальная технократия», высшее звено

ралами, ни «закручивание гаек», которое может быть инициировано преемниками-силовиками, в рассмотренной модели не вели к существенной трансформации правил игры вокруг элитозамещения. Смещение центра силы — изменение баланса (в любую сторону) — не ведет к лучшим исходам, нежели инерционный сценарий. Комбинаторная эволюция, осуществляющаяся посредством смены пропорций компонентов, исчерпала себя. Моделирование показало, что без качественной трансформации целей элитостроительства, правил игры и конфигурации акторов, допущенных к механизмам элитозамещения, невозможно создать лучшую перспективу.

Одним из возможных вариантов такой качественной трансформации в наших экспериментах была технократическая политика. Эта

политика предусматривала запуск (на основе новых информационных систем) единого федерального кадрового контроля на всех уровнях, создание упорядоченной нормативной базы карьерного роста, а также (в некоторых экспериментах) пресечение механизмов «наследования», т.е. воспроизводства «родственников и знакомых» как наиболее влиятельной группы элиты. Моделирование показало, что разнообразные технократические вариации в той или иной мере позволяют решить ключевые проблемы строительства региональных элит: обеспечение их качества, легитимности и лояльности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00105а.

Литература

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6, № 2. С. 24–66.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // *Власть и элиты*. 2017. Т. 4. С. 147–169.

Гаман-Голутвина О.В. Метафизические измерения трансформаций российской элит // *Политическая концептология*. 2012. № 3. С. 38–53.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Гараедаги Дж. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск: Гревцов Букс. 2010. 480 с.

Дука А.В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // *Власть и элиты*. 2014. Т. 1. С. 399–436.

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Взгляд в будущее: системно-динамическое моделирование политической трансформации региональных элит (Россия, 2021–2035 гг.) // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5, № 3. С. 23–55. doi: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-23-55.

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. «Развилка» 1996 года и российские региональные элиты: гипотетические сценарии трансформации // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7, № 1. С. 46–75.

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Барабаш Н.С. Системно-динамическая модель воспроизводства региональных элит в СССР и России // *Инноватика и экспертиза: научные труды*. 2020. № 1. С. 90–102.

Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. 39 с.

Магомедов А.К. Мистерия регионализма: региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: МОНФ, 2000. 224 с.

Медоуз Д. Алфавит системного мышления. М.: Бином; Лаборатория знаний, 2011. 343 с.

Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь: ПГТУ, 1998. 256 с.

Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. 592 с.

Сельцер Д.Г. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // Pro nunc. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 27–32.

Федорченко С.Н. Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. М.: ИНФРА-М, 2017. 154 с.

Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978. 168 с.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2017. 414 с.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105.

Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A.P. Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? // 2nd International Symposium “Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice”. Roma: Universitas Mercatorum, 2014. P. 1–22.

Axelrod R. Modeling Security Issues of Central Asia. Ann Arbor: University of Michigan, 2004. 23 p.

Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. Using system dynamics to model and better understand state stability // MIT Sloan Research Paper. 2007. № 4661-07. P. 1–42. URL: <https://ssrn.com/abstract=1011230> (дата обращения: 01.12.2021).

Ledyayev V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power. 2014. Vol. 7, Issue 2. P. 211–231.

Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction // European politics and society. 2019. Vol. 20, Issue 3. P. 315–332.

Ledyayev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, Issue 6. P. 990–1024.

Ledyayev V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns // *Europe-Asia Studies*. 2020. T. 72, № 4. P. 686–711.

Sorci P. Measuring the impact of a state's legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling // *Rangsit Journal of Social Sciences and Humanities*. 2015. Vol. 2, Issue 2. P. 49–65.

Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // *European Politics and Society*. 2017. Vol. 18, № 4. P. 529–551.

VARIANTS OF TRANSFORMATION OF REGIONAL ELITES: PREDICTIONS BASED ON A SYSTEM DYNAMIC MODEL OF RECRUITING ELITES IN 1985–2019

D. Zhukov, D. Seltser

Citation: Zhukov D., Seltser D. Varianty transformatsii regional'nykh elit: prognozy na osnovanii sistemno-dinamicheskoy modeli rekrutirovaniya elit v 1985–2019 godakh [Variants of transformation of regional elites: predictions based on a system dynamic model of recruiting elites in 1985–2019]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 8 (1): 100–122. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.4>

Annotation. *This paper demonstrates predictive scenarios describing the transformation of Russian regional administrative and political elites up until 2035. The scenarios were developed in computer experiments with a system dynamic model for recruiting elites. The model is implemented via special software Powersim Studio 10. The model was created on the basis of data on the dynamics of elites in several regions of the European part of Russia in 1985–2019. In addition to an inertial scenario, the authors presented three alternative scenarios: “Regency”, “Verticalization”, and “Moderate technocracy”. The initiation of the first two scenarios is due to a hypothetical shift of influence in favor of moderate liberals or the siloviki (securocrats). The initial condition for the third scenario is the introduction of a nationwide system of selection and control of administrative personnel for the regions. Experiments show that the inertial scenario has fewer negative side effects than alternative scenarios. At the same time, the “Moderate Technocracy” scenario most likely offers the solution to the key problems of the development of regional elites — that is, ensuring their loyalty, quality, and legitimacy.*

Keywords: *system dynamics simulation, political science, administrative and political elite, regions of Russia, forecasting.*

References

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Institutionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'yera [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2019, 6 (2), pp. 24–66. (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nyye vlastnyye gruppy: osnovnyye sotsial'no-strukturnyye kharakteristiki i rol' v razvitiy sovremenogo rossiyskogo obshchestva [Regional power groups: main social and structural characteristics and role in the development of modern Russian society]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2017, 4, pp. 147–169. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Metafizicheskie izmereniya transformatsiy rossiyskikh elit [Metaphysical measurements of transformations of Russian elites]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2012, (3), pp. 38–53. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsiyu*. [Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. (In Russian)

Gharajedaghi J. *Sistemnoe myshlenie. Kak upravlyat' khaosom i slozhnymi protsessami: Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa* [Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity: A Platform for Designing Business Architecture]. Minsk, Grevtsov Books Publ. 2010. (In Russian)

Duka A.V. Vlast' mezhdru traditsionnost'yu i sovremennost'yu (elity rossiyskoy periferii). *Vlast' i elity* [Power and elites], 2014, 1, pp. 399–436. (In Russian)

Zhukov D.S., Seltser D.G. Vzglyad v budushcheye: sistemno-dinamicheskoye modelirovaniye politicheskoy transformatsii regional'nykh elit (Rossiya, 2021–2035 gg.) [A look into the future: System-dynamic modeling of the political transformation of regional elites (Russia, 2021–2035)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2021, (3), pp. 23–55. DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–3–23–55. (In Russian)

Zhukov D.S., Seltser D.G. «Razvilka» 1996 goda i rossiyskiye regional'nyye elity: gipoteticheskiye stsenarii transformatsii [The bifurcation of 1996 and Russian regional elites: Hypothetical scenarios of transformation]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2020, 7(1), pp. 46–75. (In Russian)

Zhukov D.S., Seltser D.G., Barabash N.S. Sistemno-dinamicheskaya model' vosproizvodstva regional'nykh elit v SSSR i Rossii [System dynamic model of reproduction of regional elites in the USSR and Russia]. *Innovatika i ekspertiza: nauchnyye trudy* [Innovation and Expertise: Research Publications], 2020, 1, pp. 90–102. (In Russian)

Lapina N.Y. *Regional'nyye elity: protsessy formirovaniya i mekhanizmy vzaimodeystviya v sovremennom rossiyskom obshchestve: avtoferat dis. ...doktora politicheskikh nauk* [Regional elites: processes of formation and mechanisms of interaction in

modern Russian society: abstract of dis. ... doctors of political sciences]. Moscow, 2004. 39 p. (In Russian)

Magomedov A.K. *Misteriya regionalizma: regional'nyye pravyashchiye elity i regional'nyye ideologii v sovremennoy Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya «snizu» (sravnitel'nyy analiz na primere respublik i oblastey Povolzh'ya)* [Mystery of regionalism: regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction "from below" (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region)]. Moscow, MONE, 2000. (In Russian)

Meadows D. *Azbuka sistemnogo myshleniya* [Thinking in Systems: A Primer]. Moscow, Laboratory of Knowledge Publ., 2011. (In Russian)

Mokhov V.P. *Evolutsiya regional'noy politicheskoy elity Rossii (1950–1990 gg.)* [The evolution of the regional political elite of Russia (1950–1990)]. Perm, PSTU Publ., 1998. (In Russian)

Seltzer D.G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature]. Tambov, OGUP Tambovopolygraphizdat Publ., 2006. (In Russian)

Seltser D.G. *Rekrutirovanie lokal'noy administrativnoy elity Rossii: iskhodnye dannye dlya postroeniya sistemno-dinamicheskoy modeli* [Recruiting the local administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model]. *Pro nunc. Sovremennyye politicheskie protsessy* [Pro nunc. Modern political processes], 2017, (2), pp. 27–32. (In Russian)

Fedorchenko S.N. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Sovetskom Soyuze i sovremennoy Rossii: politiko-filosofskiy analiz* [State personnel policy in the Soviet Union and modern Russia: political and philosophical analysis]. Moscow, Research and Publishing Center INFRA-M Publ., 2017. (In Russian)

Forrester J. *Mirovaya dinamika* [World dynamics]. Moscow, Science Publ. 1978. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow, HSE Publishing House, 2017. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov* [Power in a small Russian city: configuration and interaction of major actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research], 2014, (2), pp. 88–105. (In Russian)

Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A. P. *Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? 2nd International Symposium "Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice"*. Roma, Universitas Mercatorum Publ., 2014, pp. 1–22.

Axelrod R. *Modeling Security Issues of Central Asia*. Ann Arbor, University of Michigan Publ., 2004.

Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. *Using system dynamics to model and better understand state stability. MIT Sloan*

Research Paper, 2007, (4661–07), pp. 1–42. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1011230> (accessed: 02 April 2019).

Ledyayev V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community. *Journal of Political Power*, 2014, 7(2), pp. 211–231.

Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European politics and society*, 2019, 20(3), pp. 315–332.

Ledyayev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government. *Urban Affairs Review*, 2017, 53 (6), pp. 990–1024.

Ledyayev V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns. *Europe-Asia Studies*, 2020, 72 (4), pp. 686–711.

Sorci P. (2015) Measuring the impact of a state's legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling. *Rangsit Journal Of Social Sciences And Humanities*, 2(2), pp. 49–65.

Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*, 2017, 18(4), pp. P. 529–551.

ПОКОЛЕНИЯ ВО ВЛАСТИ И ПОЛИТИКЕ

«ПОКОЛЕНИЯ ЭЛИТ» VS «ЭЛИТА ПОКОЛЕНИЙ»: КОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

К.Ф. Завершинский

(zavershinskiy200@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Завершинский К.Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 123–147.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.5>

Аннотация. *Рассматриваются специфика и роль политической социализации в поколенческой преемственности и институционализации политических элит в реалиях современных политических коммуникаций. Диверсификация символического производства, умножение акторов политических коммуникаций, растущая вариативность политических идеологий и способов репрезентации политики актуализирует теоретическое моделирование политической социализации как специфической политической коммуникации, зависящей от особенностей пространственно-временного дизайна политических событий в тех или иных национальных сообществах. По мнению автора, это позволяет учитывать различия в восприятии значимости тех или иных политических событий поколениями и особенности позиционирования политических элит. В этом случае процесс формирования политических элит не редуцируется к процессу смены «поколений элит», их рекрутированию или адаптации новых поколений к существующим ценностно-нормативным режимам посредством политики социализации, осуществляемой доминирующими элитными группами. Конституирование политических элит предстает как коммуникативный процесс символического структурирования политических ожиданий поколений и возникновения на этой основе политических*

поколений и «политической элиты поколений». Решающую роль в исследовании специфики политической социализации поколений и возникающих при этом политических элит играет изучение динамики символических структур национальной памяти, включающих разнообразные конкурирующие символические репрезентации образов прошлого и будущего, типологии героического, представлений о вине и ответственности. Автор подчеркивает важность анализа действительности символических структур политической памяти и роли политических нарративов при исследовании политики межпоколенческой преемственности и возникновении на этой основе политических поколений и политических элит. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии как методологическую основу, автор предлагает новые теоретические подходы к изучению политической социализации поколений в современном обществе.

Ключевые слова: политическая социализация, политические ожидания, политические поколения, политические элиты, политическая память, символические структуры, политические нарративы

ВВЕДЕНИЕ

Концептуальная сопряженность понятий «элита», «поколение» и «политическая социализация» достаточно устойчиво присутствует в дискурсе научных исследований социокультурной динамикой политических элит, их циркуляции и активности в сфере легитимации политических решений и конструирования национальной идентичности. Наиболее очевидно подобная семантическая смежность артикулирована в исследованиях, связанных с изучением факторов (экономических, культурных, социальных, политических), влияющих на процесс социализации и институционализации политических элит. Вторая значимая предметная область, где присутствует дискурс политической социализации, связана с изучением политики элит по отношению к молодым возрастным стратам, способов контроля за их политической активностью и практик обеспечения политической преемственности в реализации политики элитного доминирования. Подобные исследования призваны объяснить влияние практик политической социализации на процесс циркуляции и сменяемости *возрастных поколений элит*. При этом политическая социализация чаще всего рассматривается как «зависимая производная» от активности политических элит и особенностей их институционализации.

Вместе с тем в условиях растущей мобильности политических коммуникаций все более проблемной становится социализирующая роль политических элит и традиционных институтов политической социализации по обеспечению процесса поколенческой преемственности и рекрутирования в свой состав представителей новых возрастных поколений. Мир переживает процессы трансформации национальных политических систем, сопровождающихся не только традиционными ценностно-нормативными межпоколенческими конфликтами и естественной возрастной ротацией состава политических элит, но и качественными изменениями социокультурных параметров взаимосвязи поколенческих общностей и политических элит при их политической самоидентификации.

В исследованиях процессов коммуникативных процессов современного общества, сопровождающихся цифровой революцией, отмечается, что, хотя новые коммуникативные технологии при первом приближении расширяют возможности для политизации публичной сферы, процесс политизации все интенсивней осуществляется за рамками создаваемых элитами институтов социализации посредством массмедиа и интернета при росте доли неполитических элит на политических позиция. Все это размывает пространственно-временные границы политической социализации и идентичности элит [Robles-Morales, Córdoba-Hernández 2019]. Процессы радикальной индивидуализации политических коммуникаций ведут к появлению новых закрытых пространств, тотальному тиражированию профанного знания о политике [Stiegler 2019]. Растет идеологическая индоктринированность участников политических коммуникаций, политическая неосведомлённость часто переходит в нетерпимость к иным точкам зрения и агрессию [Social Movements 2018].

В современном мире прослеживается тотальная диверсификация и эрозия ценностно-нормативных оснований политики, что существенно снижает эффективность политической социализации, осуществляемой элитными группами и социально-политическими институтами. Это связано с вариативностью и гибридизацией политических идеологий и институтов, реализующих политику политической преемственности. Кроме того, эта дисперсия артикулирует проблему, связанную с тем, что на первый взгляд успешные стратегии социализации молодежи в экономической, образовательных и иных социальных сферах отнюдь не ведут к оформлению позитивной политической идентич-

ности или политической идентичности вообще. Подобные процессы актуализируют исследование специфики реализации социальными элитами политики политической социализации и особенностей их политической самоидентификации как *производной от символических структур политических взаимодействий поколений*. Несмотря на то что «элиты — хранители культурно-исторических смыслов», их властное влияние и легитимность основана на консенсусе с наиболее активной частью населения и «совместно переживаемой героической и трагической истории, вырабатывающими общую идентичность» [Дука 2020: 98, 118].

В этом контексте политическую социализацию можно рассматривать как своего рода относительно независимую, *первичную переменную, детерминированную* не только целенаправленной организационной или идеологической активностью культурных и политических элит или социальных институтов, но и процессами структурирования горизонтов политических ожиданий поколений в политической памяти общества. В процессе совместности политических ожиданий происходит оформление *политических поколений* и возникает политическая элита, инкорпорирующая в себя представителей как «старших», так новых возрастных страт (*политическая элита поколений*). Если этого не происходит, и политическая совместность не возникает, то обостряются конфликты как между элитными группами, так и между возрастными стратами, несмотря на видимость успешности социально-экономической или профессиональной социализации молодежи. Состояние социальной стабильной быстро может заместиться инволюцией, политическим хаосом и ростом неконтролируемого политического насилия.

Процессы, связанные с разрушением ценностно-нормативной поколенческой преемственности и размыванием политических идентичностей элит, достаточно часто объясняют геополитическими противоречиями современной глобализации и информационными, цифровыми инновациями в экономических и политических коммуникациях, сопровождающихся появлением возможностей для новых форм авторитаризма, усилением влияния антидемократических, этнонационалистических и популистских дискурсов [Fuksas, Gökaç 2019]. Этому сопутствует и процесс разрушения «равновесия поколений», связанный с миграционными процессами, демографической ситуацией и неэффективной государственной политикой в этой области [Krastev 2020: 73–74], что ведет к оформлению у молодых поколений аполитичных консью-

меристских стратегий выживания, сопровождаемых вспышками насильственных анархических протестов. Новые возрастные страты все чаще оказываются в ситуации «страха перед страхом», связанной с тем, что стандартизированные ожидания, которые культивировались в процессе социализации, вступают в противоречие с нестандартными реальностями, умножая когорты прекариатов [Bude 2018].

Стремительное размывание, подвижность институциональных границ и ценностно-нормативных иерархий между «миром молодежи» и «миром взрослых» в современных коммуникациях ведет к тому, что политические отношения между поколениями приобретают не только высокую степень вариативности, но и непредсказуемость, сопровождаемую деградацией политических коммуникаций. На фоне происходящих изменений все очевиднее ценностно-нормативные ограничения традиционных моделей политической социализации, поскольку несомненно недоверие представителей молодого поколения к существующим политическим институтам и ценностной риторике политических элит при отсутствии у них самих сколь-нибудь отчетливой политической идентичности.

Мы полагаем, что современные проблемы социализации поколений и рекрутирования социально-ответственных, эффективных политических элит связаны не только с обострением ценностно-нормативного позиционирования «младших» и «старших поколений», но что так или иначе обращали внимание теоретические модели политической социализации прошлого столетия, но и с качественными изменениями в символических способах позиционирования молодых поколений и неформальных акторов политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций. Это обуславливает необходимость существенной коррекции теоретико-методологических оснований исследований современной политической социализации и поколенческой преемственности, переосмысления ее концептуального инструментария.

При этом мы не ставим перед собой задачу прикладного анализа специфики многочисленных политических групп или субкультур, представленных в современной межпоколенческой динамике, а ориентированы на артикуляцию теоретико-методологических приоритетов анализа политической социализации с фокусом на роли и специфике коммуникативного процесса социального конструирования политических поколений и политических элит в современном коммуникативном пространстве. Статья нацелена прежде всего на решение теоретико-

методологических вопросов, значимых, по нашему мнению, для осмысления специфики процесса политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций: на какие теоретико-методологические послылки ориентируются современные исследования политической социализации поколений и политических элит как акторов этого процесса и какие в связи с этим обозначаются теоретические проблемы и перспективы их преодоления? Какие коммуникативные риски порождает социокультурная динамика современного общества и какую роль играют в межпоколенческой политической преемственности и активности акторов политической социализации символические структуры современной политической памяти? Отсутствие теоретико-методологической определенности при ответе на эти вопросы и позитивистские доминанты в научном дискурсе политической социализации неизбежно порождают своего рода когнитивный диссонанс в исследованиях процесса политической социализации, когда на первый взгляд ценностно и нормативно аргументированные эмпирические модели политической социализации молодежи вступают в очевидное противоречие с фактами острого кризиса политической преемственности поколений и свидетельствами неэффективности практик политической социализации.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК «ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ»: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ АКТИВНОСТИ ЭЛИТ

При первом приближении теоретико-методологические проблемы изучения политико-культурного сопряжения молодых и старших поколений в политике достаточно регулярно артикулируются в исследованиях политической социализации начиная с 1960-х годов. Политическая социализация молодежи рассматривается как значимый феномен, связанный с процессом преодоления потенциальных поколенческих ценностно-нормативных расколов как внутри национальных сообществ, так и при внешнеполитическом позиционировании политических элит, принадлежащих к разным возрастным стратам. С начала комплексной научной концептуализации феномена политической социализации детей и молодежи в политической науке, связанной с выходом в свет работы Д. Истона и Дж. Денниса «Дети в политической системе» [Easton,

Dennis 1969], теория политической социализации неоднократно критически дорабатывалась в связи с появлением новых методологических инструментариев. Вместе с тем, на наш взгляд, можно проследить две устойчивые теоретико-мировоззренческие доминанты в исследованиях политической социализации.

Первая, уходящая в своих истоках к исследовательской программе Д. Истона и Дж. Денниса и позитивистская в своих основаниях, исходит из посылки, что основной объект политической социализации — «молодежь», «молодое поколение», которые рассматриваются как «граждане в ожидании и становлении», а поэтому нуждаются в политическом просвещении со стороны политических элит и практиках сбалансированного участия в политических процессах до достижения ими возраста официального включения в избирательный процесс.

Эта стратегия отталкивается от посылки, что общие институциональные параметры процесса политической социализации детерминируются иерархическими структурами (макроэкономическими, политическими и социальными), в рамках которых оформляются политические ориентации и проявляется политическая активность молодежи. При этом задача политической социализации — обеспечение стабильности регулятивного влияния политических элит на эту социально-возрастную страту для ее нормативной устойчивости. Разрушение иерархических структур подобного влияния рассматривается как некая аномалия. Молодые люди включаются в политическую жизнь и социальное конструирование политической культуры как «будущие», потенциальные граждане посредством существующих демократических институтов воспитания и образования, находящихся под контролем старших поколений. Эти институты, в свою очередь, детерминированы особенностями функционирования политико-правовых и идеологических институтов, контролируемых политическими элитами. В рамках этой теоретической установки политическая социализация и идентификация молодежи рассматривается как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете качеством и эффективностью политической активностью старших («взрослых») поколений в лице их элит.

Вторая тяготеет к трактовке политической социализации «молодежи» как динамичного социокультурных феномена, связанного с влиянием качественно новых коммуникативных феноменов, обусловленных ростом автономии политических коммуникаций. Эта исследовательская стратегия несколько ослабляет посылку первой об общности норма-

тивных характеристик политической социализации молодежи, акцентируя на том, что они зависят от конкретных исторических, социальных, экономических, культурных условий и технологий тиражирования политической информации. Молодежь рассматривается не только как социобиологический, психологический или социально-экономический фактор общественной институционализации, но и как социокультурная категория, поэтому концепции политической социализации и молодежной политики должны быть пластичны по содержанию и учитывать относительную коммуникативную автономию молодых людей. Подобная теоретическая установка нацелена на то, чтобы уделять большее внимание «голосам» молодежи, ее способности быть активными социальными субъектами коммуникативного процесса, способам включения или исключения молодежи из политики [Leonard 2016]. Из этой исследовательской установки следует, что более молодое поколение не просто адаптируется, позиционирует себя по отношению к ценностям «взрослого общества», но и участвует в переформатировании политических представлений старших поколений и элит. Наиболее очевидна подобная теоретическая смежность в политико-психологических исследованиях политической социализации, где наряду с методологией институционального анализа и аксиологическим моделированием широко используется аппарат когнитивных исследований и социально-психологический анализ процессов влияния чувственно-образной репрезентации политического на сознание молодежи.

Вместе с тем, несмотря на различие в ценностных акцентах по поводу «степени правомочности» молодых когорт в политическом процессе, обе исследовательские опции так или иначе разделяют посылку, что теории политической социализации поколений связаны с проблемой политической «зрелости» (*взрослости*) и зависят от специфики включенности молодежи в политический процесс. Процессы политизации, политической персонализации, идеализации и институционализации как следствие возрастной эволюции поколений и активности доминирующих политических акторов продолжают оставаться фокусом современных межпредметных исследований политической социализации и молодежной политики в современной политической культуре [Sears, Levy 2013: 59–95].

Сближает эти стратегии и взаимосвязь трактовок содержания базовых для подобных подходов понятий *молодежь* и *поколение*. Несмотря на вариативность в временных грациях, используемых при интерпре-

тации смысла и содержания этих понятий в рамках нормативных актов, говоря о молодежи, исследователи имеют в виду «молодых граждан» примерно от середины подросткового возраста до двадцати пяти-тридцати лет, так как именно в этом возрасте, по их мнению, в основном происходит политическая социализация [Pickard 2019: 29–30]. Понятие поколение при этом чаще всего используется для характеристики состояния социального единства людей, родившихся в определенном временном интервале (примерно в 20 лет). Кроме того, несмотря на констатацию проблем с реализацией политического участия современной молодежи в институциональной активности формальных политических институтов, в основном прослеживается умеренный либерально-демократический оптимизм по поводу адаптации молодежи и старших поколений к происходящим коммуникативным турбулентностям.

Так, в обстоятельных исследованиях европейских авторов в области молодежного политического участия, выполненных в русле синтеза двух исследовательских программ, акцентируется, что, несмотря на глобальную волну протестов молодежи, использующей цифровые технологии политической мобилизации, и нарастание репрессивных практик государственных институтов по отношению к протестантам, политическая активность молодежи, чтобы «сделать мир лучше для всех», так или иначе ведет к позитивным результатам для демократизации обществ и налаживанию конструктивного диалога с властью и старшими поколениями [Young People 2018; Pickard 2019].

Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя не замечать очевидных ограничений позитивистских стратегий, доминирующих в исследовании политической социализации. Возникающие на их основе теоретические концепции трактуют политическую социализацию как передачу ценностных образцов от одних возрастных страт к другим и важного измерения устойчивости воспроизводства политической культуры общества и легитимации политических элит. Значимая роль при этом отводится профессионализму, компетентности политических, административных элит и «демократической зрелости» организаций гражданского общества.

Однако нельзя не замечать сбоев в модели политической социализации, основанной на передаче ценностей и «должных образцов» от акторов процесса политической социализации, которые сами постоянно демонстрируют нарушение или разрушение этих образцов при декларировании значимости солидарных отношений, основанных на ценно-

стях прав человека и демократического участия. Как справедливо замечает политолог И. Крастев, поколение сформировавшиеся на рубеже веков — поколение «гугл-истории» («google history»), которое «живет по ту сторону истории», поскольку не связывает полученное знание исторических фактов и ценностных образцов с опытом предыдущих поколений [Krastev 2016: 58–59]. В связи с чем, не отвергая коммуникативную значимость ценностно-нормативной составляющей модели политической социализации как «вторичной переменной», которая позволяет артикулировать социальные проблемы и факторы сбоя в политической социализации, не следует ставить процесс интерпретации эффективности/неэффективности коммуникативных практик политической социализации в зависимость от ее ценностных, весьма идеологизированных обоснований, поскольку они либо слишком абстрактны, либо слишком конкретны в трактовках реалий современных коммуникаций и весьма часто ведут к когнитивному диссонансу при ее описании.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК «НЕЗАВИСИМАЯ» ПЕРЕМЕННАЯ: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ АКТИВНОСТИ ЭЛИТ

Как уже отмечалось, рост асинхронности («разновременности») социальных коммуникаций, проявляющейся в росте различий в восприятии социального времени возрастными поколениями, и связанная с этим способность людей к взаимной адаптации, устойчивой корреляции между сменой поколений и динамикой формирования элит ведут к стремительной дисперсии институциональных и ценностных паттернов. «Новое» возрастное поколение все чаще начинает воспринимать общество и элиты как слишком консервативные или даже репрессивные [Giesen 2004: 31]. В реалиях динамики современных коммуникаций такие события, например, как современная ковид-эпидемия, могут стремительно вывести молодежные когорты и политические элиты из ценностно-нормативных ограничений прошлого политического опыта и принудить их к радикальному переформатированию существующих политических образцов, институтов и сложившихся ранее политических нарративов. Подобные процессы актуализируют существенную коррекцию смысла и содержания базовых концептов, используемых при моделировании политической социализации.

В связи с этим, на наш взгляд, особую значимость приобретают теоретические ремарки Н. Лумана, высказанные им в связи с парадоксами и особенностями коммуникаций и социализации в современном «обществе общества». Социализация в условиях растущей автономии и многослойности коммуникативных систем приобретает характер «самосоциализации», когда люди, стремясь адаптироваться под столь диверсифицированные требования столь многообразных коммуникативных сред, часто порождают непредсказуемые процессы, в том числе разрушительные для общества. Поскольку «каждая система вырабатывает собственные структуры» социализации, то они не могут быть предопределены универсальными культурными предписаниями или ранее работавшими программами социализации. В подобных коммуникативных реалиях это ведет к вариативности культурных программ социализации и непредсказуемости последствий при их реализации, ввергая людей в состояние «утраты реальности» [Luhmann 2013: 97–98, 100].

В силу подобной коммуникативной динамики регулятивному влиянию ценностных иерархий, полагал немецкий социолог, часто не хватает важных качеств, свойственным другим символическим носителям и их значимость при принятии решений становится весьма спорной. Ценности в подобных коммуникативных реалиях «не что иное, как очень мобильный», а не фиксированный набор точек зрения, напоминающих «воздушные шары», которые «должны быть под рукой, чтобы их можно было «надуть», когда потребуется, особенно по праздникам». Ценностные обоснования в современном обществе осуществляются посредством идеологий и аргументаций, где идеология может «совершать большие преступления», а аргументация «прибегать к мелким хитростям» [Luhmann 2012: 204–205].

Наконец, особенности современной коммуникативной реальности предполагают корректировку смысла и содержания такого значимого для исследовательских программ политической социализации концепта, как «поколение», и выявление специфики политического поколения, особенностей его социального конструирования в процессе политической социализации. Как уже отмечалось, в рамках исследовательской программы изучения политической социализации как «производной» от функционирования политических элит и социальных институтов общества поколения рассматриваются в качестве значимого социобиологического, социально-экономического и собственно политического

ресурса обеспечения функционирования и эволюции политического сообщества. Политическая социализация молодежи рассматривается при этом как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете качеством и эффективностью политической активностью старших («взрослых») поколений в лице их элит.

В современных работах по поколенческой динамике, выполненных в русле подобной исследовательской установки, акцентируется посылка, что эта динамика не носит характер линейного детерминизма, поскольку поколения — это всегда «симбиоз жизни и времени», «история создает поколения, а поколения создают историю» [Howe, Strauss 1997]. Однако несмотря на отсылки к роли и специфике больших политических нарративов, влияющих на трансформацию «молодого политического поколения» во «взрослое состояние» с последующим инкорпорированием наиболее активной когорты в политическую элиту, роль такого рода нарративов в становлении поколений и элит часто редуцируется к анализу «фактов» культурной, идеологической, социально-экономической или собственно политической активности. Анализ же причин подобной автономии политических коллективных представлений трактуется вполне традиционно, в контексте процессов институционализации и персонализации коммуникаций. К тому же политическая практика показывает, что более активное участие молодежи в протестных акциях часто связано с активностью контрэлит и неформальных политических акторов, которые запускают процессы отнюдь не из соображений признания значимости «прав молодежи» на политическое участие. Действенность же коллективных представлений возрастных когорт, связанная с изменением символического режима общества, остается за скобками исследования.

На наш взгляд, нуждается в артикуляции, обозначенная в свое время К. Мангеймом социологическая посылка, согласно которой, молодежь обретает социальную позицию (location) и чувство поколения тогда, когда в процессе вовлеченности составляющих ее когорт, подчас антагонистичных, в исторические события они конституируются как целостность в пространстве и времени [Mannheim 1952: 276–320]. Он последовательно развивает эту посылку, полагая, что оформление поколений и поколенческая преемственность напрямую зависят не от декларирования преемственности поколений либо отсутствия таковой в силу ценностного конфликта поколений и желания правящих элит сохранить любой ценой свое господство, а от процессов символизации

социальных событий, определяющих «непрерывность» поколений во времени.

Обозначенные выше теоретические послышки, на наш взгляд, позволяют выявить эпистемологические контуры исследовательской программы политической социализации как «первичной переменной». Социализацию можно рассматривать как своего относительно независимый процесс, обладающей самодостаточностью и потенциалом действенности, не сводимым к организационной или идеологической активности культурных и политических элит или социальных институтов. Политическую социализацию в этом теоретическом контексте можно представить как процесс символического структурирования горизонтов политических ожиданий членов политического сообщества, которые категоризируются и репрезентируются в «символических фигурах» политической памяти сообществ.

Социализирующая активность политических элит в этом аспекте измеряется способностью обрести собственные символические рамки и обеспечить посредством символической политики совместимость политических ожиданий возрастных когорт. Успешность политических элит определяется тем самым их способностью создания, воспроизводства не только своих символических границ, но и символического ресурса национальной памяти — больших политических нарративов (временной событийной структуры прошлого и будущего из настоящего), репрезентированных в символических конфигурациях. Политические поколения возникают не только в процессе включенности в реальность политических взаимодействий, а когда происходит «семантическое стягивание» представлений участников политической драматургии и возникает, несмотря на имеющиеся когортные противоречия, консенсус по поводу того, что следует считать политическим событием. Подобное семантическое стягивание часто связано с «травматическим запросом» на эмоциональное, институциональное и «символическое возмещение» в виде качественно новой интерпретаций событий прошлого и настоящего, которая меняют ролевую структуру и систему долженствования коллективных участников политических процессов в соответствии с этим новым видением [Alexander 2012: 6–30]. Политическая социализация в этом контексте — это не только «управление» политическими элитами памятью, но и власть памяти над акторами политической социализации.

Политическая культура, интерпретируемая как политическая память, предстает семантическим программированием политического

опыта и взаимосвязанным комплексом взаимных ожиданий, способов и схем включения индивидов и социальных групп в политические сообщества (или их исключения из таких сообществ) посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени. При этом под «ожиданиями» понимается не субъективные мотивации политических действий, а структура (конфигурация событий) «солидарность ожиданий», обеспечивающая «вероятность того, что нужного рода действие будет действительно совершено» [Филиппов 2015: 207–230]. На наш взгляд, введение в теоретический инструментарий исследования современной политической социализации таких концептов, как «национальная память» и «политическая память поколения», позволяет описывать этот процесс как самосоциализацию и независимую переменную по отношению к его функциональным и организационным параметрам.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНФЛЯЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАРРАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МОДЕЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Процессы, происходящие в политической памяти современного общества под воздействием коммуникативной диверсификации, существенно повышают автономию символических структур национальной памяти, проявляющуюся в конфронтации политик памяти, которые осуществляются политическими элитами и многообразными мнемоническими акторами, разрушающими национальную идентичность. Однако это не ведет к появлению более пластичных форм политической социализации, развитию либеральных моделей демократического участия, расширению пространства самоорганизации в гражданском обществе и росту позитивного политического участия молодежи в политическом процессе, как полагают оптимистично настроенные исследователи. Скорее наоборот, наблюдается феномен, свидетельствующий о коммуникативном кризисе, природу которого в свое время артикулировал Н. Луман в терминах символической инфляции и дефляции. Описывая механизм символической инфляции и дефляции, Н. Луман отмечал, что инфляция наступает тогда, когда коммуникация перерасходует свой потенциал доверия, т.е. «предполагает больше доверия, чем она может вызвать», и в политике она проявляется как «провозглашение

неосуществимой политики», которая обесценивает символические продукты и ведет к коммуникативному хаосу [Луман 2001: 191–192; 2007: 224–226]. Символическая инфляция в современной политике проявляется как масштабное «провозглашение неосуществимой», «отложенной политики», которая обесценивает не только политические решения и делегитимирует политические элиты, но и институты политической социализации. При коммуникативных сбоях это стимулирует акторов политической социализации осуществлять «политическую дефляцию», заменяя более сложные способы политической социализации простыми. В результате политическая элита и иные политические акторы утрачивают способность к эффективному контролю над политической социализацией, занимаясь продуцированием имитационных символических форм. При этом высока вероятность ускорения коммуникативного мятника политической инфляции-дефляции: от «чрезмерного использования» символического капитала политическими элитами к попытке его «девальвации», ведущей к деградации политических институтов и разрушению символических структур политической памяти социума.

Представляется обоснованной посылка французского антрополога Б. Стиглера, фиксирующего феномен «символической нищеты» — потери способности людей к самоидентификации в результате потери возможности участия в производстве символов, что ведет к разрушению пространственно-временного накопления событий и разрушению процесса поколенческой преемственности [Stiegler 2014: 10–33]. Индивидуализированные, лишенные устойчивых ценностных ориентаций и опыта солидарного существования акторы оказываются в ситуации, которая полностью находится вне их контроля [Dean 2019: 171–182].

Последствия глобальной пандемии коронавируса еще более обострили проблему преемственности политических поколений, стимулировав внешний и внутривнутриполитический изоляционизм, непредсказуемость политических коммуникаций и иллюзорность, имитационный характер существовавших ценностно-нормативных ориентаций. Более того, пандемия придала новый импульс «неэффективной символизации» и обострила чувство бессмысленности жизни, подавила стремление к изменениям, «прорисовывая» приближение «нового варварства» [Žižek 2020]. Подобные процесс актуализируют исследование рисков растущей активности символических структур, поиск моделей и методологического инструментария для их прогнозирования и преодоления в практиках политической социализации.

Как уже отмечалось, теоретико-методологическим ядром исследования специфики политической социализации современных сообществ является исследование специфики политико-культурной динамики символических структур национальной памяти и их действенности в социальном конструировании политической идентичности поколений. Подобная исследовательская стратегия предполагает разработку адекватного решению этой задачи теоретико-методологического инструментария. Такой методологический инструментарий, по нашему мнению, может быть разработан на основе теоретических интенций исследований, выполненных в русле современной политической культурсоциологии.

В контексте этой исследовательской стратегии национальную память можно рассматривать как долговременную форму политической памяти — взаимосвязанного комплекса символов и нарративов, обеспечивающих солидарное существование индивидов в сложных политических сообществах посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени из настоящего (семантическое программирование политического опыта). Национальная память возникает при социальном конструировании границ сообществ посредством политики памяти на основе их символизации. При этом ядром символического кодирования национальных сообществ являются «большие» политические нарративы и символические коды, предполагающие доминирование гражданского кода¹.

Анализ политических нарративов как базовых символических структур национальной памяти и их репрезентаций выступает ведущим звеном при описании специфики процесса политической социализации и мнемонической активности политических элит. В этом процессе большие политические нарративы выступают своего рода символическими структурами, обеспечивающими переформатирование частных политических дискурсов поколений, интегрируя их содержание в более устойчивые дискурсивные образования. Подобный процесс политической наррации обеспечивает смысловую институционализацию поли-

¹ Более подробно о специфике и возможностях культурсоциологической эпистемологии исследования социокультурной динамики политической памяти, специфике ее символических пространственно-временных границ, кодов, профилей легитимации и роли дискурса, кодов патриотизма для процесса политической идентификации современных элит, см. в: [Завершинский 2020].

тического пространства, снижая потенциал конфликтогенности политических дискурсов, возникающих в процессе политических коммуникаций, связанных с процессом борьбы политических элит за политическое доминирование. Политические метанарративы нормализуют и стабилизируют значения одних понятий, в то же время изолируя и исключая другие [Gill 2011: 3–6]. Они выступают как символические практики обоснования политических событий в национальной памяти с целью поддержания социального равновесия [Patterson 1998: 315–331], являясь неотъемлемым компонентом социального конструирования политических сообществ, создавая символические структуры для конвенциональной интерпретации национальной памяти, противостоя радикальным интерпретациям частных дискурсов.

Нарративы влияют на представления поколений о политической реальности и особенности ее знаково-символической репрезентации, которые, в свою очередь, воздействуют на появление и структурирование политических ожиданий и социокультурную динамику событийной структуры национальной идентичности. Политические нарративы возникают в процессе семантического снятия дихотомии символического бинарного кодирования, лежащего в основании политической динамики, привнося упорядоченность в трактовку временного и пространственного дизайна коллективно-значимых событий национальной памяти. Бинарное кодирование обеспечивает символическую классификацию мира, упорядочивая символические рамки временного и пространственного дизайна коллективно значимых политических событий [Alexander 2006]. Нарративы, в отличие от двоичных кодов, привносят упорядоченность в последовательность событий, а не акцентируют различия, позволяя ответить на вопросы «кто мы» и «откуда», согласовывая коллективные действия с «конечными» вопросами на уровне повседневности. Подобную бинарность и возникающее в связи с этим ее нарративное снятие можно интерпретировать посредством трех дискурсивных измерений, связанных со спецификой ролевой структуры, социальных связей и институционального дизайна. Нарративы как дискурсивные практики обоснования событий в виде логической последовательности имеют сюжетную структуру (начало, развитие и финальное разрешение) [Smith 2005: 14–24].

Принципиальными в связи с этим видятся теоретические посылки исследователей, работающих в русле культурсоциологического анализа, позволяющие конкретизировать стратегию репрезентации символиче-

ских структур политических нарративов и их специфику в том или ином обществе. Описание профилей легитимации национальной памяти предполагает исследование конфликтной динамики символических контуров национальной памяти, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и умножения конфликтов идентичностей и специфику патриотических дискурсов [Olick 2016].

От политико-культурной динамики семантического содержания этих фигур и их символических конфигураций зависят изменения в политических событиях, восприятии их как триумфальных или травматических, что ведет к изменениям в нарративной структуре политических событий и национальной идентичности. Влияет на характер структурирования политических нарративов, как уже отмечалось, и жанровая специфика политической наррации, связанная с конкретными особенностями и интенсивностью символической поляризации на героев и злодеев. При этом Ф. Смит в упомянутом выше исследовании, выделяет три основных жанра политических нарративов: со слабым потенциалом меморизации, с более сильным — жанр трагизации/романтизации и апокалиптический как наиболее действенный из всех нарративных жанров [Smith 2005].

Таким образом, исследование политической социализации с учетом особенностей нарративных структур национальной памяти позволяет выявить их семантический потенциал и значимость для продуцирования тех или иных нарративов национальной идентичности в процессе символической политики, реализуемой политическими элитами. В этом теоретическом контексте политическое поколение, объединяющее возрастные страты и, соответственно, новая «элита поколения», возникают не только из альтернативных молодежных субкультур или практик господства «старшего поколения элит», а в результате рождения и столкновения многообразных нарративов политической идентичности в коммуникативном и весьма конфликтном пространстве современной политической памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях растущей мобильности политических коммуникаций все более проблемной становится социализирующая роль политических

элит и традиционных институтов политической социализации по обеспечению процесса поколенческой преемственности и рекрутирования элитами в свой состав представителей новых возрастных поколений. Мир переживает процессы трансформации национальных политических систем, сопровождающихся не только традиционными ценностно-нормативными межпоколенческими конфликтами и естественной возрастной ротацией состава политических элит, но и качественными изменениями социокультурных параметров взаимосвязи поколенческих общностей и политических элит при их политической самоидентификации.

Проблемы политической социализации поколений и рекрутирования социально-ответственных эффективных политических элит связаны не только с обострением ценностно-нормативного позиционирования «младших» и «старших поколений», а с качественными изменениями в символических способах позиционирования молодых поколений и неформальных акторов политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций. Это обуславливает необходимость существенной коррекции теоретико-методологических оснований исследований современной политической социализации и поколенческой преемственности, переосмысление ее концептуального инструментария.

При всей вариативности интерпретации и методологического инструментария современных исследований политической социализации в них доминирует интерпретация этого процесса как «зависимой переменной». Включенность молодежи в политическую жизнь и социальное конструирование политической культуры описывается как превращение «граждан в ожидании» посредством существующих демократических институтов воспитания и образования, находящихся под контролем старших поколений, в реальных полноценных участников политических коммуникаций. Эти институты, в свою очередь, детерминированы особенностями функционирования политико-правовых и идеологических институтов, контролируемых политическими элитами. Значимая роль при этом отводится профессионализму, компетентности политических, административных элит и «демократической зрелости» организаций гражданского общества.

Растущая автономия коммуникативных процессов и их символических систем актуализируют исследование специфики реализации социальными элитами политики политической социализации и осо-

бенностей их политической самоидентификации как производной от символических структур политических взаимодействий поколений. В рамках ее политическую социализацию можно рассматривать как своего относительно независимый процесс, «независимую переменную», обладающую самодостаточностью и потенциалом действенности и не сводимой к организационной или идеологической активности культурных и политических элит или социальных институтов. Политическую социализацию в этом теоретическом контексте можно представить как процесс символического структурирования горизонтов политических ожиданий, которые категоризируются и репрезентируются в «символических фигурах» политической памяти сообществ.

Исследование политической социализации с учетом особенностей нарративных структур национальной памяти позволяет выявить семантический потенциал и значимость для продуцирования тех или иных нарративов национальной идентичности в процессе символической политики, реализуемой политическими элитами. В этом теоретическом контексте политическое поколение, объединяющее возрастные страты, и соответственно новая «элита поколения» возникают не только из альтернативных молодежных субкультур или практик господства «старшего поколения элит», а в результате рождения и столкновения многообразных нарративов политической идентичности в коммуникативном и весьма конфликтном пространстве современной политической памяти.

К сожалению, проекты политической социализации, социального конструирования политической памяти, где политические нарративы ведут к общности эмоциональных и символических обязательств как на национальном, так и международном уровне [Alexander 2010: 278], часто остаются утопическими или ведут к катастрофическим последствиям. Возникновение при этом деятельных политических поколений с адекватными им «элитами поколений» не столь частое явление, как и долговременное их существование. Остается надежда, что наблюдаемая и углубляющаяся в современных политических коммуникациях разрушительная и конфликтная драматургия символической инфляции больших политических нарративов и частных эсхатологических политических дискурсов будет разрешена в будущем не на основе переживания коллективного травматического опыта физического самоуничтожения, а в процессе коммуникативного диалога и посредством безопасных практик политической социализации.

Литература

Дука А.В. От какого наследства отказываются российские элиты (эволюция смысла Великой Отечественной войны во властном дискурсе) // *Власть и элиты.* 2020. Т. 7, № 2. С. 97–128.

Завершинский К.Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // *Власть и элиты.* 2020. Т. 7, № 2. С. 77–96.

Луман Н. *Власть.* М.: Праксис, 2001. 256 с.

Луман Н. *Медиакоммуникации.* (Общество общества. Ч. II). М.: Логос, 2005. 280 с.

Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // *Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы.* Т. 2 / под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 207–230.

Alexander J. C. *The Civil Sphere.* Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 816 p.

Alexander J.C. *The performance of politics: Obama's victory and the democratic struggle for power.* New York: Oxford University Press, 2010. xiv, 364 p.

Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory.* Malden: Polity Press, 2012. 232 p.

Bude H. *Society of Fear.* Cambridge, UK: Polity Press, 2018. 147 p.

Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics // *Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data* / ed. by D. Chandler, Ch. Fuchs. London: University of Westminster Press, 2019. 242 p.

Easton D., Dennis J. *Children in the Political System.* New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.

Fuksas V. K., Gökey B. *The Disintegration of Euro-Atlanticism and New Authoritarianism.* *Global Power-Shift.* Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. 211 p.

Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories // *Time & Society.* 2004. Vol. 13, № 1. P. 27–40.

Gill G.J. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics.* New York: Cambridge University Press, 2011. 364 p.

Howe N., Strauss W. *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny.* New York: Broadway Books, 1997. 400 p.

Krastev I. The Fear of Shrinking Numbers // *Journal of Democracy.* 2020. Vol. 31, № 1. P. 66–74.

Krastev I. The Crisis: Solidarity, Elites, Memory, Europe // *Solidarity and the Crisis of Trust* / ed. by Jacek Koltan. Gdańsk: European Solidarity Centre, 2016. P. 51–62.

Leonard M. *The Sociology of Children, Childhood and Generation.* London: Sage Publications Ltd, 2016. 184 p.

Luhmann N. Theory of Society. Vol. 1. Stanford, California: Stanford University Press, 2012. 488 p.

Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Cambridge; Malden: Polity Press, 2013. 284 p.

Mannheim K. The Problem of Generations // Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Oxford University Press, 1952. P.276–320.

Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; London: The University of Chicago Press. 2016. x+517 p.

Patterson M., Monroe K.R. Narrative in Political Science // Annual Review of Political Science. 1998. Vol. 1. P. 315–331.

Pickard S. Politics, Protest and Young People. Political Participation and Dissent in Britain in the 21st Century. London: Palgrave Macmillan, 2019. 508 p.

Robles-Morales J., Córdoba-Hernández A. M. Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. xi+151 p.

Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development // Oxford Handbook of Political Psychology / eds. D. O. Sears, L. Huddy, and R. Jervis. New York: Oxford University Press, 2013. P. 59–95.

Smith P. Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. x+254 p.

Social Movements, Digital Practices and Surveillance / ed. by L. Melgaço, J. Monaghan. New York: Taylor & Francis Group, 2018. x+176 p.

Stiegler B. Symbolic Misery Volume 1: The Hyperindustrial Epoch / transl. by B. Norman. Cambridge: Polity Press, 2014. viii+118 p.

Stiegler B. The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2019. viii+418 p.

Young People Re-Generating Politics in Times of Crises / Ed. by S. Pickard, J. Bessant. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2018. xvi+410 p.

Žižek S. Pandemic! COVID-19: Shakes the World. New York; London: OR Books, 2020. 146 p.

“GENERATIONS OF ELITES” VS “ELITE OF GENERATIONS”: COMMUNICATIVE DIMENSIONS OF POLITICAL ELITE’S SOCIALIZATION

K. Zavershinskiy

(zavershinskiy200@mail.ru)

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Citation: Zavershinskiy K. «Pokoleniya elit» vs «elita pokolenij»: kommunikativnye izmereniya socializacii politicheskikh elit [“Generations of elites” vs “elite of generations”: communicative dimensions of political elite’s socialization]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 123–147. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.5>

Abstract. *This paper examines the specifics and role of political socialization in the generational continuity and institutionalization of political elites influenced by contemporary political communication. The diversification of symbolic production, the increasing number of political communication actors, the growing variability of political ideologies, and ways of representing politics foreground the theoretical modeling of political socialization as a specific political communication depending on the spatio-temporal design of political events in particular national communities. According to the author, these dynamic enables considering differences in perceiving the significance of certain political events by generations and the peculiarities of the political elites’ positioning. Against this background, the formation of political elites is not reduced to the changing “generations of elites,” recruiting them or adapting new generations to existing value-normative regimes through the socialization executed by the dominant elite groups. The constitution of political elites appears as a communicative, symbolic structuring of the generational political expectations and, on this basis, the emergence of political generations and the “political elite of generations.” A decisive role in studying the political socialization of generations and the resulting constitution of political elites is played by the analysis of the dynamics of national memory’s symbolic structures, including various competing symbolic representations of the past and the future, the typology of the heroic, ideas of guilt and responsibility. The author emphasizes the importance of investigating the effectiveness of symbolic structures of political memory and the role of political narrative in examining the policy of inter-generational succession and, on this basis, the emergence of political generations and political elites. Utilizing the theoretical and practical explications of cultural sociology as a methodological basis, the author proposes new theoretical approaches to studying the political socialization of generations in contemporary society.*

Keywords: *political socialization, political expectations, political generations, political elites, political memory, symbolic structures, political narratives.*

References

- Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 816 p.
- Alexander J.C. *The performance of politics: Obama's victory and the democratic struggle for power*. New York: Oxford University Press, 2010. xiv+364 p.
- Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Malden: Polity Press, 2012. 232 p.
- Bude H. *Society of Fear*. Cambridge, UK: Polity Press, 2018. 147 p.
- Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics. In: *Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data*. Ed. by D. Chandler, Ch. Fuchs. London: University of Westminster Press, 2019. 242 p.
- Duka A.V. Ot kakogo nasledstva otkazyvayutsya rossijskie elity (evolyuciya smysla Velikoj Otechestvennoj vojny vo vlastnom diskurse) [What inheritance the Russian elites are rejecting (evolution of the meaning of the Great Patriotic War in the discourse of power)]. In: *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2020, T. 7, no. 2, pp. 97–128. (In Russian)
- Easton D., Dennis J. *Children in the Political System*. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.
- Filippov A. F. Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya pervaya [Mobility and solidarity. Article One]. In: *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy* [Sociologia: Observations, Experiments, Prospects]. Vol. 2. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2015, pp. 207–230. (In Russian)
- Fuksas V. K., Gökay B. The Disintegration of Euro-Atlanticism and New Authoritarianism. *Global Power-Shift*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019, 211 p.
- Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories. *Time & Society*, 2004, 13 (1), pp. 27–40.
- Gill G.J. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. New York: Cambridge University Press, 2011. 364 p.
- Howe N., Strauss W. *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. New York: Broadway Books, 1997. 400 p.
- Krastev I. The Crisis: Solidarity, Elites, Memory, Europe. In: *Solidarity and the Crisis of Trust*. Ed. by Jacek Koltan. Gdańsk: European Solidarity Centre, 2016, pp. 51–62.
- Krastev I. The Fear of Shrinking Numbers. *Journal of Democracy*, 2020, 31 (1), pp. 66–74.
- Leonard M. *The Sociology of Children, Childhood and Generation*. London: Sage Publications Ltd., 2016. 184 p.

Luhmann N. *Introduction to Systems Theory*. Cambridge; Malden: Polity Press, 2013. 284 p.

Luhmann N. *Mediakommunikacii (Obshchestvo obshchestva. CH. II)* [Media Communications (Society of Society. Part II)]. Moscow: Logos, 2005, 280 p. (In Russian)

Luhmann N. *Theory of Society*. Vol. 1. Stanford, California: Stanford University Press, 2012, 488 p.

Luhmann N. *Vlast'*. [Power]. Moscow: Praxis, 2001, 256 p. (In Russian)

Mannheim K. The Problem of Generations. In: Mannheim K. *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Oxford University Press, 1952, pp. 276–320.

Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, London: University of Chicago Press, 2016, x+517 p.

Patterson M., Monroe K.R. Narrative in Political Science. *Annual Review of Political Science*, 1998, 1 (1), pp. 315–331.

Pickard S. *Politics, Protest and Young People. Political Participation and Dissent in Britain in the 21st Century*. London: Palgrave Macmillan, 2019, 508 p.

Robles-Morales J., Córdoba-Hernández A.M. *Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019, xi+151 p.

Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development. In: *Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. by D.O. Sears, L. Huddy and R. Jervis. New York: Oxford University Press, 2013, pp. 59–95.

Smith P. *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. x+254 p.

Social Movements, Digital Practices and Surveillance. Ed. by L. Melgaço and J. Monaghan. New York: Taylor & Francis Group, 2018. x+176 p.

Stiegler B. *Symbolic Misery. Volume 1: The Hyperindustrial Epoch*. Translated by B. Norman. Cambridge: Polity Press, 2014, viii+ 118 p.

Stiegler B. *The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2019, viii+ 418 p.

Young People Re-Generating Politics in Times of Crises. Ed. by S. Pickard, J. Besant. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018, xvi+410 p.

Zavershinskij K.F. «Patriotizm elit» kak diskursivnoe izmerenie simvolicheskikh struktur nacional'noj pamyati [“Patriotism of the Elites” as a Discursive Measurement of the Symbolic Structures of National Memory]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2020, 7 (2), pp. 77–96. (In Russian)

Žižek S. *Pandemic! COVID-19: Shakes the World*. New York; London: OR Books, 2020. 146 p.

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ: ДИНАМИКА ОБРАЗОВ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-СРЕДЕ¹

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

Цитирование: Пустовойт Ю.А. Смена политических поколений в городах Сибири: динамика образов властных отношений в онлайн- и офлайн-среде // Власть и элиты. 2020. Т. 8, № 1. С. 148–169.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.6>

Аннотация. В центре внимания статьи проблема политического выбора современной российской молодежи — миллениалов, родившихся после 1982 г. Согласно одним подходам, это поколение принципиально отличается от предыдущих, так как прошло юношескую социализацию в условиях относительного благополучия нулевых, что сказалось на снижении значимости политической составляющей в жизненных планах и появлении и росте других способов саморепрезентации (В. Радаев). Другие авторы (Ю. Левада) делают акцент на том, что вертикальные институты власти, конструирующие общество, остались неизменными, что способствует воспроизводству тех же архаичных черт, которые были присущи советскому человеку. Анализируются эмпирические исследования в Новосибирске и других сибирских городах, ход и итоги избирательных кампаний, тексты и образы политиков в новогодних обращениях и предмитинговых интернет-полемиках («кейс 23 января»). Автор приходит к выводу, что

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления — филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Семья и дело. Образы семьи, дружбы и работы в жизненных стратегиях советских и постсоветских поколений сибирского мегаполиса».

конструирование властных отношений в первую очередь строится на основе места в системе власти, специфики региона (города) и только потом на основе принадлежности к тому или иному поколению. Сейчас миллениалы, участвующие в политической жизни, занимающие место в публичных структурах власти, конструируют те же самые подходы к использованию властных ресурсов, что и старшие возрастные группы.

Ключевые слова: *поколения, бумеры, миллениалы, города, мобилизационная повестка, городской режим, идентичность, Сибирь.*

Всплеск интереса к работам, выполненным в русле «теории поколений», обусловлен несколькими ведущими социально-политическими трендами. Происходит смена поколений во всех эшелонах власти в течение ближайших 10–20 лет, заметно увеличение юношества в протестных мероприятиях, становятся регулярными, повседневными «конфликты непонимания» между старшими и младшими возрастными группами. Судя по публикациям «о молодежи» и разговорам родителей, преподавателей и учителей, их взаимодействия пропитаны микроконфликтами различной степени тяжести. Расходятся языки общения, распространяется быстроизменяющийся и мультикультурный молодежный сленг, отличны способы получения информации и досуга (интернет vs телевизор). Конфликт отцов и детей, как утверждали классики психоанализа и как показано в художественной литературе, закономерен. Но не приобретает ли он новое, иное качественное содержание и интенсивность? Какое место в нем занимает власть и подчинение? Как и какой образ власти конструируется разными возрастными категориями? Как он реализуется в онлайн-дискуссиях и политическом поведении? Насколько динамика этого образа сопоставима с другими жизненными приоритетами, например семьей и профессиональной карьерой?

Одним из теоретических подходов, связывающих комплексы социально-политических проблем, вопросы возрастных изменений и условий социализации, выступает теория поколений. Наибольший интерес представляют работы, где описываются ценности, нормы, отношения и поведение поколения миллениалов (с 1982 г.р.) как наиболее «лакмусовой» когорты. На это поколение возлагали надежды возврата к «Великой Америке» У. Штраус и Н. Хоу, обосновывая этот процесс сменой архетипов «странников» на «героев» [Howe, Strauss 2000]. Они, согласно Р. Инглхардту, в большей степени отражают в западных обществах

культурную эволюцию, рассматриваемую как переход от ценностей выживания к ценностям самореализации [Инглхардт 2020]. Они, согласно исследованиям Дж. Твенге, первыми с рождения пережили появление и расширение комплексов цифровых технологий, радости и соблазны сетевого общения, их воспитание строилось на безусловной высокой самооценке ребенка [Твенге 2019, 2020], именно они стали задавать стандарты повседневного потребления и стиля жизни, который в западном обществе характерен для наиболее обеспеченных слоев потребления [Соколов 2019]. В России это поколение находилось в фокусе внимания российских исследователей в контексте социального сдвига [Радаев 2019], модернизационных процессов [Левада 2016], изменения ценностей [Яницкий 2019; Юрчак 2016; Антипкин 2018].

Мнения о межнациональных сходствах и различиях в характеристиках поколений и возможности переноса основных положений американских авторов в российские реалии расходятся. «Все они изобретают свой словарь, спокойны, позитивны, экономичны, но одинаковы в разных странах в своем образе жизни. Они добры и виртуально открыты, но предпочитают общение в телефоне с рядом сидящим другом только потому, что не желают расходовать свой энергетический запас, чтобы передать свои чувства, контактировать и вести полноценный разговор на своем языке» [Лукина 2019: 164–183]. К такому выводу приходит Ю.В. Лукина на основе обзора работ, построенных на статистических данных Института здравоохранения США, подчеркивая не только сходство миллениалов во всем мире, но и то, что треть американской молодежи страдает нарциссизмом.

Авторы доклада фонда «Петербургская политика» находят у российских миллениалов как универсальные черты, так и специфически российские характеристики. Вместе с некоторыми универсальными тенденциями — визуализацией, шерингом, отсутствием образа будущего, маркеров «свой — чужой», отказом от упорного труда, отождествлением счастья и успеха, жаждой признания, российские миллениалы имеют более низкие стартовые навыки по сравнению с американскими сверстниками, что, по мнению авторов доклада, превратит их скорее в жертв автоматизации, чем ее бенефициаров [Поколение Y и поколение Z 2017]. Н.П. Попов в статье, посвященной сопоставлению характеристик и исследований российских и американских поколений, отмечает значимость «культурного кода» нации, сформированных на ее основе традиций и принципов организации общественной жизни. Для США —

это либеральная демократия и расовое неравенство, для России — авторитаризм как элемент не только политической практики, но и массового сознания. По мнению автора, эти формальные и неформальные институты имеют большее значение, чем разрывы между поколениями [Попов 2018].

Из последних крупных исследовательских работ, построенных на широком теоретическом обзоре и опирающихся на комплекс эмпирических данных, выделим подход «поколенческого разлома», сформулированный В. Радаевым [Радаев 2019]. Здесь сделан акцент на социальном переломе 2000-х годов, когда в условиях относительного благополучия у российской молодежи появилось множество альтернатив выбора собственного образа жизни, что в общем и стало главной проблемой для самоопределения. Изобилие возможностей в условиях неопределенности, с одной стороны, создает психологическую проблему постоянной фрустрации вследствие страха ошибки, с другой — помещает область «политической активности» в одну из возможных и не всегда главных альтернатив жизненных проектов. В этом случае сложно найти некоторые общие темы со старшими возрастами, уверенными в верности избранного жизненного пути и значимости государственных решений при оценке собственного благополучия (но и неблагополучия). Ситуация приводит к межпоколенческому расколу, параллельному существованию, когда у представителей различных возрастных когорт нет общих тем для разговора. Новое поколение — действительно новое, и в их системе ценностей политика не играет особенной роли.

Напротив, в своих последних работах Ю. Левада утверждал, что в условиях закрытой вертикально-интегрированной институциональной структуры, где нет постепенной преемственности и обновления власти, возникает проблема «беспамятства» молодых, прагматиков на ключевых позициях, лишенных исторической памяти [Левада 2005: 58–59]. «Довольно распространенным лет 15 назад было представление о том, что с разрушением советской системы на общественную сцену выйдет новый человек, достойный гражданин свободной страны. Но такой же иллюзией была и надежда на то, что новое поколение, практически не знавшее советской жизни и советского воспитания, легко и просто изменит жизнь к лучшему... Это не новая молодежь, а всего лишь моложавая смена старой бюрократии, наследующая все черты и пороки своих предшественников. Они не обновляют обветшалые механизмы аппаратов управления, образования, науки и т.д., а встраиваются в них»

[Левада 2016: 684]. Причина, по его мнению, заключается в том, что все проекты модернизации (тоталитарный проект лишь один из них) инициировались вертикальными, осевыми конструирующими общество институтами. «Надежда на спасительную руку государства не покидает людей, не умеющих найти силы в самих себе». Периферийное, закрытое общество, объединяемое вертикальными институтами власти, которые, по сути, не изменились, не имеет шансов на модернизацию [Левада 2016: 41].

В целом сторонники поколенческого подхода выделяют три критерия границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Как правило, динамика и характеристики наиболее рельефно проявляются, когда речь идет о ценностях и поведенческих паттернах городского среднего класса, формирование характеристик поколения зависит от состояния институтов и выбора личных жизненных стратегий в момент юношеской социализации (18–25 лет), границы когорты обычно определяются 20 годами.

На наш взгляд, определенность в дискуссию о межпоколенных сходствах и различиях и изменении основных поведенческих характеристик возрастных когорт во времени могут внести исследования, направленные на процесс конструирования властных отношений. Базовым рабочим понятием для нас выступает «образ власти», т.е. реконструируемый комплекс высказываний о целях, границах и способах использования принуждения и насилия по отношению к «другим», в первую очередь политическим противникам. В. Ледаев из теоретического анализа властных феноменов в философии и науке выводит две традиции интерпретации властных отношений: «власть над...» как асимметричное отношение и игра с нулевой суммой, где рост власти одних автоматически означает потерю ее у других, и «власть для...», при которой власть может осуществляться к всеобщей выгоде [Ледаев 2012: 105–106]. На этой основе мы представляем «образ власти» как переменную с двумя полюсами. На одном — власть, конструируемая как полный, направленный на подавление интересов подвластных открытый контроль и принуждение, здесь действуют различные нормативные стандарты для властвующих и подвластных, и в предельном своем проявлении элитарные группы действуют по формуле «делай или умри». В нашей системе оценок эта власть обозначается как «1». На другом полюсе речь идет о влиянии. Управляющие и управляемые действуют по одной системе формальных и неформальных стандартов, на основе

обоюдно признаваемых интересов и прав. Такой идеализированный концепт «власти для...», построенный на убеждении и авторитете, получит оценку «4» и может быть выражен аристотелевской формулой «общего блага». Промежуточные типы образов власти — «власть-блокировка» («2»), основанная на молчаливом игнорировании интересов неэлитарных групп и пресечении какой-либо несанкционированной активности, и «власть-манипуляция» («3»), где конфликт интересов не осознается подвластными. Если в первом случае спонтанная политическая активность индивидов и групп не допускается в политическое поле (действует принцип «как бы чего ни вышло»), то во втором «индивид делает то, что хочет, но не хочет он того, чего желают другие».

Принято считать, что модернизированное общество и его институты ориентированы на образы «власти для...», рассматривая ее (власть) как малозаметный производственный процесс сложного учета интересов и минимизации силового принуждения. Военная власть (которую мы рассматриваем как кризисный и экстремальный случай власти контроля) как источник социальной власти (экономического, политического, идеологического и силового средств реализации воли) вообще может исчезнуть в перспективе, считает М. Манн. «Все человеческие сообщества нуждаются в экономике, идеологии политике и судебном регулировании. Однако людям не нужна война, и если нет угрозы нападения, то нет нужды даже в обороне» [Манн 2018: 629].

В том случае если гипотеза В. Радаева имеет более весомые основания, то мы должны обнаружить в большем числе случаев у более молодых возрастных когорт тенденцию к конструированию власти в первую очередь на основе многоуровневого сочетания интересов или сложных манипуляций. Рост высказываний, ориентированных на расширение зоны силового принуждения, легитимацию насилия, приоритет борьбы над договоренностями, наоборот, подтвердит предположения Ю. Левады.

Результаты наших исследований в сибирских городах не претендуют на завершенность. Они скорее обозначают некоторые сходства и различия в видении политических и социальных проблем представителями различных поколений и задают направление следующему комплексу исследовательских работ. Нашу эмпирическую базу составляют анализ избирательных кампаний, интервью с представителями власти и лидерами протестных сообществ, сравнительный анализ онлайн- и офлайн-дискуссий на митингах начала 2021 г., материалы фокус-групп

(г. Новосибирск) по изменению значений и приоритетности универсальных жизненных проблем.

Анализ результатов городских и областных избирательных кампаний в городах Томск и Новосибирск 2020 г. показывает, что новое политическое поколение миллениалов активно участвует в политике. Из них состоят штабы большинства оппозиционных партий и объединений. Число кандидатов молодого возраста, зарегистрированных на этих выборах по всем спискам, на четверть выше, чем близкого, но более старшего поколения реформ. При сопоставлении интервью представителей разных поколений отметим, что различия касаются скорее тональности сообщений. Чем старше интервьюируемый, тем вероятнее вне зависимости от политической позиции и статуса он будет жаловаться и обращаться к примерам из прошлого, чем моложе, тем больше точных аргументов и рациональных доводов. В большинстве случаев вне зависимости от возраста оценка личностей, ситуаций и действий строилась на основе моральных стандартов. Характерная черта молодых политиков — ориентация скорее на смыслы и ценности, чем на идеологические догматы или указания партийного руководства. Молодой человек в штабе КПРФ под огромным портретом Сталина будет рассматривать комплекс современных проблем на современном языке менеджмента и юридических норм. Представители старших возрастных групп больше внимания и времени уделяют опасностям и проблемам, связанным с властью чиновников-силовики, алчностью и неконтролируемостью бизнесменов, ужасам национализма и намного чаще используют «образ врага» с соответствующим набором ярлыков [Пустовойт 2020].

Для того чтобы выявить различия в «образах власти», мы собрали и сопоставили новогодние обращения и выложенные в интернет фото политиков руководителей и лидеров оппозиции в столицах сибирских регионов — Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Новокузнецке, Абакане. Эти города рассматриваются нами как «естественные лаборатории», с одной стороны, отражающие политические процессы на федеральном уровне, с другой — отличающиеся локальной спецификой, связанной со структурой экономики, уровнем комфорта и потребления, перспективами для молодежи, городскими режимами и протестной активностью. Ситуацию в них мы подробно изучали в течение последних шести лет. В качестве ключевых политических фигур были выбраны губернатор области, глава города, председатель местного законо-

дательного собрания и лидеры местной системной и несистемной оппозиции. Таким образом, мы построчно просмотрели материалы обращений (более 30 местных политиков), их страницы в социальных сетях и фото (обычно 15–20 фото на человека). Новогоднее обращение выступает значимым ритуалом, символизирующим связь политического деятеля с населением, его видение настоящего, прошлого и будущего, что, безусловно, находит свое отражение и в тиражируемых текстах, и в конструируемом визуальном образе.

Были взяты за основу принципы метода обоснованной теории [Страусс, Корбин 2001: 52–119]. Процедура качественного анализа обычно состоит из двух этапов: сведение текста к сегменту (коду) на основе выделения основной смысловой единицы иногда с добавлением цитаты-иллюстрации кода и интерпретация кода исследователем и далее поиск смысла связей между различными смысловыми единицами. Значимо обозначение адресной аудитории, ее наименование (земляки, друзья, жители...), интерпретация смысла кода (о чем, собственно говоря, идет речь, что находится в фокусе внимания, с какими ценностями и нормами соотносится выступление, какой эмоциональный и рациональный месседж содержится и т.д.) и вывод, призыв к действию. Работа с визуальными образами и их интерпретацией велась на основе принципов, сформулированных П. Штомпой [Штомпка 2006], где главный исследовательский вопрос звучал в духе Р. Барта — «Какой образ власти стоит за изображением?»

Здесь мы рассмотрим только наиболее яркие случаи, приведем примеры обращений, политиков, находящихся на разных должностях и в разных правовых статусах и обстоятельствах. Главным для нас является нахождение сходств и различий в конструировании власти представителями советских и послесоветских поколений. Вначале мы рассмотрим четыре случая высказываний «старших» политиков, занимающих серьезные должности в структуре исполнительной власти, затем четыре случая политиков-миллениалов, преимущественно депутатской оппозиции, и одного губернатора.

В совместном с председателем Алтайского краевого Законодательного собрания поздравлении с Новым годом и Рождеством губернатор В.П. Томенко (1971 г.р. инженер-экономист) обратился к «дорогим жителям Алтайского края», а затем перешел к адресатам более узкого сообщества — «близкие люди — родители, дети и друзья» и далее начал подводить итоги «не самого простого» года с акцентом на героизме

врачей и медсестер и сохранении социальных гарантий, сборе достойного урожая и ремонте дорог, школ, больниц и поликлиник. Закончил напоминанием о юбилее — 75-летию Великой Победы и пожеланием загадать желания, сбывания мечтаний и нахождения рядом родных и близких людей [Губернатор Алтайского края 2020]. «Инстаграм» Виктора Томенко (225 публикаций, 107 подписчиков) включает снимки и видео православно-военной и спортивной тематики, разбавляемые иногда фото с детьми и производственными сюжетами. Фото имиджевые, в традиционном официальном стиле, вызывающие знакомые коннотации на тему «Начальство руководит, объясняет и спрашивает...»¹.

Арестованный мэр Томска И.Г. Кляйн, 1979 г.р., специалист по автоматизированным системам управления, генеральный директор ОАО «Томское пиво», передавал поздравление через адвокатов и Telegram-канал [Томский мэр перебрал 2020]. На официальном портале администрации по-прежнему висит его прошлогоднее видеообращение, где под новогодний праздничный городской видеоряд (новогодний Томск, жители и государственная символика) Иван Кляйн, обращаясь к томичам, говорит о национальных проектах, благодаря которым мы «ремонтируем дороги, строим жилье и т.д.» [Новогоднее поздравление мэра Томска 2019].

Переданное в декабре 2020 г. через защитников обращение состоит из обычных трех частей: обращение с поздравлением, напоминание о тяжелых испытаниях и надежды на возвращение к нормальной жизни, благодарность за поддержку и теплые слова и констатация значения веры, надежды и любви к детям, родителям, близким, к своему дому и городу («Только это имеет значение по-настоящему»). Заканчивается послание пожеланием здоровья, успехов и праздничного настроения [Арестованный мэр 2020]. Над обращением 30 декабря в группе «Дело Кляйна»² расположено символическое темное фото томского катка «Под звездным небом», сочетающего светящийся, созданный искусственными гирляндами верх и темный низ, с несколькими катающимися горожанами за серыми (грязными) барьерами. Снимок, скорее всего,

¹ Персональная страница в «Инстограме». URL: https://www.instagram.com/gubernator_tomenko/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021).

² Группа в телеграмм-канале «Дело Кляйна». URL: <https://t.me/KleinDefense/62> (дата обращения: 01.12.2021).

не попадет в серию «праздничное настроение». Остальные фото — это образы политика (около 30 первых фото на запрос), традиционные имиджевые портреты в официальной (пиджак, галстук, значок) одежде. Здесь практически нет эмоций (выражение лица на двух третях снимков больше «серьезное») и меньше символов власти (одно фото с губернатором, одно с флагом, одно в кресле и одно с выпускниками школ с интригующей и диссонансной относительно выражения лица мэра подписью «Иван Кляйн — веселый мэр Томска»).

Мэр Новокузнецка С.Н. Кузнецов (1969 г.р., факультет иностранных языков) поздравил горожан в «Инстаграме»¹. Традиционное по форме видеобращение (за год до этого поздравление было из проруби) больше обычного по объему (4 минуты), начинается с обращения «Уважаемые новокузнецчане, дорогие друзья» и далее говорится о Ковиде, ограничениях, раздаются поклоны медикам, педагогам, волонтерам, идет переход к смене приоритетов и тому, что «творить добро стало нормой», спасибо автоволонтерам, далее отмечается 75-летие Победы и присвоение городу звания «Город трудовой доблести», поклон ветеранам и труженикам тыла и почитание традиций. Заканчивается набором пожеланий счастья, тепла и удачи. Имиджевые фото политика мало отличаются от обычных фотографий политиков, хотя в гугл-картинках есть пара снимков с обнаженным торсом. В социальных сетях, которые ведутся как дневник, фото самых разных сюжетов. Здесь градоначальник обычно в более неформальной одежде. Иногда в спортивной, хоккейной форме, композиции подчеркивают динамику, движение. Примерно треть сообщений на ленте — видеосюжеты на разные темы: работа транспорта, очистка снега, молодежь, награждения, распоряжения и т.д.

А.В. Лемин (1975 г.р., кандидат экономических наук), глава города Абакана, начинает новогоднее поздравление «Дорогие абаканцы» и обращается к детским воспоминаниям, «когда мохнатые лапы ели были душистые и мягкие». Далее отмечает, что год был «совершенно другим» и многое изменилось, но рядом с каждым из нас были близкие люди, теплая надежная душа», «несмотря ни на что, мы будем творить», заканчивается послание пожеланием: «Желаю каждому из вас чуда, и не только новогоднего <...>, достижений и открытий, здоровья

¹ Персональная страница в «Инстаграм». URL: <https://www.instagram.com/tv/CJdtNUBIQIv/?hl=ru> (дата обращения: 01.12.2021).

и любви». Видеотекст, скорее, ориентирован на эмоциональное объединение, усиленное доверительной тональностью, использованием суггестивных NLP-техник и обращением к общим детским воспоминаниям [Глава Абакана поздравил с Новым годом 2020]. Есть страница «ВКонтакте»¹ (3744 друга, 326 фото) и несколько снимков в «Инстаграме» (Команда Булакина). Лента построена по принципу дневника, много неформальных фото, а также фото из горных походов и спортивных состязаний. На снимках из гугл-картинок часть имиджевых фото сделаны в свободном стиле, с расстегнутым воротом, эмоционально-выразительны, снимки в рабочем кабинете без атрибутики власти.

Лидер томской оппозиции (К.В. Фадеева, 1998 г.р., международный факультет управления, с 2020 г. депутат городской Думы) зарегистрирована во всех социальных сетях, сейчас профили с ограниченным доступом². Краткое обращение размещено на странице «ВКонтакте», в группе «Команда Навального/Томск». Год характеризуется как «год эпидемии, изоляции, потрясений и побед»³. Далее подчеркивается, что главное — победа сотрудников штаба на выборах в Думу и благодарность за поддержку. Поздравление с Новым годом и напоминание о том, что штаб на каникулах. В отличие от предыдущих политиков, здесь фото сделаны в самых разных жанрах и ракурсах. В лентах социальных сетей (например, в «ВК» на момент исследования было отмечено 1593 подписчика, 2445 друзей и 321 фото) идут политические репортажи, селфи с друзьями, зарисовки из путешествий, официальные документы, агитационные материалы. Хотя снимки иногда повторяются, в целом фотографии в каждой из социальных сетей скорее связаны со спецификой ресурса. «Фейсбук» — больше индивидуальные и групповые фото о политической борьбе (митинги, обращения, пикеты),

¹ Персональная страница в «ВК». URL: <https://vk.com/id194440347> (дата обращения: 01.12.2021).

² С 9 июня 2021 г. Мосгорсуд признал экстремистскими организациями «Фонд борьбы с коррупцией» (ФБК, признан иноагентом) Алексея Навального, а также «Фонд защиты прав граждан» (ФЗПГ; юрлицо ФБК, признан иноагентом) и штабы оппозиционера. Подробнее см.: РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2021/608670e09a7947709c4de06c> (дата обращения: 13.12.2021).

³ Этот материал заблокирован на территории РФ на основании требования Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.06.2021 № 27-31-2021/Ид6832-21 (дата обращения: 13.12.2021).

«Инстаграм» — художественные снимки, личные впечатления, эстетика места и времени. Первые 17 снимков по запросу в основном индивидуальны в свободной офисной одежде (красный пиджак), несколько снимков с митингов и агитационных плакатов, молодость, эмоциональность, движение — так можно обозначить основной комплекс ассоциаций.

Новогодние поздравления лидера новосибирской оппозиции С.А. Бойко (1983 г.р., закончил информационные технологии НГУ) размещены на разных ресурсах, отличаются друг от друга содержанием и тональностью. В целом в фокусе внимания сложности становления и проблемы организации «Коалиции 2020», надежды на преодоление и политические планы на год: выборы в Государственную думу и попытка отставки «нерадивого мэра»¹. Фото в «Инстаграме» (446 публикаций, 19,3 тыс. подписчиков) разбиты по темам «Горсовет», «Маска» и т.д. Лента в «Фейсбуке» — неформальные встречи и политические материалы, в группе «ВК» — близкая по теме лента новостей. Снимки политика, как правило, портретные, но в неформальной одежде, часто на фоне города, зданий и агитационных материалов. Статусных признаков нет, подчеркиваются различия с действующими официальными политиками: легкая небритость, отсутствие галстука, новогодние снимки с бокалом, вместо галстука — красная бабочка. Большинство снимков можно интерпретировать в категориях «свободы, равенства, братства», имиджа — «я такой же, как вы», легкости и непринужденности.

Новогоднее обращение главы Республики Хакассия В.О. Коновалова (1987 г.р., юрист) на фоне елки и в окружении символов государства и республики начинается с обращения «Уважаемые друзья». Далее говорится об испытании на прочность, изменении и сплочении [Глава Хакассии Валентин Коновалов...2020]. Второй абзац посвящен достижениям в строительстве новых школ, садов и спортивных сооружений, подчеркивается, что это результат труда всех земляков, которые «любят и ценят свою малую Родину». Заканчивается пожеланиями мира, благополучия любви, здоровья и исполнения желаний. Глава республики активен в социальных сетях «ВКонтакте» (23 тысячи подписчиков, 9961 друга, 4866 фото), «Инстаграм» (2048 публикаций, 74,2 тыс. подписчиков), ведет свой блог и регулярно общается на ютуб-канале

¹ Персональная страница в «Инстаграме». URL: <https://www.instagram.com/p/CJd4x6PCzWT/> (дата обращения: 01.12.2021).

(8,43 тыс. подписчиков)¹. Хотя большая часть фото — официальный дневник (заседания, повестки совещания), часть снимков — с неформальных (баня) и семейных мероприятий. Ленты в социальных сетях практически дублируют друг друга. Гугл-картинки показывают имиджевые официальные фото, часть с государственной символикой, часть с символикой КПРФ. Примерно половина официальных снимков эмоционально выразительные, причем диапазон эмоций самый разнообразный.

Близкий по возрасту и политической активности в 2020 г. позиционирующий себя как лидер протестного объединения Денис Щедрин (1981 г.р., инженер), руководитель движения «Сила Кузбасса» («ВКонтакте» 2028 подписчиков, 8881 друга, 95 фото) на Новой год опубликовал два поздравления от себя и движения. Тексты идут без обращения и представляют собой комплекс пожеланий, где соседствуют новые надежды, успехи и победы, подчеркивается необходимость наличия энергии и смекалки, ясные и конкретные планы социально-экономического развития и реальные возможности их воплощения в жизнь. Из приоритетов назван недостаток в доме, мир и любовь в семье. Снимки в ленте — несколько портретных фото и открытки. Часть фото любительские, как правило, на снимках политик в костюме и в галстук, тексты в основном в «боевой» тональности («я настроен на борьбу...», «держитесь, чиновники...»)².

Все новогодние обращения можно разделить на две группы. В первом случае (характерном для представителей власти) новогодняя повестка как уверенность в будущем и оптимизм достигается за счет повторения фраз о победах в прошлом и перечисления некоторых желательных эмоций и коллективных трудовых достижений. В новогодних поздравлениях представители действующей власти обращаются к населению «как к равным», подчеркивая его «ценность» и значимость близкому социальному и повседневному кругу взаимодействия (семья, друзья) и далее начинают конструировать или обозначать «желаемые для себя» эмоциональные состояния. Хотя аудитория послания, возможно, не испытывает требуемого от него «социального оптимизма»,

¹ Персональный блог. URL: <https://www.youtube.com/c/ValentinKonovalov1917> (дата обращения: 01.11.2021).

² Персональная страница в «ВК». URL: <https://vk.com/denis9832509000> (дата обращения: 01.11.2021).

не особенно верна «прошлым традициям», «трудовым успехам» и не придает значимости реализации национальных проектов. При этом обычно визуальный ряд не соответствует вербальному. Предлагаемые фото образов политиков — это истории предельно индивидуального (даже не семейного) успеха в достижении власти и высокого уровня благосостояния. На подавляющем большинстве фотографий — герой в галстуке в статусной одежде, иногда в окружении символов власти. В предложенной нами системе оценок конструируемый образ власти получит 1–2, что можно подтвердить «силовой» символикой, насыщенной военными элементами и настраивающими на бескомпромиссную войну.

Во втором случае (характерном для более молодых и оппозиционных политиков), тема обращений сосредоточена на настоящем. Если представители власти говорят скорее о том, что должны переживать «другие», то оппозиция, обращаясь к своим сторонникам, говорит о себе, своих планах, конфликтах, переживаниях и перспективах. Как правило, здесь в фокусе политического внимания разрыв между желаемым и происходящим. Концентрация на настоящем в этой повестке снимает необходимость точной артикуляции будущего, проговаривание испытываемых эмоций, локализация материальных проблем служит стимулом для объединения и участия в коллективных мероприятиях. Обычно визуальный ряд соответствует вербальному, декларированные идеи и ценности отражены в фотосюжетах, в которых подчеркивается индивидуализм, свобода, спонтанность, диалог. В нашей системе оценок конструирования образа власти — это больше 3–4.

Для того чтобы понять, какие образы власти преобладают в той или иной возрастной аудитории и в разных городах, мы обратились к случаю «23 января» и призыву А. Навального выйти на митинг. С помощью поисковой машины IQBuzz, созданной для отслеживания репутации в интернете, мы получили и проанализировали определенный массив сообщений. Система провела мониторинг социальных медиа по заданному поисковому запросу — *Свободу&Навальному Алексей&Навальный 23&января Навальный&живи Навальный #свободунавальному #наваль-ныйживи #митинг23января #протест*. Мониторинг осуществлялся за период с 20 по 26 января 2021 г. (три дня до митинга, три после), на русском языке, по России и регионам, в которых расположены интересующие нас города с известными мобилизационными повестками (оценка эффективности действий оппозиции) Новосибирск, Томск,

Абакан, Барнаул, Кемерово, Новокузнецк. Алгоритм автоматически определяет тональность собранных материалов, но поставленные ей оценки требуют корректировки. Отнесение сообщения к негативному или позитивному не означает отрицательной или положительной оценки мероприятия, личности, политика и т.д., так как система просто определяет общий эмоциональный настрой автора, но обычно не указывает объект этого настроения. Выделили пики дискуссий, т.е. день и время, когда проходило основное обсуждение, и определяли в эти дни основные социально-демографические характеристики их участников. Для нас здесь важен возраст, в системе он не совпадает с границами поколений, но дает представление о том, как реагируют различные возрастные когорты на сообщения.

По разным оценкам, 23 января 2021 г. в 198 городах России и 95 городах за рубежом в митингах приняло участие от 110 тыс. до 250 тыс. человек. В ходе протестов было 4 тыс. задержанных, из которых около 300 — несовершеннолетние¹. Для нашего анализа важно знать, что часть информации (например, в сети «ВКонтакте» — 50 %) была заблокирована и удалена по требованию Генеральной прокуратуры, и система не учитывала ряд популярных ресурсов (например, «Фейсбук», «Твиттер» и т.д.). Поисковая система обнаружила за этот период 14 641 сообщение (73 % от всего массива), из них 1353 оценила как негативные, 274 как позитивные, 106 как смешенные, тональность остальных автоматически не обработана (помечаются как нейтральные). Негативные сообщения преобладают в массиве и среди более молодой аудитории.

¹ Акции 23 января. Главное Мощное выступление регионов, три тысячи задержанных (это рекорд). И уже более 10 уголовных дел // Медуза. 24.01.2021. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvarya-glavnoe> (дата обращения: 01.11.2021). (С 23 апреля 2021 г. издание «Медуза» должно ставить дисклеймер: данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.); Новая акция в поддержку Навального. Главное // РБК. 31.01. 2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/31/01/2021/6013f2a99a79474815347780?fbclid=IwAR0Elq40krN0GWYmZWDcQJxraDrfPn7L-sGKIfxZ6_FoWW01ulpVzGqk_-w (дата обращения: 01.11.2021); Кто они эти протестующие. Пост Александры Архиповой. 02.02.2021. URL: <https://www.facebook.com/photo?fbid=4562372340457020&set=a.101960386498260> (дата обращения: 01.11.2021).

По числу комментариев, лайков и репостов (из 30 отобранных текстов все «ВКонтакте», 18 материалов закреплены за группами, 12 — индивидуальные, 6 не имеют к обсуждаемой теме никакого отношения).

Из самых популярных 30 сообщений, отобранных системой, половина закреплена за группами, половина за авторами, критически относящимся к митинговой активности. Их тональность вызывает мало сомнений в характере дискуссии и «образе власти» их носителей. Например: *После первой волны митингов полноценную жертву тирании найти не получилось (тему питерской тетушки, которую полицейский ударил ногой в живот, система отработала). В последующих митингах, чтобы в «движняк» включить не только политически активных граждан, но и, главное, обывателей, такая жертва неизбежно должна появиться. И после этого начнется уже совсем другая история*¹ (депутат от КПРФ, 1984 г.р., 21 комментарий, 114 лайков и 34 репоста). *Пару слов в защиту молодежи вышедшей на несанкционированные акции протеста 23 января. Они вышли туда не потому что их за собой позвал Навальный, они вышли туда, потому что чувствуют острую несправедливость в обществе, потому что их терпение лопнуло раньше, чем терпение у их родителей. 23 января не случилось бы, если бы более старшее поколение активнее принимало участие в политической жизни»* (32 года, 25 комментариев, 45 лайков, 12 репостов)² (орфография и лексика сохранены).

Общая тенденция по числу найденных системой документов (из нее выпадает Томск) — чем больше сообщений, тем больше участников мероприятий. В каждом городе и регионе в фокусе внимания находилась своя группа проблем. В Новосибирске и Томске доминировала агрессивная и уничижительная критика, направленная против сторонников митинга, немного разбавленная депутатскими постами с пафосной аргументацией. В Кемеровской области 23 января прошло под условным лозунгом «защитим детей», и все усилия администрации и ее сторонников в цифровой среде были направлены на предотвращение гипотетического детского бунта. В Абакане старшая возрастная категория «устыжала» и осуждала лидера оппозиции как нарушителя спокойствия,

¹ Персональная страница в «ВК». URL https://m.vk.com/wall866562_4207 (дата обращения: 01.11.2021).

² Персональная страница в «Одноклассниках». URL <https://ok.ru/artcibashev/statuses> (дата обращения: 01.11.2021).

агента воображаемого Запада и т.д. В Барнауле критика протестующих велась в основном из классовых, марксистских позиций.

Во всех случаях в фокусе внимания была личность Навального, а не ситуация и ее правовая оценка. Обычно тексты строились по общему алгоритму: оценка личности (герой или подлец) — гипотетическая причина (возмущение несправедливостью и обличение сильных — отрабатывание денег хозяев) — сторонники и их характеристики (честные бесстрашные граждане — молодые безмозглые сумасшедшие), оценка результата (неадекватные репрессии — наведение законного порядка).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По имеющимся у нас материалам можно утверждать, что конструирование образа власти строится на основе места в системе власти, специфики региона (города) и только потом на основе принадлежности к тому или иному поколению.

Образ власти зависит в первую очередь от позиции в системе властных отношений. Занятие официальной «системной» политической позиции означает следование эмоциональным, рациональным и поведенческим паттернам в логике власти-контроля, окружение себя символами, подчеркивающими государственную мощь, следование воинским традициям и рассмотрение повседневной жизни в категориях долга, подвига и успеха.

Здесь есть определенная региональная (городская) специфика, связанная с особенностями местной социально-экономической жизни и имеющимися объемами культурного и социального капитала. В наиболее модернизированных и благополучных городах правящие группы ориентированы на индивидуальный отбор и инкорпорацию активных миллениалов в политическую систему через механизмы различных школ и конкурсов и далее включения наиболее перспективных в циклы электоральной и партийной конкуренции. В регионах со сложившейся авторитарной моделью управления (Кемеровская область) официальная власть активно зачищает политическое поле от всех возможных оппонентов, выдавливая их в другие регионы, и прекращает любую дискуссию, переводя ее в административное поле обеспечения безопасности. В городах с более сложной экономической ситуацией (Барнаул) при росте инициативы и активности оппозиции происходит обострение политической борьбы и в социальных сетях, и на площадях. Здесь оппо-

зиция («системная») может добиться определенного успеха (Абакан), но в силу сложившихся образов власти («власти над...») и ограниченности прежде всего экономических ресурсов ей вряд ли удастся создать устойчивые локальные коалиции власти.

Что касается поколенческого фактора, то пока он проявляется в стилистических отличиях, способах коммуникации и саморепрезентации. Чем моложе возраст, тем более значима политика в онлайн-измерении. Взаимодействие в политических институтах, организациях и уличной активности для молодых политиков сразу находят свое отражение в цифровой среде. Более старшее поколение проявляет сетевую активность, за редким исключением, только в наиболее модернизированных городах. Наиболее яркие различия мы увидели преимущественно в эмоциональной сфере. Миллениалы, как правило, ярко демонстрируют свои эмоции на публике, артикулируют свои переживания по любому поводу, не проводя особенных различий между личной и общественной жизнью, тяготея к сильному выражению чувств, гневу по отношению к политическим оппонентам и эмоциональному принятию союзников и последователей.

Основной символический конфликт проходит между «властными» и «провластными» сообществами, имеющими конкурентные коллективные и индивидуальные преимущества в рамках официальной политики, и теми, кто их не имеет («несистемной оппозицией»). «Разлом» как отказ от коммуникации и полное неприятие оппонента проходит скорее внутри каждого поколения, между ровесниками, часть которых включена в официальную политическую систему, а часть действует в политическом поле самостоятельно.

В целом гипотеза Ю. Левады выглядит более состоятельной. Миллениалы, участвующие в политической жизни, занимающие место в публичных структурах власти и «системной оппозиции», конструируют образ власти на основе контроля, «власти над...». В этом контексте, если рассматривать города как «естественные лаборатории», перспективы либерализации и демократизации российского общества переносятся уже в «очень отдаленное будущее».

Литература

Анипкин М. А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. №. 1. С. 290–308.

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Litres, 2020. 400 с.

Левада Ю. Время перемен: Предмет и позиция исследователя. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 872 с.

Левада Ю., Шанин Т. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛО, 2005. 328 с.

Ледяев В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.

Лукина Ю.В. Миллениалы, их характер, особый словарь и влияние на бизнес по всему миру // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания: сб. науч. ст. / отв. ред. И.Е. Коптелова. М.: Дипломатическая академия; Квант Медиа, 2019. С. 164–183.

Манн М. Источники социальной власти. Т. 4: Глобализации 1945–2011 годы. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. 230 с.

Соколов М. М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 71–91.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Поколение Y и поколение Z в поиске собственных мест под Солнцем // Фонд «Петербургская политика». 19.04.2017. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-rokolenie-huz> (дата обращения: 10.08.2018).

Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>.

Пустовойт Ю. А. Протест как крик, работа и вера: формирование протестной идентичности (по результатам исследований в сибирских городах) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 277–284. doi: 10.17223/1998863X/57/26.

Твенге Д. Поколение I. М.: Рипол Классик, 2019. 464 с.

Твенге Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М.: Litres, 2020. 336 с.

Штомпка П. Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос-М, 2007. 231 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2016. 664 с.

Яницкий М.С. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С.46–67.

Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. New York: Vintage, 2000. 432 p.

Источники

Арестованный мэр Томска поздравил горожан с Новым годом // Коммерсант. 31.12.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4638155> (дата обращения: 01.12.2021).

Глава Абакана поздравил с Новым годом // Пульс Хакасии. 31.12.2020 URL: <https://pulse19.ru/80829-glava-abakana-pozdravil-s-novym-godom/> (дата обращения: 01.12.2021).

Глава Хакасии Валентин Коновалов поздравил жителей республики с наступающим Новым годом // Правда 19. 30.12.2020. URL: <http://pravda19.ru/2020/12/30/> (дата обращения 01.12.2021).

Губернатор Алтайского края Виктор Томенко поздравляет // Вести-Алтай. 31.12.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SgYPOi8PHWA&ab_channel=Вести-Алтай (дата обращения: 01.12.2021).

Новогоднее поздравление мэра Томска // Администрация города Томска официальный сайт. URL <http://admin.tomsk.ru/pgs/sax> (дата обращения: 01.12.2021).

Томский мэр перебрал с пивом. Ивана Кляйна взяли в прямом эфире // Коммерсант. 13.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4573132> (дата обращения: 01.12.2021).

THE CHANGE OF POLITICAL GENERATIONS IN SIBERIAN CITIES: THE DYNAMICS OF POWER RELATIONS IN ONLINE AND OFFLINE ENVIRONMENTS

Y.A. Pustovoyt

(pustovoyt1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — the branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia

Citation: Pustovoyt Yu. Smena politicheskikh pokoleniy v gorodakh Sibiri: dinamika obrazov vlastnykh otnosheniy v onlayn i oflayn srede [The change of political generations in Siberian cities: the dynamics of power relations in online and offline environments]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 148–169. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.6>

Abstract. *The author's vision of the process of change of political generations is considered. The problem of political choice of modern Russian youth — millennials*

born after 1982 is in the focus of attention. According to some approaches this generation is fundamentally different from the previous ones, because it went through youth socialization in the conditions of relative well-being of the zero years, which led to the decline of importance of the political component in life plans and the appearance and growth of other ways of self-representation (V. Radaev). Other authors (Y. Levada) emphasize that the vertical institutions of power that construct society remained unchanged, which contributes to the reproduction of the same archaic features that were inherent in the Soviet man. On the basis of empirical research in Novosibirsk and other Siberian cities, the course and results of election campaigns, the analysis of texts and images of politicians in New Year's addresses and internet polemics ("the case of January 23") the author comes to the conclusion that the construction of power relations is primarily based on the place in the power system, the specificity of the region (city) and only then on the membership in this or that generation. Millennials, who participate in political life and occupy a place in the public structures of power, construct the same approaches to the use of power resources as older age groups.

Key words: generations, "boomers", "millennials", cities, mobilization agenda, urban regime, identity, Siberia.

References

Anipkin M. A. Pokolenie "lishnikh lyudey": antropologicheskii portret poslednego sovetskogo pokoleniya [Generation of "superfluous people": an anthropological portrait of the last Soviet generation]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. [Debates on politics and culture], 2018, 1, pp 290–308. (In Russian)

Howe N., Strauss W. *Millennials rising: The next great generation*. New York: Vintage, 2000. 432 p.

Inglkhart R. [Inglehart R.] *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world]. Moscow: Litres, 2020. 400 p. (In Russian)

Ledyayev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Levada Yu. *Vremya peremen: Predmet i pozitsiya issledovatelya* [Time for change: The subject and the researcher's position]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie [New Literary Review], 2016. 872 p. (In Russian)

Levada Yu., Shanin T. *Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie [New Literary Review], 2005. 328 p (In Russian)

Lukina Yu. V. *Millenialy, ikh kharakter, osoby slovar' i vliyaniye na biznes po vsemu miru* [Millennials, their character, special vocabulary and the impact on business around the world]. In: *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Aktual'nyye voprosy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya: sb. nauch. st.* [Language. Culture. Society. Topical issues, research

methods and teaching problems: collection of scientific articles]. Ed. by I.Ye. Koptelova. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya: Kvant Media, 2019, pp. 164–183. (In Russian)

Mann M. *Istochniki sotsial'noy vlasti. Tom 4: Globalizatsii 1945–2011 gody* [Sources of social power. Vol. 4: Globalizations 1945–2011]. Moscow: “Delo” Publishing House RANEP. 2018. 672 p. (In Russian)

Pokolenie Y i pokolenie Z v poiske sobstvennykh mest pod solntsem [Generation Y and Generation Z in search of their own places under the Sun]. *Fond «Peterburgskaya politika»*. [St. Petersburg Policy Foundation], 2017. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-pokolenie-xyz> (access: 10.08.2018). (In Russian)

Popov N.P. Rossiyskie i amerikanskie pokoleniya XX veka: otkuda prishli millenialy? [Russian and American generations of the 20th century: where did the Millennials come from?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 2018, 4, pp. 309–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>. (In Russian)

Pustovoyt Yu. A. Protest kak krik, rabota i vera: formirovanie protestnoy identichnosti (po rezul'tatam issledovaniy v sibirskikh gorodakh) [Protest as a cry, work and faith: the formation of protest identity (based on the results of research in Siberian cities)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Vestnik of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2020, 57, pp. 277–284. doi: 10.17223/1998863X/57/26. (In Russian)

Radaev V. *Millenialy. Kak menjaetsja rossijskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: HSE, 2019, 230 p. (In Russian)

Sokolov M.M. Pokoleniya vmesto klassov? Vozrast i potrebitel'skaya revolyutsiya v Rossii [Generations instead of classes? Age and the consumer revolution in Russia]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2019, 31 (1), pp. 71–91. (In Russian)

Strauss A., *Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaja teorija, procedury i tehniki* [Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 256 p. (In Russian)

Shtompka P. *Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak metod issledovaniya*. [Visual sociology: photography as a research method]. Moscow: Logos, 2007. 231 p. (In Russian)

Tvenge D. *Pokolenie I.* [Generation I]. Moscow: Ripol Klassik, 2019. 454 p. (In Russian)

Tvenge D. *Pokolenie selfi. Kto takie millenialy i kak nayti s nimi obshchiy yazyk.* [The Selfie Generation. Who millennials are and how to find common ground with them]. Moscow: Litres, 2020. 336 p (In Russian)

Yanitskiy M. S. Sistema tsennostnykh orientatsiy “pokoleniya Z”: sotsial'nye, kul'turnye i demograficheskie determinanty [The system of value orientations “generation Z”: social, cultural and demographic determinants]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. [Siberian Psychological Journal], 2019, 72, pp. 46–67. (In Russian)

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: New Literary Review, 2016. 664 p. (In Russian)

ЭЛИТЫ В ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

ПЕРЕСТАЛИ ЛИ БЫТЬ ПОЛИТИЧЕСКИМИ АКТОРАМИ ЛИДЕРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ?

В.А. Ачкасов

val-achkasov@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ачкасов В.А. Перестали ли быть политическими акторами лидеры региональных националистических организаций? // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 170–183.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.7>

Аннотация. *Рассматриваются место и роль национальной интеллигенции в подъеме этнонационализма и становлении национальных движений в республиках России в 1990-х годах. Однако прежде всего автор задается вопросом: перестали ли местные этнические и региональные организации и их лидеры быть политическими акторами? Отвечая на него, автор анализирует политические биографии трех ведущих лидеров национального движения Республики Татарстан 1990-х годов: представителя республиканской номенклатуры Талгата Абдуллина, идеолога умеренного татарского национализма Рафаэля Хакимова и лидера непримиримых татарских националистов Фаузии Байрамовой. В результате он приходит к заключению, согласно которому в новых условиях деконцептуализации этнонационализмов и формальной деполитизации этнонациональных организаций в Татарстане и многих других республиках в составе России не произошло политической маргинализации лидеров националистов, они сохранили политическую субъектность. Начался поиск новых сфер, в которых националисты и этнонационалистические практики могли бы существовать (органы государственного управления, образования, культуры, СМИ и науки). Параллельно происходит радикализация этнонационализма о чем свидетельствует появление лидеров и организа-*

ций, воспринявших идеи и требования национал-радикалов 1990-х годов. Потому потенциальная угроза эскалации агрессивного этнонационализма и связанного с ним сепаратизма в национальных республиках России по-прежнему остается.

Ключевые слова: этнонационализм, национальные движения, политическое лидерство, властные элиты, государствообразующий народ, виктимизация коллективного сознания, этнополитическая мобилизация.

Хорошо известно, какую роль играла так называемая национальная интеллигенция в подъеме этнонационализма и становлении национальных движений в республиках России. Даны и объяснения ее политической сверхактивности в условиях распада государственности. Как заметил Г. Дерлугьян, «националистический радикализм наиболее свойственен провинциальным интеллигентам низкого статуса — им нечего терять, их карьерные возможности ограничены самим их этническим провинциализмом, а потому им остается лишь обратиться к недостатку в достоинство» [Дерлугьян 2010: 135]. Впрочем, претенденты на лидерство в национальных движениях не представляли собой нечто единое. Так, В. Малахов проводит различие между «этническими активистами двух типов — “прагматиками” и “романтиками”. Прагматики, или этнопредприниматели в строгом смысле слова (“брокеры от культуры”, по выражению Абнера Коэна), — это общественные деятели, использовавшие этничность с целью приобретения или накопления политического капитала. Романтики — это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» [Малахов 2007].

Именно эти «брокеры от культуры», а не участники диссидентского движения, которых можно отнести к числу этнических активистов — «романтиков», стали главными инициаторами разработки идейных оснований и создания этнонациональных организаций на рубеже 1980–1990-х годов в союзных республиках СССР и национальных регионах России.

Основным способом борьбы за лидерство и признания в такой ситуации стала апелляция к утрачиваемым примордиальным этнообразующим признакам, своеобразная маргинализация своего этнического сообщества. В групповое сознание внедрялось представление

об ущербности, ущемленности, «остаточности» этнообразующих маркеров, комплекс этнокультурной и политической «неполноценности» и/или комплекс «народа-жертвы». Виктимизация коллективного сознания закрепляла негативные стереотипы и установки по отношению к другим этническим группам, прежде всего к русским, способствуя формированию значительного мобилизационного потенциала.

Правда, зачастую властные элиты «перехватывали» у этнических активистов данной политической ресурс. Тем не менее во многих случаях формировалась система «патронажа» националистических движений со стороны региональных властей или же власти могли перехватить у них этническую проблематику и использовать ее в политической борьбе с Центром за особый статус и привилегии (Татарстан, Башкортостан, Саха — Якутия, Тыва и др.). Как отмечают Ю.П. Шабаев и А.М. Чарина, «довольно быстро... во всех этнических автономиях власти поняли, что в их борьбе с федеральным центром за полномочия и ресурсы этнонациональные движения могут быть очень полезны. Поэтому на смену конфронтации пришли новые формы взаимодействия: в одних случаях это был пакт элит (политической и этнической), в других — клиентские отношения, в-третьих — патернализм» [Шабаев, Чарина 2008: 79–80]. При этом власти чаще всего в качестве контрагентов выбирали именно «прагматиков-этнопредпринимателей», более близких им по духу.

Усиление в 2000-е годы федеральных политических институтов — «вертикализация власти» и одновременное ослабление роли институтов региональных — привело не только к радикальному изменению отношений по линии центр — периферия, но и к тому, что этнонациональные движения, казалось бы, перестали рассматриваться региональными политическими лидерами как важный ресурс давления и шантажа федерального центра, а ослабление политической поддержки со стороны власти заставило лидеров этнонациональных движений не только поменять их статус (преобразоваться из политических в общественные или культурные организации), но зачастую публично отказаться и от наиболее радикальных политических требований, являвшихся важными составляющими их идеологий. Однако перестали ли местные этнические и региональные организации и их лидеры быть политическими акторами? Попробуем ответить на это вопрос, проследив политическую траекторию нескольких лидеров национального движения Татарстана 1990-х годов.

«Смотрящий» от номенклатуры Талгат Абдуллин — типичный представитель республиканской партхозноменклатуры. С 1984 по 1990 г. работал в исполнительном комитете Совета народных депутатов г. Набережные Челны (до 6 января 1988 г. — г. Брежнев), сначала в должности заместителя, затем первого заместителя председателя исполкома горсовета — председателя городской плановой комиссии. На момент начала институционализации националистического движения в Татарстане депутат Верховного Совета Татарстана и руководитель его крупнейшей депутатской группы «Татарстан». 1–2 февраля 1992 г. в Казань съехались 877 делегатов из районов Татарстана и регионов России. Они собрались на организационный курултай Милли (Национального) меджлиса. В организации курултая принял деятельное участие Талгат Абдуллин. В результате его избрали первым председателем Милли меджлиса, который был на курултае объявлен высшим представительным органом татарского народа, выполняющим эту функцию между Все-татарскими народными курултаями. При этом было также заявлено, что он обладает правом отмены законов и указов Президента Татарстана. В этой должности Абдуллин проработал два года, сохраняя депутатский мандат Госсовета РТ (депутат Госсовета РТ четырех созывов) и должность на государственной службе, а позже даже получил место в руководстве «Единой России», став членом политсовета партии. С 1997 г. в течение более 20 лет он занимал пост исполнительного директора некоммерческой организации «Государственный жилищный фонд при Президенте Республики Татарстан». В 2018 г. после нескольких громких коррупционных скандалов отправлен президентом Татарстана в отставку. Однако сохранил синекуру, сейчас он является членом совета директоров и комитета по стратегии ПАО «Ак Барс Банк» [Абдуллин 2021].

Характерно, что в официальной биографии Т. Абдуллина нет даже упоминания о его председательстве в Милли меджлисе. Однако в недавнем интервью Абдуллин поделился воспоминаниями об этом периоде своей жизни и, в частности, заявил, что нельзя недооценивать роль Милли меджлиса в развитии Татарстана. Сегодняшний статус республики — во многом заслуга этого органа. Кроме того, благодаря Меджлису татары стали уважать себя: «В те годы татары считались нацией, которая подавлялась. В трамваях по-татарски говорить нельзя, обычаи и традиции свои тихо-мирно... Нужен был рост национального самосознания. Милли меджлис был национальным собранием, а не органом

государственной власти. Это был орган, который подсказывал народу, как себя вести в обществе, как стать самостоятельным и полноценным и понять, что от тебя зависит мир» [Алан 2017].

Талгат Абдуллин — пример татарского националиста из правящей республиканской элиты, который выполнял две важные функции: обеспечивал контроль над национальным движением и создавал условия для деятельности националистических организаций (Татарский общественный центр, Татарская партия национальной независимости «Иттифак» и др.).

Идеолог умеренного татарского национализма Рафаэль Хакимов. Выходец из вузовской интеллигенции Казани. В начале 1990-х годов он уже заместитель заведующего идеологическим отделом Татарского обкома КПСС. На первом съезде Татарского общественного центра (ТОЦ) в феврале 1992 г. был избран членом правления ТОЦ. Именно Хакимов и этнолог Дамир Исхаков (тоже член правления ТОЦ в тот период) написали политическую программу этой националистической организации. В течение 16 лет входил в ближайший круг президента Минтимера Шаймиева, до весны 2008 г. был его советником и доверенным лицом, журналисты даже называли его «серым кардиналом» при М. Шаймиеве. Именно он теоретически обосновал необходимость обретения суверенитета Татарстаном. В 2008 г. Хакимов переквалифицировался в руководителя исторической науки Татарстана: был избран вице-президентом Академии наук РТ и возглавил Институт истории Академии наук Татарстана и Казанский институт федерализма [Хакимов 2021]. Следует отметить, что свое вдохновение и аргументы татарские националисты черпают из учебников и псевдонаучных книг по истории Татарстана и России, которые вот уже много лет пишут и издают в Институте истории Академии наук Татарстана, что «формирует этноконфликтную историческую память у татар», — отмечает эксперт, руководитель Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований (РИСИ) Раис Сулейманов [Раис Сулейманов 2013; Татарские сепаратисты 2013]. Хакимов считается автором концепции «евроислама», в которой, в частности, утверждается, что татарский джадидистский вариант ислама, во-первых, обеспечивает мирное существование различных этнических групп и конфессий, так как ханафитский мазхаб, принятый у татар, отличается толерантностью. В результате толерантный ислам играет роль сдерживающего фактора в полиэтничном татарском обществе, являясь средством от этнического

и религиозного экстремизма. Во-вторых, способствует интеграции европейской и мусульманской цивилизаций. Многие татарские интеллектуалы, а за ними и политики утверждают, что «татарский ислам» сближает Запад и мир ислама, сохраняя при этом верность основным постулатам религии и ее нравственным основам. Книга Р. Хакимова «Где наша Мекка?» (2008) — своеобразный манифест евроислама.

Сегодня Хакимов активно проводит идею государствообразующего статуса татар наряду с русскими. В одном из недавних интервью он, в частности заявил: «Если сравнивать Золотую Орду с другими государствами, то, на мой взгляд, ее сложно с кем-то близко сопоставить. Кого еще можно поставить рядом по развитости экономики, инфраструктуры, финансовой системы, военной мощи? В тот период Золотая Орда была самой развитой цивилизацией, нравится это кому-то или нет. Что касается русских княжеств, то они просто уничтожали друг друга, а Золотая Орда помогла им прекратить эти междоусобицы и наконец объединиться» [Золотая Орда 2019].

Как результат деятельности именно таких ученых, как Р. Хакимов, и его соратников по идеологической борьбе сегодня возникла острая проблема обеспечения единства исторического мифа на пространствах России, «поскольку во многих автономных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей формирования общероссийской идентичности. Эта тема политики памяти может стать в ближайшее время полем серьезной политической борьбы», — резонно утверждает А. Миллер [Миллер 2015: 124].

Хакимов по-прежнему входит и в экономическую элиту Татарстана, сохраняя пост председателя Совета директоров ОАО «Казанский медико-инструментальный завод».

Политический лидер непримиримых татарских националистов Фаузия Байрамова — «бабушка татарского национализма». Писательница Фаузия Байрамова активной политической деятельностью занимается с 1989 г. Входила в инициативный центр Народного фронта Татарстана (1989), но вскоре вышла из него из-за политических разногласий. С 1989 г. участвовала в деятельности Татарского общественного центра (ТОЦ), стала одним из организаторов созыва организационного курултая Милли меджлиса (февраль 1992 г.), входила в число основателей татарской партии национальной независимости «Иттифак» — первой радикально националистической партии в Татарстане. Главной целью «Иттифак» и сегодня является достижение независимо-

сти Татарстана. На первом съезде партии Байрамова была выбрана председателем, затем была повторно избрана на тот же пост на четвертом съезде в 1997 г. и более 20 лет являлась лидером партии. Издавала газету «Алтын Урда» («Золотая Орда») до ее закрытия властями Татарстана. В 1990–1995 гг. народный депутат Республики Татарстан.

Если одной из ключевых официальных идеологием Татарстана является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в начале 1990-х годов национальной государственности [Хакимов и др. 2007], то в риторике радикальных татарских националистов красной нитью проходит мысль о том, что обретенный в начале 1990-х годов суверенитет сегодня вновь утрачен. Поэтому Х. Байрамова и сегодня активный борец против «российского колониализма», «оккупации Татарстана» и «угнетения татарского народа». Она также подозревается журналистами в благосклонном отношении к так называемой освободительной миссии германского национал-социализма.

Байрамова дважды привлекалась к судебной ответственности за «разжигание межнациональной розни». В 2010 г. судом г. Набережные Челны была признана виновной в разжигании межнациональной розни и осуждена на один год условно за распространение текста резолюции сессии Милли меджлиса от 20 декабря 2008 г., на которой был утвержден состав «правительства Татарстана в изгнании» и обращение «ко всем государствам мира и ООН» с просьбой признать государственный суверенитет Татарстана, провозглашенный 30 августа 1990 г. В 2014 г. была вновь признана виновной в разжигании межнациональной розни (ст. 282, ч. 1 УК РФ) и осуждена на один год условно за публикацию в соцсетях записи «Звери и жертвы» и «Заявления Милли меджлиса татарского народа по ситуации на Украине и в Крыму».

Байрамова — постоянная и активная участница ежегодной политической акции «День памяти и скорби татарского народа» (тат. *Хәтәр көне*), проводящейся в Казани в годовщину взятия столицы Казанского ханства войсками Ивана Грозного. Утверждается, что она начала постепенно отходить от активной политической деятельности в связи с ухудшающимся здоровьем [Байрамова 2021].

Однако, видимо, у «бабушки татарского национализма» есть еще порох в пороховницах. Так, на митингах, прошедших в 2019 г. в Казани с требованиями воплотить в жизнь декларацию о государственном суверенитете республики, вернуться к конституции 1992 г. и восстановить татарскую государственность в полном объеме, Фаузия Байрамова

выступила с радикально-сепаратистских позиций: «Мы должны выходить на международную арену с требованием деколонизации Татарстана. Мы — татары — живем на оккупированной с 1552 года территории. Нам надо встать на ноги, выйти в мир и сказать, что мы живем в колонии! Мы — не только татары, но и марийцы, удмурты, чуваша — требуем деколонизации, то есть признания того, что мы — оккупированная территория» [Макухин 2020].

Ожидаемо отреагировала Байрамова и на появление в Конституции России новеллы о «государствообразующем статусе русского народа». В недавнем интервью она, в частности, заявила: «...сейчас в Конституцию России внесли изменения, и кто у нас государствообразующий народ? Татары? Нет, к сожалению, мы в этом доме живем просто как квартиранты. <...> Если так дальше пойдет, татары скоро растворятся в составе русской нации» [Фаузия Байрамова 2020].

У «бабушки татарского национализма» есть достойные «идейные внуки». Так, лидер наиболее активного националистического объединения «Союз татарской молодежи “Азатлык”» («Свобода») **Наиль Набиуллин**, неоднократно с пиететом отзывался о Фаузии Байрамовой. Эта организация регулярно проводит публичные политические акции, перформансы. Наиболее резонансной стала акция по объявлению 2013 г. «Годом Батяя». Как публично заявлял тогда Наиль Набиуллин, активистами «Азатлык» будут регулярно проводиться пикеты «в честь сожжения какого-нибудь русского города — Москвы, Рязани, Суздаля, Владимира, Козельска». Кроме того, активисты СТМ намерены были раздавать календари, открытки и значки с изображением основателя Золотой Орды, которую в СТМ считают «подлинной федерацией, в отличие от нынешней России», а также устраивать «творческие вечера, публичные лекции и издавать книги о героическом подвиге нашего хана Батяя». «Основная цель проведения “Года Батяя” — показать силу и мощь татарской нации, напомнить о великих периодах татарской истории, мощи татарского оружия, когда вся Русь и Европа дрожали от копыт коней татарских воинов и свиста их стрел. Через такую фигуру, как хан Батый, мы поднимем дух и национальное самосознание татар», — заявил Набиуллин [Татарские сепаратисты 2013]¹.

¹ Сегодня Н. Набиуллин — студент факультета татарской журналистики Казанского федерального университета, в недалеком будущем собирается издавать газету и нести идеи радикального татарского национализма в массы.

«Союз татарской молодежи “Азатлык”», отмечают эксперты, это только часть сепаратистской среды в современном Татарстане. Активны салафиты (ваххабиты), «Всетатарский общественный центр», «Милли меджлис», «Татарское национальное движение», «Алтын Урда», «Татарский фронт», откровенные нацисты «Татар бозкурд» («Правые татары»). Так, на сайте последних можно прочитать: «Государственность — это в первую очередь мощная армия, способная и защитить, и заставить остальных себя уважать. У тюрок всегда была мощная армия. Все соседи на коленках ползали перед ханами, вымаливая ярлык на правление своим маленьким княжеским улусом. <...> Самих “русских”, судя по переписи населения 1897 года, при династии Романовых не было! Кто не верит — смотри перепись. Нации русских там нет. Русских придумали большевики. С 1762 по 1917 г. Российская империя — государство НЕМЕЦКИХ императоров! К русским они отношения не имеют. Современную Россию создал Ельцин» [Tatar Bozqurd 2016].

Активно борется против засилья Русской православной церкви, регулярно обвиня священников РПЦ в экстремизме и разжигании религиозной и национальной вражды, и «идейная внучка» Ф. Байрамовой — мусульманская журналистка **Халида Хамидуллина**. В своем комментарии к «Обращению международных правозащитников к главам государств и организациям» Х.Г. Хамидуллина утверждает: «В России с начала 90-х годов развернута широкомасштабная антиисламская война на уничтожение активной части мусульманского сообщества, и десятки тысяч мусульман томятся в тюрьмах, где ежеминутно подвергаются жесточайшим пыткам. Сегодняшний режим России (и мировых войн против исламских государств) стал возможен за счет тайной и закулисной международной войны против ислама и мусульман, и одним из главных звеньев антиисламской войны является Россия» [Хамидуллина 2009]. В других ее публикациях можно узнать, что «...третья мировая война, в которой участвует коалиция из полусотен стран, ведомых и управляемых сионистским миром, идет с нападения и убийства одного миллиона афганских мусульман “советским” режимом в конце 70-х годов 20 столетия. А уже в 21 веке погружен в хаос и войны колыбель исламской цивилизации весь Ближний Восток. Мусульманская Палестина в еврейской нацистской оккупации — 60 лет» [Хамидуллина 2015].

При этом особую роль в войне против ислама и мусульман она отводит России: «...это иудейско-православному московскому Кремлю

испокон веков можно было поддерживать сепаратизм территорий у Османской, Персидской, Австро-Венгерской и других империй, оттяпывать территории то у Персии (Дагестан), то у Османской империи, то еще у кого, оккупировать мусульманские земли Центральной Азии. Для таких действий всегда у политиков Зимнего или Кремля вместе с их многочисленными перекаати-поле идеологами и военными, ищущими себе чины и деньги на наших землях под видом греков, немцев, датчан, французов, персов, турков и пр., пр., находились сочиненные ими лживые установки для ведения экспансионистских войн против басурманов (не только)» [Хамидуллина 2020].

Обвиняя в заявлениях в прокуратуру священников РПЦ (Даниила Сысоева, протоиерея Всеволода Чаплина и др.) в экстремизме и разжигании религиозной и национальной вражды, исламская журналистка не замечает, что ее тексты вполне подпадают под действие ст. 280 («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и ст. 282 («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») УК РФ. Однако до сих пор к судебной ответственности ее не привлекали. Следует отметить, что привлечение националистов в российских республиках к суду и осуждение их на реальные сроки — крайне редкая практика.

Последняя по времени акция радикальных националистов из Все-татарского общественного центра (ВТОЦ) имела место на традиционном митинге в День памяти защитников Казани, павших при взятии города войсками Ивана Грозного 15 октября 2021 г. Участниками митинга было принято обращение к председателю Госсовета РТ **Фариду Мухаметшину**. В нем, в частности, подвергались критике принятые прошлым летом поправки к Конституции РФ, согласно которым русские получили статус «государствообразующего народа». Участники акции потребовали, чтобы Госсовет РТ принял закон, «утверждающий, что татарский народ образовал государство — Республику Татарстан, что он не колониальный, а государствообразующий народ».

Правда, на этот раз прокуратура Вахитовского района столицы Татарстана возбудила в отношении юридического лица ВТОЦ административное дело об экстремизме, и эксперты говорят о возможном запрете этой старейшей националистической организации Татарстана. «Усматривается возможное наличие враждебного контекста к русским» [Усматривается возможное наличие 2021].

Таким образом, деконцептуализация национализмов и чисто формальная деполитизация этнических и региональных этнонациональных организаций не привели к политической маргинализации лидеров националистов, они сохранили политическую субъектность. Начался поиск новых сфер, в которых националисты и этнонационалистические практики могли бы продолжить свое существование, параллельно происходит радикализация этнонационализма. В результате для активистов этнических организаций 1990-х годов в новых условиях защита национального языка, религии и истории стали новой формой идеологии и практической деятельности, при этом от своих прежних политических целей многие из них отказываться не хотят. Наиболее удачливые и гибкие из них пошли на государственную службу, другие ушли в систему образования и СМИ, продолжая свою «работу» по защите национальной идентичности и формированию молодых «национальных кадров». Началась активная диффузия националистических идей в сферу языковой, культурной, образовательной и кадровой политики этнических регионов России. Этнический национализм стал маскироваться под культурные, религиозные и социальные практики, но в такой «превращенной» форме он также может иметь разрушительный характер, а потому потенциальная угроза эскалации агрессивного этнонационализма и связанного с ним сепаратизма в национальных республиках России по-прежнему остается.

Литература

Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 560 с.

Малахов В. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html> (дата обращения: 09.01.2021).

Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 3: Политические функции мифов / редкол.: О.Ю. Малинова и др. М.: ИНИОН РАН, 2015. С 114–126.

Хакимов Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения, 1989–2006 гг.). Казань: Татарское книж. изд-во, 2007. 368 с.

Шабает Ю.П., Чарина А.М. Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. 258 с.

Источники

Абдуллин Талгат Мидхатович — биография // PERSONO Tatarstan. 13.01.2021. URL: <https://persono.ru/tatarstan/biography/abdullin-talगत-midhatovich/> (дата обращения: 07.06.2021).

Алан Н. Откровения Талгата Абдуллина // *Idel.Реалии**. 02.02.2017. URL: <https://www.idelreal.org/a/28272989.html> (дата обращения: 07.06.2021).

Байрамова, Фаузия Аухадиевна // Википедия. Последняя редакция 11.08.2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 05.09.2021).

«Золотая Орда — это цивилизация, а не бандитское государство, которое кого-то грабило»: интервью главы Института истории им. Марджани АН РТ Рафаэля Хакимова о 750-летию с основания Золотой Орды // *Реальное время*. 02.01.2019. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/123501-rafael-hakimov-o-750-letii-zolotoy-ordy> (дата обращения: 03.02.2019).

Макухин Ф. Сепаратизм — спящий пес Татарстана // *Русская планета*. 14.05.2020. URL: <https://rusplt.ru/policy/separatizm-%E2%80%93-spyashchii-pyos-5ebd2.html> (дата обращения: 25.05.2020).

Раис Сулейманов: Татарские сепаратисты объявили 2013 год «Годом Батыя» // *РуПолитика — Политика России*. 13.01.2013. URL: <https://rupolitika.ru/obschestvo/rais-suleymanov-tatarskie-separatisty-obyavili-2013-god-godom-batyiya/> (дата обращения: 20.01.2013).

Татарские сепаратисты объявили 2013 год «Годом Батыя» // *ИА REGNUM*. 10.01.2013. URL: <https://regnum.ru/news/1611798.html> (дата обращения: 20.01.2013).

«Усматривается возможное наличие враждебного контекста к русским». На ВТОЦ возбудили дело об экстремизме // *Idel.Реалии*¹. 20.10.2021. URL: <https://www.idelreal.org/a/31521408.html> (дата обращения: 21.10.2021).

Фаузия Байрамова: «Сохраниться как нация — главная задача для татар» [Интервью] // *Бизнес Online*. 5.12.2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/491142> (дата обращения: 09.01.2021).

Хакимов, Рафаиль Сибгатович // Википедия. Последняя редакция 24.08.2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 05.09.2021).

Хамидуллина Х. Директор Института истории РТ. Убожество совка Рафаэля Хакимова // *Живой журнал*. 13.12.2015. URL: <https://halidahamid.livejournal.com/168947.html> (дата обращения: 09.01.2021).

Хамидуллина Х. Иерей объявлен в розыск // Портал «Христианство или Ислам». 10.01.2009. URL: <https://oneislam.ru/?p=10> (дата обращения: 09.01.2021).

Хамидуллина Х. О памятнике царице Сюзумбике // *Живой журнал*. 08.04.2020. URL: <https://halidahamid.livejournal.com/242764.html> (дата обращения: 09.01.2021).

Tatar Bozqurd // *Facebook*. 16.11.2016. URL: <https://www.facebook.com/ltatarbozqurd/> (дата обращения: 09.01.2021).

¹ Издание внесено Министерством юстиции России в реестр зарубежных средств массовой информации, объявленных «иностранными агентами».

HAVE THE LEADERS OF REGIONAL NATIONALIST ORGANIZATIONS CEASED TO BE POLITICAL ACTORS?

V. Achkasov

val-achkasov@yandex.ru
St. Petersburg State University
St.-Petersburg, Russia

Citation: Achkasov V. Perestali li byt' politicheskimi aktorami lidery regional'nykh natsionalisticheskikh organizatsiy? [Have the leaders of regional nationalist organizations ceased to be political actors?]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 170–183. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.7>

Abstract. *The article begins with an examination of the place and role of the national intelligentsia in the rise of ethno-nationalism and the formation of national movements in the republics of Russia in the 1990s. However, first of all, the author asks the question: Have local ethnic and regional organizations and their leaders ceased to be political actors? Answering this question, the author analyzes the political biographies of the three leading leaders of the national movement in the Republic of Tatarstan in the 1990s: the representative of the republican nomenclature Talgat Abdullin; the ideologue of moderate Tatar nationalism, Rafael Khakimov; and the leader of the irreconcilable Tatar nationalists, Fauzia Bayramova. As a result, he comes to the conclusion that in the new conditions of deconceptualization of ethno-nationalisms and purely formal depoliticization of the ethno-national organizations of Tatarstan and many other republics within Russia, there was no political marginalization of the leaders of the nationalists, they retained their political subjectivity. On the contrary, a search began for new areas in which nationalists and ethno-nationalist practices could continue to exist (government bodies, education, culture, media and science). At the same time, a radicalization of ethno-nationalism was taking place, as evidenced by the emergence of leaders and organizations that accepted the ideas and demands of precisely the national radicals of the 1990s. Therefore, the potential threat of an escalation of aggressive ethno-nationalism and the associated separatism in the national republics of Russia still remains.*

Keywords: *ethno-nationalism, national movements, political leadership, power elites, state-forming people, victimization of collective consciousness, ethno-political mobilization.*

References

Derlugyan G. *Adept Burd'ye na Kavkaze. Eskizy k biografii v mirosistemnoy perspektive* [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for biography in the world-system perspective]. Moscow: Territoriya budushchego [Territory of the future], 2010. 560 p. (In Russian).

Malakhov V. *Etnichnost' v bol'shom gorode* [Ethnicity in a big city]. *Neprikosnovennyy zapas* [Emergency reserve], 2007, 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html> (available at: 09.01.2021). (In Russian).

Miller A.I. *Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnykh soobshchestv* [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In: *Simvolicheskaya politika: Sb.nauch.tr. Vyp. 3: Politicheskiye funktsii mifov* [Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue. 3: Political functions of myths]. Ed. by O.Yu. Malinova et al. Moscow: INION, 2015, pp. 114–126. (In Russian).

Khakimov R.S. *Ternistyy put' k svobode (Sochineniya, 1989–2006 gg.)* [Thorny path to freedom (Works, 1989–2006)]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo [Tatar Book Publishing House], 2007. 368 p. (In Russian).

Shabayev Yu.P., Charina A.M. *Regional'nyye etnoelity v politicheskom protsesse (finno-ugorskoye dvizheniye: stanovleniye, evolyutsiya, ideologiya, lidery)* [Charina Regional ethnoelites in the political process (Finno-Ugric movement: formation, evolution, ideology, leaders)]. Syktyvkar: KRAGSiU, 2008. 258 p. (In Russian).

ОТ «ПРАВА НАЦИИ» К «ПРАВУ ПЛЕМЕНИ», ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ В РЕСПУБЛИКАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ¹

А.В. Михалев

(mihalew80@mail.ru)

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

Цитирование: Михалев А.В. От «права нации» к «праву племени», или Трансформация постсоветской легитимности в республиках Дальнего Востока России // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 184–197.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.8>

Аннотация. *Предпринята попытка проследить трансформацию легитимности в двух дальневосточных республиках современной России. В центре исследовательского внимания Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия (бывшие ЯАССР и БАССР) — два субъекта Российской Федерации в составе Дальневосточного федерального округа. Основной контекст исследования — кланово-трайбалистский формат политического воображения в изучаемом регионе, пришедший на смену национальному дискурсу советского периода. В представленном исследовании речь идет лишь о дискурсе, обеспечивающем легитимность, а также о модели политического воображения, сформировавшейся в условиях постсоветских трансформаций в азиатской части России.*

Ключевые слова: *ретрайбализация, Дальний Восток, кланы, племена, идентичность, власть, ресурсы.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00081.

В представленной работе анализируется развитие политических идей, благодаря которым актуальными становятся родоплеменные идентичности. Эти идеи существуют в публичном пространстве пока еще не совсем упорядоченно, но со временем способны оформиться в доктрину. В центре внимания — одна из форм политического воображения, объясняющая легитимность власти в категориях родоплеменного дискурса. Для того чтобы более полно раскрыть специфику изучаемого явления, был выбран компаративный метод. В рамках этого метода предпринимается попытка сравнить роль ретрайбализации политического воображения в двух субъектах РФ, имеющих сходные траектории развития национальной государственности. Таким образом, в центре исследовательского внимания находятся республики Саха (Якутия) и Бурятия — два субъекта Российской Федерации в составе Дальневосточного федерального округа. Они возникли в 1922 г. (Якутская Автономная ССР) и 1923 г. (Бурят-Монгольская Автономная ССР) и тогда же вошли в состав РСФСР.

Основным контекстом исследования стал кланово-трайбалистский формат политического воображения, формирующий коллективные представления о (не)легитимности политического режима. В теоретическом плане мы в большей степени склоняемся к пониманию легитимности в духе неовеберовской концепции Дэвида Битэма. Битэм подробно разработал «нормативную структуру» легитимности, при этом четко разграничив ее и понятие легальности [Beetham 1991]. Один из первых и важнейших его тезисов заключается в том, что власть соответствует принятым/установленным в обществе правилам. В модели Битэма большое значение имеют общие убеждения управляющих и управляемых, конвенционально разделяющих веру в существующие правила, а также наличие выраженного согласия со сложившимся положением вещей. Под трайбализмом мы понимаем набор политических идей, согласно которым родоплеменные группы являются источником государственной власти и наиболее приемлемой формой идентичности.

Структура эмпирического материала исследования представляет собой сочетание четырех крупных блоков.

Первый блок — тексты, формирующие и упорядочивающие политическое воображение на региональном уровне. Речь прежде всего идет о материалах «новых» и «старых» средств массовой информации. Именно они описывают политические отношения в кланово-трайбалистских категориях, формируют соответствующую историческую мифологию

и политический словарь. Материалы были проанализированы за последние 15 лет. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что на это время приходится самая высокая частота упоминаний кланов, племен, землячеств и тому подобных терминов. Идеологическая направленность отбравшихся изданий принципиального значения не имела, вне выборки оказались лишь официальные издания, публикующие нормативные документы.

Второй блок — решения политического характера, принятые родоплеменными съездами и конференциями. Многие из них опубликованы в материалах по итогам проведения этих мероприятий. В центре внимания не только источники, относящиеся не только к бурятским и якутским объединениям, но к ряду русских старожильческих сообществ (в частности, семейских). Необходимо уточнить, что, несмотря на достаточно большую выборку, не все конференции и съезды выносили решения трайбалистской политической направленности. Однако в выборку попал очень большой объем контента.

Третий блок — работы профессиональных этнологов, антропологов и этнополитологов, обосновывавших на волне национально-культурного возрождения в 1990-е годы родоплеменные границы местного сообщества. Эти тексты, несмотря на достаточно ограниченный круг читателей и низкие тиражи, редко превышающие 300–500 экземпляров, все же оказали влияние на медийный дискурс. В условиях образовавшегося в постсоветский период идеологического вакуума региональные гуманитарии обеспечили условия для нового прочтения общественно-политических процессов. Сюда же относятся работы ученых, выступающих с критикой неотрайбализма и описания политики в категориях межклановой борьбы. Данный нарратив сформировался в процессе дебатов на страницах средств массовой информации в 2010-е годы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАН В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Политический клан — достаточно распространенное в современном политическом дискурсе понятие. Его часто связывают с концепциями периферийного и кланового капитализма [Kosals 2007]. Под политическим кланом принято понимать сплоченные группы, организованные на основе деловых и неформальных интересов и претендующие на властные ресурсы. В ряде случаев политический клан понимается как доклас-

совый институт, адаптировавшийся к современным условиям [Ламажаа 2008]. Однако, по мнению Л. Косалса, в российских условиях это одно из проявлений «crony capitalism» [Kosals 2007]. В итоге сложилась ситуация множественности интерпретаций этого термина в политическом контексте, а какая-либо конвенциональная рамка на данный момент отсутствует.

В изучаемых нами республиках Дальнего Востока понимание клана в публичной сфере тяготеет ближе к традиции, интерпретирующей его как традиционный доклассовый институт. Речь идет о публичной сфере, стремящейся легитимировать неформальные политические отношения с опорой на неотрадиционалистское изображение. В этих условиях клан становится или группой земляков, связанных на основе «Blut und Boden», или еще более сложной родоплеменной группой, объединенной реальным или мифическим родством. При этом за пределами Бурятии и Якутии понятие клан приобретает более современное содержание, связанное с неформальной солидарностью и теневой борьбой за ресурсы.

Таким образом, в двух дальневосточных республиках мы фиксируем ретрайбализацию постсоветских клановых отношений. Ретрайбализация понимается нами в рамках дефиниции М. Маклюэна, определившего ее как процесс объединения людей в новом состоянии множественных племенных существований [Маклюэн 2003: 153]. Это формирует новую медийную политическую реальность, в которой территориальные группы, присвоившие себе право называть себя именами древних племен кочевой Азии, противостоят друг другу в борьбе за ресурсы.

В этой ситуации мы сталкиваемся с кризисом доверия к институтам модерна, будь то национальное государство или демократия, и с апелляцией к доклассовым формам солидарности, что позволяет говорить о формировании нового способа легитимации власти. Мы констатируем возникновение общественных правил и норм, посредством которых допустимо, или же напротив неприемлемо, интерпретировать политические отношения. Это напрямую отсылает нас к концепции легитимности Д. Битэма, писавшего о том, что она опирается на нормативную структуру [Beetham 1991]. Такая структура предполагает границы политического воображения в так называемых национальных республиках, а также словарь, позволяющий говорить о региональной элите негативно или позитивно, но строго в контексте ретрайбализации.

Специфика ретрайбализации на Дальнем Востоке России предполагает возвращение в общественно-политический лексикон категорий времен реформы М.М. Сперанского — роды, племена, родовые лидеры. В связи с этим ключевым текстом для нашего исследования является работа М.М. Ковалевского, подробно описавшего кланы Северной Азии [Ковалевский 2002], а изучаемые нами республики в дореволюционной традиции относили к Северной Азии. Необходимо отметить, что именно социолог Ковалевский заложил основу понимания политических отношений в Северной Азии через родоплеменные отношения. В его работах начала XX в. предприняты первые попытки сравнения местной ситуации с Кавказом [Ковалевский 2002]. В XXI в. это знание, наряду с материалами имперской этнографии, стало вновь актуальным и начало определять способ интерпретации политических процессов.

Наиболее наглядный пример в Бурятии — описание регионального политического процесса в СМИ через призму противостояния «западных» и «восточных» бурятских кланов, восходящих к племенам древности. В случае Якутии речь идет о соперничестве земляческих групп (улусов), объединенных территориальной идентичностью. Важным становится фактор исключения кланов из числа формальных политических институтов. При этом в обеих изучаемых нами республиках на официальном уровне отрицается значимость кланов в политике. Как отметил экс-президент республики Саха Михаил Николаев в интервью изданию «Коммерсантъ», «у клана должен быть родоначальник — богатый, плодovitый, а в Якутии всегда была борьба за выживание — как бы перезимовать. Не было тут и каменных строений, которые можно было бы передать по наследству, не было накопления капитала. Природа не допускала щедрости, хозяйство было только для пропитания» [Перцев 2018].

В целом, говоря о кланах в политической сфере Бурятии и Саха, мы можем однозначно констатировать их неформальный характер. Политическая элита не готова открыто признавать клановый характер отношений в силу как юридических, так и политических причин. Однако на уровне СМИ о кланах и о ретрайбализации принято писать открыто, формируя особый способ интерпретации политики, позволяющий подчеркнуть роль традиций и сохранить национально-конфессиональный баланс. Во многом клановый дискурс становится латентной формой национализма, позволяющей исключать одних и легитимизировать власть других. Так, в Бурятии мы можем зафиксировать упоми-

нения западных и восточных бурятских кланов [Zhanaev 2019: 71–80], а также семейского клана (потомков русских старообрядцев), за которыми неформально «закреплены» три района республики [Белькова 2018; Галиндабаева, Карбаинов 2020], хотя в Бурятии, как и в Саха, существует официальная позиция, согласно которой кланы там отсутствуют. Однако, в отличие от Якутии, это точка зрения вызывает в Бурятии ожесточенные дискуссии.

А ПОЧЕМУ НЕ НАЦИОНАЛИЗМ?

Идея национально-государственных образований (республик) в составе РСФСР во многом опиралась на ленинскую идею о праве наций на самоопределение. В начале 1990-х годов в ходе «парада суверенитетов» местные элиты стали заявлять о праве на суверенитет и формировать самостоятельные органы политического управления, в том числе национальные партии. Так, в 1990-е годы в Бурятии были созданы местные политические объединения «Бурят-монгольская народная партия», движение «Нэгэдэл». В Саха подобными объединениями стали «Саха кэскилэ» и «Саха омук». Они были первыми общенациональными политическими институтами постсоветского периода. Характеризуя этот период, нельзя не согласиться с А. Ливеном, утверждающим: «В современном мире величайшим и наиболее долговечным источником этих чувств и легитимности государства является национализм. За исключением коммунизма в течение его непродолжительного революционного периода, ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства» [Ливен 2020: 26].

Однако со временем активность национальных объединений существенно снизилась. Кроме того, на федеральном уровне было принято несколько изменений в закон «О политических партиях» (2001 и 2004 гг.), после которых региональные политические партии потеряли возможность для развития. В итоге национальные элиты в субъектах Российской Федерации получили импульс для работы в рамках отделений общефедеральных партий. Параллельно с этим происходила трансформация местных национализмов, которые стремительно теряли популярность. Обретение суверенитета, пусть даже номинального, сочеталось с ростом бедности и депривации, а вслед за этим приходило и разочарование в национальной идее. В условиях борьбы за выживание

на первый план начали выходить религиозные институты и локальные территориальные солидарности.

Большое значение для процессов родоплеменной консолидации элит имеет возрождение шаманизма, получившего статус традиционной религии [Указ Президента 1996]. Общеродовые обряды обеспечили широкий интерес к генеалогии и актуализировали родоплеменные идентичности. Важным контекстом происходящего стал процесс рурализации городского пространства столиц изучаемых республик. Вслед за этим возник феномен городского шаманизма. Начиная с 1991 г. активным участником политических процессов становится буддистское духовенство. В 2010-е годы оно постепенно перенимает родоплеменную повестку у шаманов. Так, в 2017 г., приветствуя нового главу Бурятии, духовный лидер буддистов (хамбо-лама) заявил: «Вот смотрите — есть пять основных бурятских племен: селенгинский, хонгодоры, хори, эхириты и булагаты. У меня представлены все пять, у вас тоже должно быть пять» [Амбатова 2017].

В свою очередь, в 2018 г. глава Якутии Айсен Николаев заявил: «Я не делю людей по кланам. Подход у меня простой: если ты компетентен, ты работаешь, нет — уходи. И будь ты хоть тысячу раз уважаемым в каком-либо клане...» [Национальность в Якутии 2018]. De facto глава признал существование в республике кланов, однако отозвался о них в негативном ключе. То есть в данной ситуации в Саха все еще остается значимой национальной идентичность и основанная на ней идея политического представительства. Хотя муниципальные выборы 2020 г. в этом субъекте на уровне федеральных СМИ были охарактеризованы как борьба кланов: «В районных выборах, на муниципальном уровне, где выбирали глав, депутатов — большую роль играет фактор личного знакомства с кандидатом, национальный фактор, семейственность. К примеру, населенный пункт с 10 тыс. населения, где практически каждый знает друг друга, выборы — это борьба семейных кланов» [Выборы в Якутии 2020].

Однако национализм как идеология никуда не исчез, он скорее отошел на второй план общественно-политической повестки. Идея общей солидарности еще актуальна в среде академической и культурной элиты, особенно в преддверии столетий с момента образования республик. При этом ретрайбализация начинает постепенно оттеснять на периферию дискурс национального единства, выводя на первый план неравномерность распределения ресурсов между различными группами элиты.

Вместе с тем видится справедливым замечания Маршала Маклюэна о том, что электронные СМИ актуализировали потребность в знаковости и привели к ретрайбализации. Этот тезис хорошо иллюстрируется нашими эмпирическими данными, в частности в случае Бурятии гегемония трайбалистского дискурса абсолютно синхронно распространению не электронных (по Маклюэну), а уже цифровых массмедиа. Более того, среда, в которой воспроизводятся трайбалистские тексты и нарративы, также относится к числу «новых массмедиа».

ЛЕГИТИМНО ЛИ ПРАВО ПЛЕМЕНИ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?

Проблема политического представительства родоплеменных групп не являлась актуальной вплоть до 2010-х годов. Она предполагает претензии на присутствие не только в выборных органах власти, но и в органах исполнительной власти. Речь идет о смыслообразованиях, отличающихся по характеру своей знаковости от иных способов интерпретации политики. В качестве коллективного «Другого» в данной ситуации выступает административно-бюрократическая система координат с многочисленными запутанными внутренними лояльностями и идентичностями. Тенденция к распространению данной модели проявила себя только в Бурятии, что свидетельствует о более высоком уровне ретрайбализации здесь, чем в Саха.

Публичная манифестация трайбалистских претензий на политическое представительство четко локализована в границах родоплеменных институций: съездов, конференций, праздников. В этом контексте заявления для публичной сферы, тем более манифестации, не являются нормативными. Однако в феврале 2018 г. на страницах газеты «Угайм зам» было опубликовано заявление съезда одной из родственно-территориальных групп Бурятии: «Поступило предложение при следующей переписи населения в графе национальность у бурят указывать и племенную принадлежность, а также при выборах депутатов в Народный Хурал выдвигать не только по партийным спискам и территориям, но чтоб и племена могли составлять списки своих кандидатов в депутаты. Обсуждался вопрос о необходимости образования независимого Совета старейшин из представителей племен по 3 человека от каждого из них» [Башитов 2018: 2].

Идея получила более широкое распространение, став основой переосмысления принципа организации республики, постулируя тезис о том,

что многочисленные кланы — это основа демократического развития: «В общем, несмотря ни на что, Бурятия движется к республиканской форме правления, где Народный Хурал (парламент Бурятии. — А.М.) будет играть основополагающую роль. И главным фактором достижения этого блага могут оказаться кланы! Такая форма правления, видимо, больше подходит Бурятии и по духу, и по сути. В ней будет много идей и споров. А в споре, как говорил Платон, рождается истина» [Очиров 2017].

Наряду с этим начался процесс сакрализации истории родоплеменных групп, напрямую ассоциирующихся с политическими кланами. Активное издание фольклорных материалов стало приобретать вполне определенное политическое значение: «Мифы и легенды о происхождении монгольских племен и кланов могли возникнуть в период, когда рушилась племенная система древних народов. Некоторые мифы говорят о небесном происхождении их государств и племен. Есть много интересных легенд монгольских народов, которые мы можем найти в исторических источниках, а также в устных сказках. Например, “Легенда Хорь Түмэд, Хоридой мэргэн”, “Легенда Эргүнэ хун”, “Четыре Ойрата”, “Мянгаты”, “Сартуулы”, “Элеты или Өөлд”, “Торгуты” и “Үзэмчины” и т. д.» [Майдар 2018].

Эти процессы отражают интересы определенной части региональной элиты, которая видит в клановом формате республиканизма норму, которую осталось лишь закрепить конституционно. Идея парламентской республики на основе кланового представительства отражает интересы сугубо местных (укорененных) элитных групп, откровенно исключая сделавших карьеру на стройках БАМа или назначаемых/согласованных из Москвы руководителей региональных отделений партий. Клановая форма республики в понимании идеологов ретрайбализации в политике должна лишь закрепить существующий status quo: «Трагедией бурятского общества является то, что у нас элита, в прямом ее понимании, не сформировалась и правят обществом и в политике, и в экономике не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы такие понятия, как “кланы” и “каста”. Но вполне может быть, что это всего лишь следующий виток развития бурятского общества» [Очиров 2017].

В этой ситуации представляет интерес и позиция лидера Буддистской традиционной Сангхи России хамбо-ламы Д. Аюшеева. Духовный лидер выступает за сохранение культурных различий между сложив-

шимися родоплеменными группами, отмечая большое значение диалектов бурятского языка. Так, в 2019 г. он сделал пост на своей странице в «Фейсбуке» (орфография и пунктуация авторы сохранены): «Почему буряты из Кяхты только 11 % и буряты из Селенги лишь 15 % говорят на родных языках. Ответ прост они физиологически, как 7 млн монголов, не могут выговорить букву h. Таким образом для них были закрыты двери во все культурные и руководящие учреждения Улан Удэ. Есть ли в мире методика, чтобы 7 млн монголов заставить говорить наше великое литературное h? Ответ — нет. Вот потому то надо выпускать газету Бүриад Үнэн на селенгинских языках» [Аюшеев 2019].

Исторически сложившееся и поддерживаемое по сей день существование культурных и лингвистических границ обеспечивает основу для проведения пограничной линии и внутри политической элиты. Однако данный процесс экстраполируется и на электорат, предполагая формулу «Голосуй за своего» (предвыборный лозунг думской кампании 2016 г.). Трайбалистская ревизия идеи представительства открывает и новые перспективы для легитимизации выборов с низкой явкой. Строго ограничивая группу, «имеющую право» на власть, русскими старожилыми и бурятами, сторонники трайбализации создают новую модель справедливости в вопросе распределения ресурсов. Однако подобная реакция вызвана сломом локальности в ходе развития глобальных проектов. Одним из таких примеров является попытка включения Бурятии в китайский логистический проект «Степной путь», а также планы по строительству газопровода через ее территорию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках статьи мы попытались проследить то, каким образом процесс ретрайбализации все больше захватывает республики Дальнего Востока. Несомненно, что этот феномен является частью глобальных процессов, развернувшихся в мире. Ретрайбализация привела к возникновению новой легитимности, основанной на праве клана или племени на политические ресурсы на территории, с которой оно исторически или мифологически связано. Такая легитимность опирается на нормативную структуру, возникшую благодаря новым нормам, разделяемым населением изучаемых субъектов РФ. Однако за пределами представлений о легитимности остается Realpolitik с совершенно иными принципами взаимоотношений внутри элитных групп.

Процесс ретрайбализации позволяет выявить контрасты в политическом развитии двух дальневосточных субъектов. Если сто лет назад обе республики имели схожие условия для развития, то в XXI в. эти тенденции почти нивелировались в ходе постсоветских преобразований. В таких условиях динамика ретрайбализации в политической сфере Бурятии прослеживается достаточно четко, в то время как в Саха она фиксируются слабо.

Изученные нами кланы — это продукт политического воображения, в основу которого легли материалы этнографии и социологии времен империи. Ответ на закономерный вопрос о том, кем воображаются эти группы, все же не столь очевиден, как может показаться. Этноактивисты и журналисты — всего лишь та часть, которая непосредственно вовлечена в массовую трансляцию новых смыслов. Однако их производство оказывается за пределами внимания большинства исследователей. На наш взгляд, большую роль в этом процессе сыграли деятели «культурного возрождения» конца 1980-х — середины 1990-х годов. Именно тогда были заложены основы, на которые опирается вся конструкция современной ретрайбализации.

Таким образом, нормативная структура ретрайбалистской легитимности укоренялась на протяжении последних тридцати лет. Влияние глобальных культурных трендов, таких как медиевализм, сыграло роль акселератора. В итоге к 2020 г. оформились экзотические идеи «кланового представительства», в корне переформирующие устоявшуюся модель республиканизма. В сущности, в ходе постсоветских трансформаций идея «национальной республики», сформулированная для Бурятии и Якутии в период «парада суверенитетов», меняется, теряя общие черты под влиянием целого ряда глобальных факторов.

Литература

Белькова А.А. «Семейский клан» в постсоветской Бурятии: приватизация идентичности в политике // Политическая наука. 2018. № 2. С. 195–213.

Галиндабаева В., Карбаинов Н. Карымы и семейские в Бурятии: трансформации этнического фронта // Ab Imperio. 2020. № 3. С. 115–156.

Ковалевский М.М. Клан у аборигенных племен России // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 129–138.

Ламажаа Ч.К. «Клан»: понятие в социальных науках // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. № 2. С. 121–131.

Ливен А. Прогрессивный национализм // Россия в глобальной политике. 2020. № 5 (105). С. 25–42

Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.

Beetham D. The Legitimation of Power (Issues in Political Theory). London: Macmillan Education UK, 1991. 267 p.

Kosals L. Essay on Clan Capitalism in Russia // Acta Oeconomica. 2007. Vol. 57, № 1. P. 67–85.

Zhanaev A. The Human Being in Social and Cosmic Orders. Categories of Traditional Culture and the Problems of Contemporary Buryat Identity. Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2019. 270 p.

Источники

«Национальность в Якутии преимуществ не дает» [Беседа с Айсенем Николаевым]. // ИА Федерал Пресс. 14.09.2018. URL: <https://glava.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2941486> (дата обращения: 06.11.2021).

Амбатов С. Хамбо-лама рассказал Алексею Цыденову о пяти основных бурятских племенах. // Московский комсомолец в Бурятии. 15.02.2017. URL: <https://ulan.mk.ru/articles/2017/02/15/khambolama-rasskazal-alekseyu-cydenovu-o-pyati-osnovnykh-buryatskikh-plemenakh.html> (дата обращения: 06.11.2021).

Аюшеев Д. Фейсбук 18.09.2019 // URL: <https://www.facebook.com/damba.a.yusheev.8/posts/887528704965973> (дата обращения: 06.11.2021).

Башистов А.Д. Конференция Булагатов // Угайм Зам. 2018. № 47.

Выборы в Якутии — это борьба семейных кланов: эксперт // ИА Regnum. 14.09.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3062107.html> (дата обращения: 06.11.2021).

Майдар С. Потрясающая монгольская легенда о происхождении бурятских родов. 28.04.2018 // Asia-Russia Daily. URL: <https://asiarussia.ru/blogs/19539/> (дата обращения: 06.11.2021).

Очиров Б. Академику Базарову: в Бурятии кланы есть и их немало. 18.09.2017 // Asia-Russia Daily. URL: <https://asiarussia.ru/blogs/17665/> (дата обращения: 06.11.2021).

Перцев А. «Мы выжили там, где вымерли мамонты». Как национальный вопрос повлиял на смену власти в Якутии // Коммерсантъ. 13.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3766947> (дата обращения: 06.11.2021).

Указ Президента Республики Бурятия от 21 мая 1996 г. № 183 «О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» (1996) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473803216/titles/1OKOC2L> (дата обращения: 13.07.2021).

**FROM THE “RIGHT OF NATION”
TO THE “RIGHT OF TRIBE”,
OR TRANSFORMATION OF POST-SOVIET
LEGITIMACY IN THE REPUBLICS
OF THE FAR EAST OF RUSSIA¹**

A. V. Mikhalev

(mihalew80@mail.ru)
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

Citation: Mikhalev A.V. From the “right of nation” to the “right of tribe”, or Transformation of post-Soviet legitimacy in the republics of the Far East of Russia. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 184–197. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.8>

Abstract. *In the article, we attempt to trace the transformation of legitimacy in the two Far Eastern republics of modern Russia. The Republic of Sakha (Yakutia) and Buryatia (former YaASSR and BASSR) are in the focus of research as two entities of the Russian Federation as a part of the Far Eastern Federal District. The main context of the research is the clan-tribalist format of political imagination in the studied region, which has replaced the national discourse of the Soviet period. The presented study deals only with the discourse that ensures legitimacy, as well as the model of political imagination that was formed in the context of post-Soviet transformations in the Asian part of Russia.*

Keywords: *retribalization, clans, Far East, tribe, identity, power, resources.*

References

Beetham D. *The Legitimation of Power (Issues in Political Theory)*. London: Macmillan Education UK, 1991. 267 p.

Bel'kova A.A. «Semejskij klan» v postsovetskoj Burjatii: privatizacija identichnosti v politike [«Semejskii (familialistic) clan» in post-soviet Buryatia: Privatization of identity in politics]. *Politicheskaja nauka*, 2018, 2, pp. 195–213. (In Russian).

Galindabaeva V., Karbainov N. The Karyms and Semeiskie in Buryatia: Transformation of the Ethnic Frontier. *Ab Imperio*, 2020, 3, pp. 115–156. (In Russian).

Kosals L. Essay on Clan Capitalism in Russia. *Acta Oeconomica*, 2007, 1 (57), pp. 67–85.

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project no. 20-011-00081.

Kovalevskij M.M. Klan u aborigennyh plemen Rossii [Clan among the aboriginal tribes of Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2002, 5, pp. 129–138. (In Russian)

Lamazhaa Ch.K. «Klan»: ponjatie v social'nyh naukah [Clan reflection in social sciences]. *Gumanitarnye nauki: teorija i metodologija*, 2008, 2, pp. 121–131. (In Russian).

Liven A. Progressive nationalism. *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affair], 2020, 5, pp. 25–42. (In Russian).

McLuhan G.M. *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow: Kyuchkovo Pole, 2003. 464 p. (In Russian).

Zhanaev A. *The Human Being in Social and Cosmic Orders. Categories of Traditional Culture and the Problems of Contemporary Buryat Identity*. Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2019. 270 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (val-achkasov@yandex.ru).

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (abc_46@mail.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (alexander-duka@yandex.ru).

Жуков Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (inaternatum@mail.ru).

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (zavershinskiy200@mail.ru).

Михалев Алексей Викторович, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова (mihalew80@mail.ru, <https://www.bsu.ru/science/ndep/polittransformacii/>).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com)

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (seltser@yandex.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (denis_tev@mail.ru).

CONTRIBUTORS

Achkasov, Valeriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Ethno political studies department, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (valachkasov@yandex.ru).

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (alexander-duka@yandex.ru).

Mikhalev, Alexey, Dr. of Sc. (Political Sc.), Director of the Centre of political transformation studies in Banzarov's Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation) (mihalew80@mail.ru, <https://www.bsu.ru/science/ndep/polittransformacii/>).

Pustovoyt, Yury, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoyt1963@gmail.com).

Seltser, Dmitriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., International relations and political science department, Derzhavin Tambov State University (seltser@yandex.ru).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Zavershinskiy, Konstantin, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (zavershinskiy200@mail.ru).

Zhukov, Dmitriy, Candidate of Sc. (History), Assoc. Prof., International relations and political science department, Derzhavin Tambov State University (ineternatum@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 8

Выпуск 1

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 25.12.2021.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 13.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Ренеме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40